

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОЛЯРНАЯ

ЗВЕЗДА

№7 2018

ISSN 0130-8173

№7 2018

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал.
Издается с 1956 года.

УЧРЕДИТЕЛЬ: Правительство РС(Я).

Главный редактор — В.С. ДОЛЛОНОВ

И.И. Иннокентьев, зам. главного редактора
Г. И. Попов, худож. редактор
И. Г. Попова, отв. секретарь
М.В. Никитина, редактор отдела публицистики

Редколлегия:
А.А. Борисова,
Л.И. Левин,
Н.А. Лугинов,
И.В. Мигалкин,
Ю.В. Спиридонов,
В.Н. Федоров,
А.Е. Шапошникова,
Р.Н. Юзмухаметов.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ:
Автономное учреждение РС(Я)
«Сахапечать».
Генеральный директор — Ф. П. ПЕСТРЯКОВ.
тел.: 34-39-17 (приемная)
г. Якутск,
ул. Орджоникидзе, 31.

Формат 84x108 1/16, 96 с.
Объем 6 физ.п.л.
Тираж 800 экз.

Дата выхода в свет 30.07.2018 г.

Отпечатан с готовых
диапозитивов в ОАО
«Медиа-холдинг «Якутия».
г. Якутск, Вилюйский пер. 20.

Свидетельство о регистрации
ПИ №19-0486 от 10 марта 2004 г.
выдано Саха-Якутским территориальным
управлением Министерства РФ
по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 677000,
г. Якутск,
ул. Орджоникидзе, 31.
Телефон: 42-21-96
E-mail: polarstarsakha@mail.ru
«Полярная звезда»

Мнение авторов публикуемых
материалов может
не совпадать с мнением редакции.

Цена свободная

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Валентина СЕМЕНОВА

Первый памятник якутской
литературы: олонхо
М.Н. Андросовой-Ионовой
«Старик Кюлькюль Беге
и старуха Силирикэн»

4

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Михаил Гоголев – Долгун

Лесная Дева

(повесть)

18

Поэзия

Ольга ЯНЦЕН

*«Сердце северного края
Бьется мерно,
как во сне...»*

52

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Саргылана НОЕВА

ОСНОВЫ
НАЦИОНАЛЬНОЙ
КАРТИНЫ МИРА
в романах
В.С. Яковлева–Далана
и этапы эволюции
романного героя

55

Проза

Кирилл ДОЛИНСКИЙ

РОЖДЕНИЕ
ТВОРЧЕСТВА

Эссе

70

Экскурс в историю

Варвара КОРЯКИНА

ИСТОРИЯ ОДНОГО
СТАРИННОГО ЗДАНИЯ
В ЯКУТСКЕ

76

БИБЛИОГРАФИЯ

Олег СИДОРОВ

ОТ 1990-х
ДО НАШЕГО
ВРЕМЕНИ

О книге Владислава Доллонова
“Эрбэһин” (“Полынь”)

82

Проза

Анатолий ИВАНОВ – ЛЭЭГИ,
г. Томмот

ОХОТНИЧЬИ
рассказы

85

ВЕРНИСАЖ «ПОЛЯРНОЙ ЗВЕЗДЫ»

Осипова

Анна

Афанасьевна

Курчатова

Зинаида

Капитоновна

95

Валентина СЕМЕНОВА,
кандидат филологических наук,
член Союза писателей РС(Я)

Первый памятник якутской литературы: олонхо М.Н.Андросовой-Ионовой «Старик Кюлькюль Беге и старуха Силирикэн»

Изучение процесса формирования и развития национальных литератур, так или иначе связанных с устно-поэтическими традициями народа, влечет за собой постановку ряда литературоведческих проблем.

Народное словесное творчество сыграло определяющую роль в зарождении и становлении якутской литературы. Широкое освоение художественных богатств фольклора в высшей степени проявилось в творчестве ее основоположников Алексея Кулаковского, Анемподиста Софронова и Платона Ойунского. Фольклор входил как один из образующих в общую систему творчества А.Кулаковского. Он первым ввел устно-поэтические традиции в литературу, во многом предопределив пути дальнейшего ее освоения. Начиная с зарождения якутской литературной критики, фольклоризм Кулаковского стал объектом изучения в многочисленных работах,

вызывавших нередко оживленную полемику еще при его жизни. Роль фольклора, вопросы слияния двух разнокачественных художественных систем в творчестве поэта изучались в работах Г.У.Эргиса, И.В.Пухова, Г.М.Васильева, В.Т.Петрова, В.В.Илларионова и др. В литературоведческих исследованиях последних десятилетий заметно расширились аспекты изучения данной проблемы, так в работах Н.Н.Тобурокова, Н.В.Покатиловой, П.В.Максимовой, Л.Н.Романовой и др. были поставлены и широко разработаны проблемы фольклоризма, его трансформаций и модификаций в поэзии Кулаковского.

Изучение фольклорно-литературных связей в творчестве П.А.Ойунского также имеет свою давнюю и прочную исследовательскую традицию. Вопросы влияния устного творчества на формирование поэтической системы, художественных принципов творчества писателя были подробно рассмотрены в трудах В.А.Семенова, В.Т.Петрова, В.Н.Протодяконова, В.Б.Окороковой и др.

ВАЛЕНТИНА СЕМЕНОВА. ПЕРВЫЙ ПАМЯТНИК ЯКУТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ОЛОНХО М.Н.АНДРОСОВОЙ-ИОНОВОЙ.

Органический синтез фольклора и литературы наблюдается и в творчестве Анемподиста Софронова. Образная и жанровая система, ритмико-интонационный строй, изобразительные средства его поэзии восходят своими корнями к якутскому фольклору. Однако в творчестве Софронова, с его резко выраженным субъективно-личностным началом, освоение писателем традиций фольклора не выступает выпукло, а проявляется в творческой интерпретации фольклорных сюжетов, чертах поэтического мышления, стиливых и языковых средствах. Внутренние связи поэзии и драматургии Софронова с народно-поэтическим творчеством были затронуты в работах Г.П.Башарина, А.А.Билукиной, Г.Р.Кардашевского, В.Г.Семеновы и др. Отдельные методологические положения фольклорно-литературных связей были разработаны в исследованиях Г.М.Васильева, В.Т.Петрова, И.В.Пухова и др.

Таким образом, можно заключить, что изучению фольклорно-литературных взаимосвязей в

якутской литературе, традиций устной поэзии в творчестве ее основоположников посвящено достаточно большое количество научных трудов. Но в то же время возросший методологический уровень литературоведческой науки требует от современных исследователей расширения сферы и ракурса изучения данной проблемы. В этом отношении особый интерес в научном плане для нас представляет малоизученная область якутского литературоведения - авторская изустная литература, ярким представителем которой является М.Н.Андросова-Ионова.

В последние десятилетия изустная литература стала объектом пристального внимания российских литературоведов и фольклористов. Среди них особо выделяются труды башкирских исследователей¹. Как отмечает М.Х.Идельбаев, в раз-

¹Кунафин Г.С. Идеино-тематическое содержание и жанровая природа башкирского фольклора и изустной литературы первой половины XIX века / Литературное наследие. Фольклор. Текстология: Межвузовский сборник

личных историко-географических регионах мира бытовало три вида художественной словесности: фольклор, авторская изустная литература и письменная литература². Башкирский ученый, посвятивший данной проблеме докторскую диссертацию, дает следующее ее определение: «Изустная литература – это словесное импровизаторское творчество профессиональных сочинителей, в произведениях которых выражаются их мировосприятие, эстетические идеалы, индивидуальный стиль и средства изображения; передается из поколения в поколение с сохранением первоначального авторского текста»³. Изустность приближает ее к фольклору, а индивидуальность – к письменной литературе. Но «это уже не фольклор, но еще не «письменная» литература со всеми вытекающими отсюда особенностями. Это первая историческая форма художественной литературы, которую найдем у всех народов»⁴.

Следует отметить, что авторская изустная литература в настоящее время находится на стадии начала исследования и потому ее поэтические традиции пока еще не стали объектом пристального внимания якутской фольклористики и литературоведения.

В конце XIX в. в условиях напряженной борьбы против социального и национального гнета, под благотворным влиянием русской культуры и с распространением грамотности рост народного самосознания меняется и выходит на другой уровень. Эволюцию литературно-художественного мышления народа подтверждает переход от коллективного к индивидуальному творчеству,

научный статей. Выпуск IV. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. - 282 с.; Ахмадиев Р.Б. Творчество сэсэнэв как историко-художественная летопись жизни башкир // Электронный научный журнал «Современные проблемы науки и образования». – 2014. - №3.

² Идельбаев М.Х. Основные жанры изустной литературы // Электронный научный журнал «Современные проблемы науки и образования». – 2014. - №3.

³ Идельбаев М. Этапы развития изустной литературы // Электронный журнал «Бельские просторы». – 2005. - №10.

⁴ Гаджиев А.А. Реализм в литературах советского Востока. – Баку: Элм, 1978. – С.34-35.

от фольклорного к литературному историзму. На основе фольклорной эстетики начинают вырабатываться методы и формы реалистического искусства. Мы это сможем увидеть на примере творчества М.Н.Андросовой-Ионовой, автора одного из первых художественных памятников якутской литературы.

Жизнь и творчество М.Н.Андросовой-Ионовой. Мария Николаевна Андросова-Ионова (1864-1941) родилась в Игидейском наслеге Байагантайского улуса. С молодых лет она стала известна в Якутии как талантливая исполнительница народных песен и олонхо. Имя М.Н.Андросовой было включено П.Ойунским в ступительной части олонхо «Ньургун Боотур Стремительный» в ряд самых талантливых и известных сказителей народа саха. В 1893 г. она вышла замуж за народовольца Всеволода Михайловича Ионова, отбывающего срок ссылки в Ботурусском улусе. В.М.Ионов считался лучшим педагогом края, кроме того активно занимался общественно-просветительской и исследовательской деятельностью: был автором букваря «Сахалы сурук-бичик», одним из организаторов первой легальной печати в Якутии. Всеволод Михайлович успешно занимался наукой, участвовал в работе двух научно-исследовательских экспедиций (1894-1896, 1903). После отбывания ссылки, в 1910 г. вместе с семьей выехал в Петербург, где продолжил свою научную деятельность по исследованию этнографии якутов.

Мария Андросова-Ионова принимала активное участие в первых театральных постановках в г. Якутске, была исполнительницей главных ролей в спектаклях, поставленных по мотивам олонхо и драме «Манчары» В.В.Никифорова-Кюлюмнюра. Обучившись грамоте у мужа, она не только стала его ближайшим соратником, но и оказывала существенную помощь другим исследователям (Э.К.Пекарский, Н.А.Виташевский, Л.Я.Штернберг, В.Н.Васильев). С начала 1920-х гг. Мария Николаевна сама начинает заниматься наукой: ею были написаны несколько научных статей по этнографии и верованиям якутам, собраны материалы по фольклору и шаманству. Работая в музее антропологии и этнографии АН СССР, принимала учас-

ВАЛЕНТИНА СЕМЕНОВА. ПЕРВЫЙ ПАМЯТНИК ЯКУТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ОЛОНХО М.Н.АНДРОСОВОЙ-ИОНОВОЙ.

тие в работе полевых научных экспедиций. В 1925 г. за значительные научные достижения была награждена малой золотой медалью Русского географического общества.

М.Н.Андросова-Ионова была не только талантливым исполнителем олонхо, но и автором ряда произведений. Ее авторские олонхо “Күлкүл Бөбө оюнньор Силирикээн эмээхсин икки” («Старик Кюлкюл бега и старуха Силирикэн»), «Үүт аас бэйэлээх Үрүг Айыы тойон ыччаттара» («Потомки Юрюнг Айыы Тойона»), «Орто дойдуну тупсарга түспүт Хара тыа иччитэ Баай Барыылаах» («Баай Барыылаах – дух хозяин Черного леса») были напечатаны в сборнике “Образцов народной литературы якутов”. А отдельные песни «Дьыл кэлиитин ырыата» («Песня о начале года»), «Таатта ырыата» («Песня Татты»), «Аан дойду айыллыбыт ырыата» («Песня о сотворении земли»), «Балык-сыттар» («Рыбаки») и др. были опубликованы в сборниках якутского фольклора и учебниках.

В истории якутской литературы М.Н.Андросова-Ионова известна как автор одного из первых художественных памятников якутской литературы - олонхо “Күлкүл Бөбө оюнньор Силирикээн эмээхсин икки” (“Старик Кюлькюль Бега и Старуха Силирикэн”, 1893-1894).

В произведении, написанном в форме олонхо, рассказывается о жизни и приключениях своенравной красавицы Айталыын Куо. С малых лет она воспитывалась у родителей матери – старика Кюлькюль и бабушки Силирикэн. Когда подошло время, несмотря на ее сопротивление, родные насильно выдают замуж за младшего сына бая Харахаана. Будучи своенравного характера, девушка не соглашается с выбором родителей. Отстаивая свое право на самостоятельное существование, она с этого времени вступает в борьбу за самоопределение. Далее чрезвычайная активность героини развивается в авантурном плане. Самовольно уйдя от мужа, находит счастье с богатырем Юрюнг Уолан и рождает ему сына. Но, вскоре поддавшись чарам другого богатыря Юелен Ексеюлях Миэкэстэй, вступает с ним в любовные отношения, что становится причиной гибели Юрюнг Уолан. Небесные боги пытаются урезонить строптивую героиню, и внимая их со-

ветам, старший брат погибшего мужа сватает ее за богатыря Сизгэн Бега, которого впоследствии молодая жена хитроумными приемами отправляет в Нижний мир. Вскоре погибает и новый возлюбленный героини Миэкэстэй. После многих перипетий занимательного сюжета, ее бунтарский дух находит успокоение рядом с образованным человеком Дьулуонтаем Бэргэном, с кем она находит семейное счастье.

Длительное время олонхо М.Н.Андросовой-Ионовой непосредственно причислялось к фольклору, о его наличии знали только в среде фольклористов. Ярко выраженное индивидуально-субъективное начало позволило известным фольклористам отнести ее произведение к художественной литературе. Интересно то, что сам издатель олонхо Э.К.Пекарский, отметил его как “сказку из жизни”⁵. Первым особенностью олонхо отметил ученый-этнограф и фольклорист Г.В.Ксенофонтов, который написал следующее: “М(ария) Н(иколаевна) на своем родном языке обладает далеко недюжинным поэтическим дарованием. Усвоив от мужа искусство якутского письма на бетлингковской транскрипции, она в 1893-94 гг. написала в стихах оригинальную по замыслу поэму, в которой под видом древних якутских богатырей воспеваются подвиги политических ссыльных, борющихся с порядками и указами творца неба и земли Юрюнг Айыы Тойона (Белого творца повелителя), бога одновременно якутского и общечеловеческого. За эти их преступления бог свергает героев верхнего светлого мира на нижний, где они обречены учить людей искусству письма и культуре. ...В поэме заключается немало довольно прозрачных автобиографических моментов”. Свое резюме Гаврил Васильевич заканчивает словами: “М(ария) Н(иколаевна) должна быть признана первым по времени поэтом из якутов”⁶.

Известный фольклорист И.В.Пухов по-иному трактовал идею произведения: “Это произведение о борьбе якутской женщины за свои права,

⁵ Архив С-Пб.филиала РАН. Ф.202, оп.1, д.84, 2 л.

⁶ Архив ЯНЦ СО РАН. Ф.4, оп.1, ед.96. лл.5-6. 18 л. М.Н. и В.М. Иононы. Моление якутского белого шамана с предисловием Г.В.Ксенофонтова.

за право выбора себе мужа по любви, устройства своей жизни и судьбы, о ее стремлении к свету, знанию”⁷. В монографии «Якутский героический эпос олонхо. Основные образы» он отметил: “Очень интересно произведение “Старик Кюлькюль и старуха Силирикэн”, написанное в 1893-1894 гг. М.Н.Ионовой и опубликованное Э.К.Пекарским в его “Образцах народной литературы якутов”. В нем стиле олонхо описываются приключения женщины, борющейся за право свободного выбора мужа. Поскольку оно является продуктом личного творчества, мы его здесь не рассматриваем. Однако следует отметить, что мотивы недовольства и борьбы женщины за свои права, имеющиеся в олонхо, дали возможность выдающейся сказительнице расширить его содержание и создать замечательное произведение о борющейся якутской женщине. К сожалению, до сих пор никто не заинтересовался этим выдающимся памятником дореволюционной якутской литературы”⁸.

Олонхо М.Н.Андросовой-Ионовой как факт якутской литературы впервые был рассмотрен в работах Н.Н.Тобурокова и Г.С.Сыромятникова⁹, в которых история национальной литературы была впервые подвергнута к более глубокому теоретическому и системному изучению, начиная с ее истоков. Крупный исследователь истории якутской литературы дореволюционного периода Н.Н.Тобуроков солидарен с И.В.Пуховым, считая, что произведение было «написано на материале и в стиле олонхо, но по сути является художественным произведением литературы»¹⁰.

Устно-поэтические традиции в произведении. М.Н.Андросова-Ионова была известным в Якутии исполнителем эпоса – олонхосутом, и это позволяет утверждать, что олонхо как фольклорный жанр выработал у будущего писателя определенный эстетический вкус. Умело используя жанрово-стилевые возможности, композиционную

⁷ Архив ЯНЦ СО РАН. Ф.5., оп.5, ед.хр.734. л. 4.

⁸ Пухов И.В. Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. - М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 256 с. С.129.

⁹ Саьархай кинигэ уонна препринт.

¹⁰ Кыьылкинигэ. С.37.

структуру героического эпоса, Мария Николаевна написала произведение “Старик Кюлькюль Беге и старуха Силирикэн” – первую поэму на якутском языке, написанную в форме олонхо.

Сюжет произведения отличается от ранее записанных ею в начале 90-х гг. XIX в. олонхо “Потомки Юрюнг Айыы Тойона” и “Баай Барылаах – дух хозяин Черного леса”. Если сюжеты данных олонхо о заселении Среднего мира племенами Айыы аймаҕа построены на древних мотивах якутской мифологии, то сюжет “Старик Кюлькюль Беге и старуха Силирикэн” необычен.

Идейно-тематическое содержание первой части (экспозиции) произведения М.Н.Андросовой-Ионовой близко к сюжету олонхо “Эр Соготох” (“Муж-одиночка”), распространенного в центральных районах Якутии. Сюжет известного олонхо начинается со “сватовства” или похищения героини богатырем абаасы. В традиционных олонхо Эр Соготох едет добывать себе суженую, получив у почетного древа благословение духа-хозяйки родной местности. Эр Соготох направляется на юг и женится на Үрүҥ Үкэйдээн (Белой Юкэйдээн), дочери Алтан Айыы Тойона (Медного Божьего Господина). По дороге домой во время сна он лишается своей красавицы, которую похищает абаасы – хозяин Ледовитого моря Дьэссин (Джессин). Спустившиеся с неба три шаманки освобождают Эр Соготох от власти сонных чар, и он отправляется искать свою похищенную жену. Будучи в плену, красавица рождает ему сына. Эр Соготох после долгих перипетий находит свою жену и увозит к родителям¹¹.

Как и в традиционном олонхо, сюжет олонхо М.Н.Андросовой-Ионовой начинается с похищения героини иноземным богатырем. Богатырь Эр Соготох сватается к Бэйбэлдьин Куо, единственной дочери старика Кюлькюль и старухи Силирикэн. Из брачного ложа молодоженов невесту похищает богатырь Верхнего Мира Кегул Беге. Узнав о беременности женщины, небесный богатырь выгоняет ее. Бэйбэлдьин Куо на пути домой встречает мужа Эр Соготох, который с радостью принимает ее обратно и увозит к родителям. Бэйбэлдьин Куо

¹¹ Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. – Якутск: Бичик, 2008. – 400 с. С.198.

рожает дочь Айталыын Куо и оставляет на воспитание своим престарелым родителям.

Вторая часть произведения более близка к сюжетам олонхо о заселении Среднего мира, главным героем которых выступает Сын лошади Дыырай Беге (Дыырай Бэргэн), женившийся на девушке-оборотне Айталыын Куо. В одноименном олонхо У.Г.Нохсорова причина ненависти главной героини к мужу заключается в том, что нелюбимый человек взял ее силой, разлучил с семьей и желанным женихом богатырем Уол Дуоланом, с которым она была обручена. Н.В.Емельянов отмечает: «Девушка пытается идти наперекор судьбе и выйти замуж по собственному выбору, однако ей предназначено быть женой главного героя, выступающего проводником божественного предопределения, воплощающего эпический идеал»¹².

В версии Тонг Суоруна из-за героини Айталы Куо погибают в честном поединке богатыри айыы Дыырай Беге и Тойон Джобуруонтай.

Айталыын Куо во всех версиях олонхо о Дыырай Беге не любя своего мужа и обладая даром чародейства, превращается в щенка. Она в олонхо У.Нохсорова имеет злой характер: из ненависти не показывает ему, ломает и портит домашние вещи. Также женщина становится объектом похищения обитателями Нижнего мира.

В произведении М.Н.Андросовой-Ионовой главную героиню Айталыын Куо вопреки ее воле выдают замуж за нелюбимого человека – сына Харахаан бая. Из-за несогласия и протеста девушки начинаются все перипетии ее судьбы. Айталыын Куо имеет строптивый характер: сопротивляется судьбе, независима; крушит дом нелюбимого мужа Сизгэн Беге, потом отправляет его в Нижний мир. Как и девушки-оборотни олонхо, она может превращаться в какого-нибудь зверя. Для того, чтобы пройти препятствия в пути или убежать от преследований, она принимает разные облики: соболя, песца, лося, лисы, урагана.

Таким образом, по основным сюжетобразующим мотивам (мотив чудесного сватовства, похищения героини потусторонними богатыря-

ми, оборотничества невесты (жены) и ее враждебного отношения к жениху (мужу), богатых противостояний за героиню, преодоление препятствий) олонхо М.Н.Андросовой-Ионовой перекликается и развивается в соответствии со специфическими жанрово-эстетическими принципами традиционного олонхо. Например, герои часто преодолевают традиционные препятствия на пути в виде непроходимых болот, чащи из железных деревьев, крутых гор, огненного океана. Можно отметить и устойчивость мифологических основ эпических мотивов (постоянное присутствие языческих верховных божеств, духов-хозяев земли, гор, рек, их покровительство и вмешательство в жизнь героев, участие в сюжете удаганки Ытык Тураахайдаан и т.п.), сказочных мотивов (препятствия в пути героев, чудесные помощники, волшебные случаи).

Форма и стиль олонхо сохраняются также в описании среды обитания, жилища, внешнего вида героев, физических качеств богатырей. Произведение М.Н.Андросовой-Ионовой начинается с традиционного вступления олонхо – обстоятельного воспеания родины героев – срединной земли. Описание Среднего мира состоит из 147 стихотворных строк и по своей художественной структуре не отличается от описаний традиционных олонхо. Также можно отметить, что действие олонхо происходит в рамках эпического пространства мифологического мира: Верхнем, Среднем и Нижнем мирах.

Воспевание красоты Айталыын Куо автором восходит к фольклорным традициям, оно не отличается от подобных портретов эпической красавицы:

С широко распахнутыми
Словно кольца удил
Красивыми глазами,
С нежными словно полумесяц
Тонкими ушами,
С пушистыми
Словно соболя камчатский
Темными бровями,
Прямым носом
С тонкими ноздрями,
С мягкими подобно шелку
Длинными волосами...

¹² Емельянов Н.В. Сюжеты ранних типов якутских олонхо. — М.: Наука, 1983. — 246 с. - С.56.

В произведении широко привлекаются и другие принципы фольклорной эстетики и изобразительные средства олонхо: олицетворение, идеализация, гипербола, условность; эпитеты-определения и сравнения, повторы, синтаксические параллелизмы. Исследователь Н.Н.Тобуроков отмечает также и схожесть ритмики стиха: «...хотя в «Образцах» произведение М.Н.Андросовой передано в форме прозы, как видим, налицо традиционная форма и стиль олонхо. Ритмика речитатива создается группой строк, объединенных в приблизительно равные по количеству слогов тирадные образования, состоящие из параллельных в синтаксическом отношении рядов»¹³.

При всех вышеуказанных сходствах с эпосом в произведении М.Н.Андросовой-Ионовой ярко проявляется авторское начало. В поэме нарушены некоторые закономерности, присущие олонхо: чрезмерно кратко изложены данные о рождении и развитии героини, отсутствуют богатыри и другие обитатели Нижнего мира, отсутствует также героика – самое существенное, чем определяется традиционный эпос. Также это явление в основном связано с обрисовкой образа главной героини Айталыын Куо. Известно, что система персонажей олонхо устойчива и неизменна почти во всех сказаниях: «Главный герой – богатырь или богатырка из племени Айыы аймаҕа. Основной функцией главного героя является созидание жизни на земле, создание семьи и продолжение рода, защита интересов своего племени. Противником обычно выступает богатырь из племени абаасы – мифологических обитателей Нижнего и Верхнего миров, носителей зла. Остальные персонажи группируются вокруг главного героя и его противника. Это родители, сородичи-соплеменники, братья и сестры. В олонхо в роли роковителей племени Айыы аймаҕа выступают божества айыы...»¹⁴

Не входит Айталыын Куо и в систему образов

¹³ Тобуроков Н.Н. Литература Якутии XX века: Историко-литературные очерки. Редкол.: В.Н. Иванов (отв.ред.) и др. – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2005. – 728 с. - С.38.

¹⁴ Емельянов Н.В., Илларионов В.В. Якутский эпос – олонхо. Учебное пособие. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 1997. – 30 с. – С. 4.

олонхо таттинской локальной традиции, состоящую из пяти групп: 1) главные герои и их богатырский конь; 2) враги племени айыы аймага (богатыри, женщины абаасы и богатыри айыы, выступающие как противники героя); 3) образы удаганок; 4) мифологические персонажи; 5) другие образы (посланники и прислужники, племя айыы аймага)¹⁵.

Положительные герои в эпосе всегда бывают возведены на высоту эпических героев: «Исключительность эпического героя как следствие особого положения в родо-племенном коллективе, которое он занимает, как следствие синкретического тождества племенного героя и племени делает его воплощением общинного этико-эстетического идеала человека...»¹⁶ Герои были выразителями мечты и чаяний простых людей, обладали богатырской силой или неземной красотой, могли проходить огромные расстояния и действовать в масштабном времени. Как отмечает исследователь якутского фольклора Г.У.Эргис, женщина в большинстве олонхо играет пассивную роль, она является суженой невестой героя олонхо; обладает прекрасными физическими и моральными качествами; наделена красотой, умом и хозяйственными способностями; представлена хранительницей домашнего очага и воплощением мирной счастливой жизни¹⁷. «В образе эпической героини олонхо народ воссоздавал свой идеал женщины. Это – женщина, не знающая горя и нужды, живущая в изобилии и довольстве. Она одета в дорогие меха, ест даже не мясо, а «один жир». В то же время она помощница героя, его умная, изобретательная советчица, идеальная хозяйка – воплощение мирной и счастливой жизни», – пишет фольклорист И.В.Пухов¹⁸.

В развитии сюжета произведения

¹⁵ Оросина Н.А. Таттинская локальная традиция якутского эпоса олонхо: формы бытования, основные образы и мотивы. Якутск – 2015. 23 с. С.10.

¹⁶ С.97. Шталь И.В. Художественный мир гомеровского эпоса. - М.: Наука, 1983. – 296 С.

¹⁷ Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. – Якутск: Бичик, 2008. – 400 с. - С.206.

¹⁸ Пухов И.В. Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. – М.: Издат-во Академии наук СССР, 1962. – С. 256 с. С.126.

М.Н.Андросовой-Ионовой намечается деидеализация образа женщины, которая постепенно превращается в простую женщину со сложной судьбой. Айталыын Куо вопреки идеальным героиням олонхо имеет неординарный характер: дерзновенна, резка, самоуверенна, нецеломудренна. И все ее неудачи в личной жизни могут быть связаны с ее борьбой с предопределением судьбы, предначертанной свыше. Тот, кто сопротивляется божественному предначертанию, часто изображается в олонхо как отрицательный герой.

Олонхо как эпос якутов неотделим от истории народа и является высшим художественным самовыражением его этнического самосознания, и потому олонхо и произведения, написанные по его мотивам, где главными героями выступают герои с реальными прототипами или персонажи с отрицательными чертами, не всегда бывают совершенны. Например, известное произведение П.А.Ойунского “Оппозистан Боотур” (1927) было оценено литературоведами как отдельная неудача писателя¹⁹.

В подавляющем большинстве традиционных олонхо на первый план выдвигается богатырь и его борьба, а женщина играет пассивную роль, она невеста, жена, мать. А в олонхо М.Н.Андросовой-Ионовой на первый план выдвигается образ героини, она не только объект борьбы, первопричина событий олонхо, но и непосредственная их участница и организатор. Действия богатырей в произведении носят в основном вспомогательный характер, все конфликты, схватки между ними происходят только из-за нее.

Если в традиционном олонхо женщина – воплощение счастливой семейной жизни, несущая в себе свет и добро, то героиня М.Н.Андросовой-Ионовой нетипична и в этом отношении: не придает большое значение семейной жизни, не обращает большого внимания на сына. В ее приоритетах – поиск женского счастья, любви, стремление к свободе.

Следует отметить, что в описаниях тяжелой

¹⁹Семенов В.А. Фольклорные сюжеты и мотивы в творчестве П.А.Ойунского. – Якутск: Якуткнигоиздат, 1966. – 76 с. -- С.34.

доли женщины произведение М.Н.Андросовой-Ионовой близко к многоэпизодным песням-тойукам новеллического характера (“Суосалдьыйа Толбонноох”, “Кыыс Кырынаастыыр”). В поэмах-тойуках, где отразился патриархальный уклад жизни конца XIX в., изображались реальные человеческие страсти, которые часто заканчивались трагически.

Можно полагать, что построение образа героини, основной мотив произведения носит отзвук недовольства автором бесправным и неравным положением женщины в якутском обществе. Женщина не имела никаких прав, она целиком подчинялась родителям, выходя замуж, полностью зависела от мужа. Сам автор об этом знала не понаслышке. Прежде чем как выйти замуж за В.М.Ионова, она дважды неудачно побывала замужем, будучи физически выносливой, выполняла мужскую работу по хозяйству.

Индивидуально-творческое начало в произведении. “В целом во второй половине XIX века были заложены основы для дальнейшего развития якутской литературы. Объектом внимания художественной литературы становились жизнь самого автора, его личные впечатления, переживания, жизненный путь. Проникновение этнографических картин быта, элементов устного народного творчества в повествование нередко усиливало в якутской литературе не только ее художественное звучание, но и национальный колорит. Этнографизм и фольклоризм становятся существенными факторами, повлиявшими на весь путь становления и развития якутской литературы”, – отмечают авторы монографии “История якутской литературы”²⁰.

Огромная заслуга М.Н.Андросовой заключается в том, что она, опираясь на поэтику фольклора и жанровую особенность олонхо, создала первую авторскую оригинальную поэму реалистического содержания. В произведении дает себя знать тенденция к реалистическому отображению действительности. В нем фантастика, сказочные мотивы тесно переплетаются с элементами реализма: наряду с мифологическими и фольклорными образами действуют в конкретно-исто-

²⁰Сахархай кинигэ. С.79.

рических условиях персонажи с историческими прототипами, реально проступают характерные черты жизни и быта, обычаи, верования, традиции хозяйствования, празднества и другие картины национального бытия. Сватовство героев, роды, проводы богини деторождения Иэйиэксит, угощение духа огня и другие обряды представляют этнографические точные зарисовки якутского быта. Мария Николаевна была выдающимся знатоком быта и фольклора якутов. И в этом отношении познавательный интерес для читателей представляют реалистические описания материальной культуры и условий существования якутов второй половины XIX в.

Особенно подробно описываются свадебные обряды. КюльКюль Беге заранее договаривается с родными и женихами дочери и внучки. При сватовстве стороны за угощением договариваются о размерах калыма и приданого, произносят алгыс. При отъезде из дома Айтальын Куо в семью жениха – сына бая Харахаан проводятся различные обряды. После благословения невеста едет к жениху верхом в богатом одеянии и в сопровождении родственников. По пути они привязывают у священного дерева конские волоски. В доме жениха невесту встречают две девушки. Затем мать жениха, взяв за руку невестку, вводит ее в юрту. Войдя в дом, Айтальын Куо кланяется родителям будущего мужа. После обряда кумысопития, героиня бросает в огонь лучины, которые ей подает жених. Подробностью выделяются и описания обрядов “Айыһыты атаары” (“Проводы Айысыт”), “Уот иччитин аһаты” (“Кормление духа огня”).

В произведении доминирующим принципом художественного изображения действительности является также и автобиографизм. М. Андросова-Ионова включила в ткань своего произведения автобиографические элементы. Исследователь Далгат У.Б. в своем труде «Литература и фольклор» отметила: «На втором уровне литературного развития соотношение между коллективным и индивидуальным творчеством изменяется в пользу индивидуального, что проявляется в обрисовке героев, в появлении индивидуального стиля, автобиографизма

профессионального творчества»²¹. А тувинский исследователь У.А.Донгак, отмечая автобиографизм первых произведений тувинской прозы «Поездка в Каргы», «Мое детство», «Мои воспоминания» С.Токи; «Встреча» О.Саган-оола, написала: «На начальном этапе становления национальной литературы, рожденной в синтезе тувинского фольклора с опытом великой русской литературы, роль чисто развлекательного и воспитывающего чтения пока слаба, повествование о вымышленных событиях пока не закрепило своих позиций. В этот период автобиографичность являлась доминирующим принципом художественного изображения действительности, а новые идеи и образы требовали соответствующего нового жанрового оформления»²².

Согласно этому принципу, в произведении автор вводит реальные эпизоды из своей жизни и наделяет свою героиню автобиографическими чертами. Так прототипом последнего мужа героини Дьулуонтая, обучившим ее грамоте, является политический ссыльный В.М.Ионов, фамилия которого на якутском Дьуонап созвучно имени главного героя. Дьулуонтай Бэргэн в произведении представлен бунтарем, отпущенным с Верхнего мира в Срединный мир за противоборство с Верховным богом якутского пантеона Юрюнг Айыы. Дьулуонтай Бэргэн, переселившись в Срединном мире, занялся обучением грамоте детей и молодежи. Как известно, Ионов активно и успешно занимался преподавательской деятельностью, в т.ч. учил свою будущую жену читать и писать по алфавиту Бетлингка. Айтальын Куо было 29 лет, когда она вышла замуж за богатыря, столько же было Марии Николаевне, когда они поженились с Ионовым. Изображение внешнего вида Дьулуонтая Бэргэна – живой портрет Всеволода Михайловича:

Икки тобук чөнкөйү

²¹ Далгат У.Б. Литература и фольклор. Теоретические аспекты. – М., Изд-во: Наука, 1981. – 302 с. С.14.

²² Донгак У.А. Особенности литературного творчества 1920-х – начала 1940-х годов в Туве / История тувинской литературы. Т.1. Истоки. Литература Тувинской Народной Республики (1921-1944). Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2013. – 266 с. - С.126.

Субугур муруннаах,
Уоттаах харахтаах,
Икки эһэ лэпсэни
Атахтаһыннары уурбут курдук
Көп хаастаах,
Улуу кыыл уллугун үнүобун
Туруору туппут курдук

Олордо уурбут курдук
Өрүскэ дьахтар икки
Түнэ үтүлүгүн курдук
Көбүлээх уостаах,
Оол үрдүнэн буулур
Атыыр сылгы сиэлин
Тэлгии бырахпыт курдук
Күрүө кэрэмэс бытыктаах.

Е.И.Коркина, исследовавшая жизнедеятельность сказительницы, полагает, что прототипом богатыря Халлаан уола Хаарылла Мохсобол, друга Дьулуонтая Бэргэна, является Эдуард Карлович Пекарский, которого якуты прозвали Карловичем²³.

Таким образом, М.Н.Андросовой-Ионовой, как и автору первого литературного памятника А.Уваровскому, тема и сюжет для написания произведений подсказывались окружающей действительностью. И они, не имевшие прежде собственно-литературного опыта, использовали в произведении реальные факты из своей жизни. Анализ жизненных явлений, типизация в образе человеческих черт появились в начале XX в. в творчестве классиков А.Кулаковского и А.Софронова, испытавшем мощное влияние русской литературы.

Н.Н.Тобуроков верно заметил, что “Старик Кюлькюль Беге и старуха Силикээн” – первое художественное произведение в истории якутской литературы, где отображена повседневная жизнь народа. В поэме реалистически передана окружающая действительность, описана жизнь простых якутов: “...взаимоотношения героев олонхо – это поведение людей в реальной жизни: так, узнав, что невеста его беременна,

²³ Коркина Е.И. «Ол кимий-ханнагыг диэтэргин...» (М.Н.Андросова-Ионова олобун уонна үлэтин-хамнаһын туһунан бэлиэтээһиннэр) // Хотугу сулус. 1979. - №11. - С.93.

богатырь отправляет ее обратно домой: развод мужа и жены оформляется решением айыы Верхнего мира: детей обучают грамоте, тайком вступают в любовные связи». Реалистическая составляющая произведения начинается со вступительной части. До пространного описания природы срединного мира автор сразу представляет героев как обычных людей: Кюлькюль Беге – охотником и рыбаком, Силикээн – слепой семидесятилетней старухой.

Таким образом, показ реальных событий, героев, детали народного быта переплетаются с фантастическими явлениями, свойственному эпосу олонхо. Двуплановость изображаемых событий порождает также и двуплановость поэтического языка и стиля повести. Повествовательная часть изложена ритмизированной прозой, присущей эпосу. Высокая, архаизированная лексика, гиперболические сравнения и постоянные эпитеты придают стилю олонхо приподнятый, торжественный слог. Но в то же время речь героев характерна для обычной, эмоциональной разговорной речи. Дерзкий, непокорный характер героини, ее чувства ярко раскрываются через диалоги и монологи.

Автор уделяет большое внимание индивидуализации своей героини, раскрытию ее внутреннего мира. Айталыын Куо считает, что каждый человек должен строить свою жизнь самостоятельно, и в этом ему никто не должен помешать. Мария Андросова-Ионова впервые в якутском словесном искусстве показала образ якутской женщины как реального человека, живущего, борющегося, страдающего на земле. Она раскрыла живой, сложный человеческий характер главной героини в его развитии, изменении, в различных обстоятельствах жизни. Через гиперболизированный образ непокорной и бесстрашной, гордой и сильной бунтарки, ее нарочито преувеличенные приключенческо-романтические похождения она показала стихийный протест якутской женщины против патриархальных нравов и социального неравенства, ее борьбу за свободу и самоопределение. В те времена, когда появилось это произведение, в якутском патриархально-феодальном общест-

ве женщина была самым бесправным и угнетаемым существом. Таким образом, двигательной пружиной сюжетного развития произведения стали мотив недовольства существующим положением женщины, защита их человеческого достоинства.

Согласно основной идее олонхо, цепь приключений для героини заканчивается счастливым и жизнеутверждающим финалом: она выходит замуж за своего учителя Дьулуонтая Бэргэна, когда-то учившего ее грамоте. Путь к достижению счастливой жизни автор видит в просвещении. Так богатырь увозит Айтальын Куо и ее сына к себе и наступает мирная, спокойная жизнь, которая заканчивается нетрадиционным для типичного олонхо финалом: «И стали они счастливо жить-поживать в радости и сытости, веселиться и учиться».

Творческий путь Марии Андросовой-Ионовой от сказительства до сочинения собственно-литературного авторского произведения – отражает процесс перехода от фольклорной безличности к индивидуальной авторской личности. В ее произведении впервые ярко проявились конкретные национально-исторические признаки письменной литературы.

Изустная литература как особая форма творчества. В своей монографии, посвященной проблеме взаимодействия литературы и фольклора, исследователь У.Б.Далгат писала: «Изучение литературно-фольклорных процессов, происходивших в так называемых «младописьменных литературах», с точки зрения системной методики дало возможность определить некоторые закономерные признаки их общего развития в условиях генетической зависимости от фольклора, который в свое время являлся действенной формообразующей силой; особенно явственно это проявилось в поэтической деятельности певцов, ашугов, для которых фольклор был не средством, а основой и художественным арсеналом их поэзии»²⁴. Так в конце XIX - начале XX вв. своеобразным переходным звеном от фольклора к литературе у

²⁴ Далгат У.Б. Литература и фольклор. Теоретические аспекты. - М.: Наука, 1981. –302 с. С.300.

различных народов стало творчество народных певцов: акынов, ашугов, сэсэнгов, жырау, тоолчу. Их оригинальные творения синтезировали в себе традиции фольклора и письменной литературы. С одной стороны, они создавались на основе фольклорной поэтики и многолетней исполнительской традиции народа, а с другой, отличались индивидуальным видением, оригинальным осмыслением реальной действительности. В начале нового века важную роль в социальной и культурной жизни якутского народа, в возникновении предпосылок качественно нового уровня словесного искусства – художественной литературы сыграли народные певцы.

Первая русская революция 1905 г. дала толчок развитию национально-освободительного движения по всей России. В Якутии, одной из самых социально и экономически отсталых и угнетенных колоний, заметно усилилась борьба за просвещение народа, за создание национальной литературы и печати. Крупнейшим событием в истории якутской культуры стало издание двуязычной газеты «Якутский край-Саха дойдута» (1907-1909), затем журнала «Саха саната» (1912-1913). В изданиях, наряду с первыми произведениями начинающих профессиональных писателей, были напечатаны и авторские творения талантливых народных поэтов – авторов оригинальных, собственных произведений К.Оросина, И.Кулаковского-Ооннуулаах Уйбаан, Ильи Ырыа, Ырыалаах Степана и др.

Широкий общественный резонанс получили стихотворения «Батталлаах дьаһал, үтүргэннээх дьүүл» («Несправедливый порядок») известного народного певца П.Охлопкова-Наара Суох и «Бүлүү ырыата» («Песня из Вилюя») М.Н.Тимофеева-Терешкина (Нерюктяйца), напечатанные на страницах газеты в 1907-1908 гг. Оба произведения были посвящены крупному событию в жизни края – аресту участников «Союза якутов», созданного в начале 1906 г. лидером национально-освободительного движения якутов В.В.Никифоровым. Народные поэты как поборники свободы и справедливости призвали народ к борьбе против произвола властей

и местных тойонов. Впервые вышеуказанная песня П.Охлопкова-Наара Суох была исполнена автором в 1905 г. в г. Якутске в здании “Народного собрания”. Исследователями отмечено, что данное произведение было первой песней, где была открыто высказана идея уничтожения классового и национального угнетения: “И потому велико было ее воздействие на сознание угнетенной народной массы, которая впервые собственными ушами слышала эти гневные обвинения, а потом и увидела эти слова, запечатленными на письме. Песня была созвучна настроению народа и быстро долетела до самых глухих мест, передаваемая из уст в уста”²⁵.

Мотивами борьбы против социальной несправедливости отличались и песни других авторов как Н.Жирков, И.Кулаковский, Г.Яковлев и др. Народные певцы всегда находились в гуще общественно-политических событий, пользовались всеобщим уважением народа. В своих оригинальных произведениях, воплощающих мудрость народа, его мысли и надежды на лучшее будущее, они затрагивали актуальные проблемы своего времени. Можно отметить, что творчество народных поэтов долгое время оставалось за пределами внимания якутских филологов: литературоведы причисляли их к фольклору, а фольклористы - к литературным произведениям. Между тем, сегодня у нас появилась возможность изучить их творчество как объект изустной литературы – одного из «подразделений» словесного искусства, состоящего из следующих видов: фольклор - изустная литература – художественная литература.

В последнее время в современной науке исследование взаимодействия фольклора и литературы выходит на новый уровень, определяются новые методологические подходы и закономерности. Начиная с 2000-х гг., в башкирском литературоведении появились серьезные исследования, посвященные изустной литературе – словесному импровизаторскому творчеству профессиональных сочинителей как

²⁵ Ойунская С.П. Якутские народные песни и поэмы-тойуки / Якутские народные песни. Ч. IV. – Якутск: Книжное изд-во, 1983. – 280 с. С.18.

отдельному виду словесного искусства. Как пишет М.Х.Идельбаев, жанры и жанровые формы изустной литературы тюркских народов (эпос, айтыш, кубаир, песня, баит) отличались от фольклорных осознанным авторством, творческой индивидуальностью, близостью объектов изображения к реальной действительности, устойчивостью текстов и преобладанием в них философии и дидактики. Исследователь особо выделяет среди них эпос позднего времени, где наряду с другими героями первого плана, действует образ изустного творца: «В башкирских текстах этот образ непременно выступает свидетелем и активным участником повествуемых событий; а главное, он же – конкретное историческое лицо, один из самых знаменитых йырау или сээнов эпохи. В данных эпосах, как правило, речам героев отводится основная часть объема текста, а их действия и события описываются весьма кратко».

По мнению другого башкирского исследователя Г.С.Кунафина, изустная литература в первой половине XIX в. составляла неотъемлемую, наиболее тесно связанную с историей, жизнью, бытом и художественно-эстетическими традициями народа часть башкирского искусства слова: «Творчество его представителей отличалось светским характером, непосредственной связью с реальной действительностью, вниманием к социальным проблемам времени. Поэтому их импровизированные и письменные произведения послужили мощным источником для интенсивного развития литературы народно-демократического направления»²⁶. На наш взгляд, в свете последних исследований башкирских ученых, в якутской художественной словесности стоит выделять изустную литературу как отдельный вид. Перед исследователями также возникает задача более глубокого изучения творчества известных ее представи-

²⁶ Кунафин Г.С. Идеино-тематическое содержание и жанровая природа башкирского фольклора и изустной литературы первой половины XIX века / Литературное наследие. Фольклор. Текстология: Межвузовский сборник научных статей. Выпуск IV. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2009. - 282 с. С.23.

телей – талантливых творцов конца XIX – начала XX века К.Оросина, П.Охлопкова-Наара Суох, И.Кулаковского, Н.Жиркова и др.

Также несомненно, что поэтическое наследие яркого представителя якутской изустной литературы М.Н.Андросовой-Ионовой, автора одного из первых художественных памятников национальной письменности, подлежит глубокому и разностороннему анализу в аспекте межсистемных связей литературы и фольклора.

Резюмируя вышесказанное, можно прийти к следующим основополагающим выводам.

В конце XIX – начале XX вв. среди якутского народа были широко известны имена талантливых певцов-импровизаторов И.Кулаковского-Оонньуулаах Уйбаан, П.Охлопкова-Наара Суох, К.Оросина и др. В те времена их творчество наряду с зарождающейся письменной литера-

турой было одной из основных форм существования якутской художественной культуры. Импровизированные и письменные произведения авторов отличались от фольклорных осознанным авторством, непосредственной связью с реальной действительностью, вниманием к социальным противоречиям в обществе, устойчивостью текстов, оригинальными художественными средствами, близкими к письменной поэзии. В то же время их творческая деятельность, основанная на художественно-эстетических традициях народа, все еще находилась в сфере эстетической системы фольклора. Активное использование народными певцами традиционных стереотипных формул, описательно-картинное изображение действительности, отсутствие обобщения явлений жизни, неоформленный индивидуальный стиль не позволяют полностью отнести их произведения к литера-

ВАЛЕНТИНА СЕМЕНОВА. ПЕРВЫЙ ПАМЯТНИК ЯКУТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ОЛОНХО М.Н.АНДРОСОВОЙ-ИОНОВОЙ.

турным, а самих авторов к личностным поэтам.

В последние десятилетия в работах исследователей национальных литератур стала выделяться изустная литература как следующий за фольклором и предшествующий литературе этап развития художественного сознания народа. Изустная литература как переходная форма от фольклорной эстетики к литературному творчеству составляла неотъемлемую часть культуры многих народов. Творчество ее представителей, своеобразно синтезирующих в себе традиции фольклора и письменной литературы, подготовило почву для личного творческого акта будущих профессиональных писателей и послужило мощным источником для интенсивного развития национальных литератур. Думается, что изустная литература, несомненно присутствующая в истории якутского словесного искусства, также творчество якутских импровизаторов должны стать объектом глубокого и разностороннего изучения литературоведов и фольклористов.

Ярким представителем якутской изустной литературы является М.Н.Андросова-Ионова, творчество которой представляет первую попытку межсистемного синтеза, эстетического единства двух начал. В ее произведении «Старик Кюлькюль Беги и старуха Силирикэн» впервые в истории якутской словесности происходит слияние двух художественных систем: устной народной поэзии с ее устоявшимися традициями и литературы - пока еще не сложившейся полностью и абсолютно новой для якутов области творческой деятельности. Огромная заслуга М.Н.Андросовой-Ионовой заключается в том, что она, опираясь на поэтику фольклора и жанровую особенность олонхо, создала авторскую оригинальную поэму реалистического содержания, где впервые ярко проявились конкретные национально-исторические признаки письменной литературы. Таким образом, произведение можно назвать оригинальным произведением, ознаменующим собой переход из фольклорной традиции в литературную.

Михаил Гоголев – Долгун

Лесная Дева

(повесть)

Ньюкку

Минуло пять лет с тех пор как закончилась война, всколыхнувшая весь мир, словно воду в котелке, пролившая кровь и слезы, принесшая столько бед и страданий, страшную засуху, а за ней и голод. Люди только-только начинали как-то жить, приходиться в себя после столь тяжелых испытаний. Не было семьи, которая осталась бы на стороне от этой беды. Война всем нанесла незаживающие, глубокие, кровоточащие раны. Несмотря на это, в необъятных просторах Якутии все еще находились семьи-отшельники, да и люди-одиночки тоже, хранящие вековые традиции предков, желающие подальше уйти от тесноты поселков, толкотни, бесконечной суеты, а иногда и чтобы спрятаться от властей. Некоторые рвались уединиться, успокоиться, слиться с природой. Вообще, коллективизация в Якутии прошла непросто. Особенно трудно приходилось старикам и пожилым, которым очень не хотелось расставаться с родными пенатами, от могил предков. Они болезненно восприняли все это, точнее не восприняли, а просто смирились с неизбежным. А что им

еще оставалось делать? Пришлось, наступив на сокровенное, следовать за своими сородичами, переселяться в немилые для них новые места. Только начали привыкать к своей незавидной участи, тут же случилась новая напасть – укрупнение, когда начали путем объединения мелких колхозов создавать более крупные. И опять переселение...

На живописном берегу неширокой травянистой речки, за сосновым бором вперемежку с лиственницами, с обгорелыми стволами, в небольшом аласе с озерцом, на западном его пригорке, перед стройным рядом белых берез приткнулся маленький неказистый балаганчик, над ним струился дымок. Невдалеке хотон, при ближайшем рассмотрении двора чувствуется, что тут давно не прикасалась мужская рука, изба, что рядом совсем покосилась.

Здесь живут старуха лет семидесяти вместе с внучкой. И отчего же они дошли до жизни такой, по чьей злой воле оказались вдали от людей, на отшибе? Старуха-удаганка Харай с внучкой были вынуждены переселиться в Урасалах, родное урочище, подальше от глаз людских, от преследования властей, из-

МИХАИЛ ГОГОЛЕВ – ДОЛГУН. ЛЕСНАЯ ДЕВА.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

за рода занятий старухи. Хоть все и прошло давно, старуха-удаганка разве забудет, как ее притесняли в первые годы советской власти, да и после тоже. Да что там ее... Преследовали ее детей, родственников. Старуха несколько раз пыталась прекратить заниматься удаганством. Ведь многие бросили это дело, а вот ей никак не удавалось. Все бы хорошо, если бы это были только ее способности. Нет же! Оказалось, что удаганство Харадай имеет глубокие корни и ветви, от которых избавиться не так-то просто. А теперь вот так и живут в своей, до половины провалившейся в землю, юрте, что в пятнадцати верстах от ближайшего жилья.

Нелегкую жизнь прожила старуха. Ее трое сыновей, выросшие с таким трудом, ушли на фронт и пали на поле боя. Двоих старших проводила зимой сорок первого, младшенького, отца Ньюкку, забрали весной сорок второго. Никто не вернулся. Муж Харадая погиб трагически в 45 лет. Во время валки леса его ударило по голове отвалившейся мерзлой верхушкой и он погиб мгновенно. Много ли получишь от горя? Харадай смирилась со своей участью и всю свою жизнь посвятила сыновьям, с трудом, но поставила их на ноги. Тут пригодился ее природный дар и она как могла помогала всем нуждающимся, получая мелкую мзду и, всегда была довольна жизнью.

Сыновья, хоть и обзавелись семьями, потомства не оставили. Детишки доживали до 4-5 лет и умирали. Ходила молва, что, мол, Харадай сама виновата в этом. Она удаганка. Не соглашаясь с этим, в то же время, Харадай понимала, что ее дар не дался за просто так. Она прощала людей, которые мало что понимали в жизни таких особенных людей, какие страсти их обуревают, что им приходится преодолевать, какие трудности они переживают исполняя свое предназначение. Посвященные высшими силами, связанные невидимыми узами со страшными духами, Воители трех миров в своих астральных приключениях пре-

одолевают очень опасные для жизни преграды о которых простые смертные и в мыслях представить не могли, а понять и подавно...

С 18-летнего возраста Харадай почувствовала, что она особенная, не такая как все, стала сторониться людей, изменилась на глазах. Выросла красивой, статной девушкой, но ее предназначение было иным, чем быть просто хозяйкой и матерью. Камлать не камлала, но открыла в себе таланты другого рода - умела влиять на людей внушением, изгоняла злых духов, владела массажем-илбийи, траволечением, лечила проникновенным словом-алгысом, видела будущее, искала пропавших и лечила болезни руками –сюллярдир. Слава о ней как об удаганке гремела на всю округу. Дед Харадая был знаменитым шаманом, но отец же ее, как знали люди, не занимался ничем подобным. Сама Харадай была у родителей единственной оставшейся в живых от десятерых детей. А теперь вот, ее родная кровь внучка Ньюкку тоже у нее одна. Старуха оберегала внучку как только могла и умела. Нежелание переселяться в деревню отчасти диктовалось именно этим – необходимостью беречь внучку от злых людей. Да и власти не жаловали Харадая. Не хотелось лишней раз попадаться в их глаза. И даже несмотря на это нуждающиеся находили ее и приходили за помощью.

Ньюкку, на самом деле, зовут Ньюргусун, но все привыкли ее звать Ньюкку с самого детства. В пятом классе одноклассники заметили в ней необычное. Когда что-то теряли, дети спрашивали Ньюкку и она четко указывала где искать и найти. Играя в прятки, никогда не могли найти Ньюкку, пока ей не надоест и она не скажет: - Вот она, я! И самое интересное, ее всегда находили там, где смотрели несколько раз. Написав контрольную просили ее угадать будущую оценку и она правильно угадывала. Летом школьники помогали дояркам, пасли коров. Когда пропадала корова все спрашивали Ньюкку и она точно указывала где

корова находится. Со временем Ньукку стали тяготить шумные компании. У нее черта была такая – тянулась все больше к лесу, к родному аласу, речке, могла ходить по лесу весь день без усталости. Старшеклассники ее, внучку удаганки не очень-то жаловали, да это и не особо беспокоило Ньукку. Она никому себя не давала в обиду и все ее побаивались. Одноклассники же всегда защищали Ньукку.

Когда внучка закончила восьмой класс, старуха Харадай взяла да переехала в свою юрту, лишив ее возможности учиться дальше. Ньукку это не расстроило, она даже обрадовалась. Ей очень нравилось общаться с природой. Находясь в природе она имела привычку разговаривать со всеми, будь это деревья, травы, насекомые, всякая другая живность. Ухаживала за ними, ласкала. Однажды заметила березку, бересту которой повредил рогом зверь, ствол ее оголился и из раны сочился прозрачный сок, словно слеза. Очень расстроенная Ньукку, чуть не плача, как умела перевязала поврежденное место, возвратив лоскут на место.

Вскоре прекрасная дочь леса, звонкоголосая девица, стройная как лань превратилась и впрямь в Лесную Деву. Любо дорого смотреть! Так они и жили, присматривая за двумя коровами-кормилицами, заготавливая сено с помощью приехавших на лечение. Очень выручал старый вол, без которого сложно было справиться с хозяйством. По пришествии двух лет, после переезда сумели, опять-таки с помощью добрых людей, построить домик получше и переехали туда. Словом, здорово подтянулись, привели в порядок двор, ту самую покосившуюся старую избушку.

Прошло еще одно лето. Пришла золотая осень, укрыв природу как будто разноцветной игристой тканью. В один прекрасный осенний день, Ньукку пошла в окрестный лес по ягоды. Набрав полного берестяного туеска ягод, она вышла из леса и направилась домой вдоль вытянутого озера. Вдруг, прямо над головой раздался свист мощных крыль-

ев: огромный черный глухарь кувыркнулся с небес прямо перед Ньукку. Тотчас, вслед за ним молнией промелькнула тень атакующего ястреба-тетеревятника, настигнув глухаря он нанес сильнейший удар когтистой шпорой. Глухой звук раздался в прозрачном осеннем воздухе одновременно с разлетевшимся снопом пуха и перьев. Глухарь ударился об землю и замер, распластав крылья. Ястреб с размаху, пролетев мимо, ловко повернулся прямо в воздухе и устремился назад к жертве нанести последний удар. Ньукку с криком бросилась навстречу летящему хищнику, ястреб испуганно отряпнул назад, взлетел вверх и сел на ветку поодаль стоящего дерева. Ньукку бросилась к глухарю: из рваной раны на спине птицы обильно сочилась кровь, даже были видны трепыхающиеся в такт дыхания легкие. Глухарь почти умирал. Ньукку бережно подняла пернатого, положила на колени и нежно прижала к груди. Сердце глухаря билось неистово, девушка будто желая как-то успокоить это трепыхание, закрыв глаза, невольно начала водить ладонью над раной, приговаривая что-то успокоительное для бедняжки-глухаря. Временами прекращая приговаривать, теплым дыханием обдувала рану на спинке. Вскоре глухарь, милое дитё леса, начал успокаиваться, даже и не думая вырваться, доверчиво прикрыв округлые черные глазки, полностью отдался воле девушки. Лесная Дева, войдя в полузабытье от магии действия, позабыла о времени и окружающем мире. Лишь потом, словно очнувшись, открыла глаза и оглянулась вокруг. Солнце уже склонялось к западу. Значит, она просидела без малого 2-3 часа. Переведя взгляд на глухаря, лежащего на коленях, без особого удивления отметила, что от раны остался только небольшой рубец. Восприняла она это как что-то должное. Осторожно опустила глухаря на землю, тот откинув назад голову пошел по кругу вокруг девушки, после, встав прямо перед ней, что-то начал толковать. А девушка ему в ответ:

МИХАИЛ ГОГОЛЕВ – ДОЛГУН. ЛЕСНАЯ ДЕВА.

Да-да, ты уже выздоровел, теперь тебе ничего не грозит, возвращайся восвояси, - сказала она и устало поднялась. Ястреб давно улетел. Глухарь так и остался сидеть на земле, а девушка пошла домой и ничего не рассказала бабушке, как свидетель того происшествия над ее кроватью появилось лишь перо глухаря. Ньюкку почувствовала, что с этих пор она, не все конечно, но стала понимать повадки животных, зверей, птиц и даже их крики, говор. Иногда она потихоньку подкрадывалась к гнездовью уток, птичек и что-то приговаривая, с умилением гладила наседок за головку и они позволяли ей это делать, те только втягивали головку в тело.

Сначала Ньюкку не обращала внимание на то, как бабка лечит. Потом, потихоньку начала помогать в сборе трав, затем дальше-больше, начала втягиваться, интересоваться. Да и бабка против не была. Напротив, втайне радовалась, мол, интересуется внучка, может что и выйдет. С того момента бабушка начала целенаправленно учить, посвящать внучку в тайны своего удаганского дара. Так прошла еще одна зима.

Посвящение

Ньюкку, выкраивая свободное время от повседневных забот, часто отлучалась в лес, гуляла по долам и аласам земли своих предков, собирала ягоды, за все это время непрерывно наблюдала за птицами, разным зверьем, любовно разговаривала с ними на понятном только ей языке. Словом, ей не приходилось скучать.

В один летний июньский день Ньюкку по привычке, без задних мыслей гуляя по редкому сосновому бору, уселась на ковер из листьев толокнянки, полюбоваться бездонным небом. Смотреть на снующие по небу толпы кучевых облаков было еще одним бесхитростным развлечением Ньюкку. Причудливая картина находилась в постоянном

движении, прямо на глазах меняя очертания в виде громадных беспорядочных фигур, похожих на сказочных зверей, животных, птиц и даже людей. И вот, на белое облачко, похожее на зайчика, надвинулась громада волка, разинувшая огромную пасть, намереваясь проглотить зайчика, наблюдавшая с земли эту эпическую сцену на небе девушка изо всех сил мысленно торопила "зайчика" убежать от "волка". Но "волк" приближался все ближе. Тогда отчаявшаяся девушка, протянув руки вверх, стала очень старательно "тормозить", замедлять громаду "волка". Ньюкку не знала как долго боролась с "волком", но как-будто взаправду, "зайка" начала убежать от "волка", отрываясь все дальше и дальше. "Волк" так и не сумел настигнуть добычу, даже широко разинутая пасть захлопнулась. Ньюкку от радости вдруг восторженно вскрикнула, но при этом вспотела и, вытирая проступившую испарину уголком платка, почувствовала непонятную слабость, общий упадок сил. В то же время, она знала, что непонятным образом ей удалось поуправлять облачком-зайчиком на небе. Ньюкку осталась довольна собой. С тех пор игра с облаками стала любимой игрой. Она могла бы заниматься этим постоянно, но ее останавливала непонятная слабость, наступающая после таких игр.

В последнее время прежде всегда веселая Ньюкку заметно изменилась. Она стала мало есть, плохо спать, появилась безотчетная тревога. Однажды, выбрав свободное время, подчиняясь какому-то неотчетливому зову, девушка побежала в ближний сосновый бор. Девушка чужая, что есть какая-то неизвестная, ранее ей неведомая сила, воздействующая на нее. Какое-то невидимое Око непрестанно наблюдает за ней. При этом она четко знала, что сопротивляться этой силе она не может, остается только подчиниться ее воле. Вот и сегодня, сама не желая того, но не выдержав все усиливающийся призыв, пошла на сосновый бор. Сидя на ягоднике Ньюкку увлеченно

поиграла с облачками – выбрав похуже на озорного жеребенка и злую собачку, принялась их гонять по небу друг за дружкой. Если собачка слишком приближалась к жеребенку, замедляла ее, давая возможность жеребенку оторваться от погони. Вскоре девушка, утомившись, опустила спину на ягодник и стала глядеть на небо, и незаметно крепко заснула. А небо тут же затянуло темными грозowymi тучами, ветер загулял над верхушками сосен, природа подготовилась к грозе. Только Ньюкку не до этого. Она продолжала спать сладким, крепким сном. Поодаль, по правую сторону, росла старая сосна, верхушка которой гордо и выше всех возвышалась над лесом. Она, словно страдающая от непомерной жажды, жалобно протягивала свои развесистые ветки навстречу грядущей грозе. Как будто исполняя это желание старой сосны вслед за первыми крупными каплями дождя, с сильнейшим треском сверкнула огненная многоветвистая молния, одновременно ужасающая сила ударила прямо по сосне. Она прошлась вдоль сосны, превратив его вековечный ствол в тонкие щепки, развесистые ветки рассыпались далеко вокруг, словно обрубленные невидимым топором, сосна вспыхнула и за мгновение превратилась в бушующий огненный факел. Внезапно, разбуженная страшным, оглушительным грохотом, оказавшаяся в середине бушующего огня и дыма, до смерти перепуганная, потерявшая дар речи, здравого рассудка бедная девица бросилась прочь от этого страшного места, испуская нечеловеческие стенания, стоны, крики...

Как раз в это время у старухи Харадай, трущей об оголенную коленку волосяную веревку для скота, зазвенело в ушах, запульсировали виски, нервно задергалось под левым глазом, и она поняла, что приступ мэнярика* близок. И тут, как назло, внезапно загрохотал гром прямо над ее головой, что ввергнул старуху в магический транс – она вскочила и душераздирающим криком захлопала ладо-

нями по коленкам и стала биться в нервном припадке, бесноваться и кликушествовать. Со страдальчески искаженным лицом, сверкая перевернутыми белками глаз, издавая утробные звуки она с проворностью несвойственной ее возрасту выбежала во двор, где уже лило как из ведра. Около часа продолжался страшный припадок, пускающая пену из уголков рта, удаганка кликушествовала. Затем, немного успокоившись заползла в домик. Она чувствовала, да что там!.. поняла – на ее любимую внучку, единственную кровинушку положили глаз сильные мира сего, а так же духи, призрачной тенью носящиеся по земле в поисках подходящих проводников, посредников среди людей, как раз те абаасы*, самые могущественные из темных потусторонних сил, одетые в бахромчатые одежды, отборные духи... Значит, предстоят ей немислимые страдания, прохождение страшного обряда расчленения тела безжалостными духами. Выдержит ли она весь этот ужас!? Старая удаганка когда-то сама, добровольно прошедшая этот обряд ради овладения навыками удаганки, права именоваться ею и помнящей подробности этого до сих пор с замирающим от ужаса сердцем, со встающими дыбом волосами, с трепетанием всего тела, вплоть до костей, решила во что бы то ни стало вызволить внучку от этой участи, спасти, уберечь ее от этого обряда. Ведь она была у нее одна, единственная на свете, остающаяся после ее смерти в этом Среднем мире. Людское неодобрение удаганок, шаманов, мол, они приносят в жертву на алтарь своих духов и злым духам своих родных и близких не было ложью. Но никто и не догадывался, что владеющие ремеслом делали это не из-за своей кровожадности или какой-то особой испорченности. Приходящие к ним за помощью и избавлением от различных напастей люди ни сном, ни духом не ведали о том какими путями и способами они лечили больных, откуда черпали силы и знания, чтобы помочь страждущим. Там, куда

МИХАИЛ ГОГОЛЕВ – ДОЛГУН. ЛЕСНАЯ ДЕВА.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

умели проникать, добраться удаганкам, царили свои правила поведения, своя иерархия, что малейшая ошибка могла повлечь гибель ее самой. На каждом шагу нужно замаливать духов, жертвовать, уметь договариваться чтобы чего-то добиться для блага больного. Все это Харадай прекрасно знала и осознавала, как испытывавшая на себе не раз все круги этого кромешного путешествия.

Ее дед, старец имя которого не принято произносить вслух, как раз пал в “благое”, стал жертвой нежданного случая на стезе шамана, в схватке Избранных за право называться Первым на своем пути, за имя и славу. Такая схватка происходила отнюдь не как схватка обычных людей в среднем мире. Происходила она в ином, астральном мире. В тот момент они сами не уходили из своего жилища, со двора, а занимались повседневными делами, заботами. Боролись Матьер-звери Избранных. И вот, Матьер-зверь деда потерпел поражение и дед упал замертво перед очагом в балагане. Гибель Матьер-зверя шамана означало снятие защиты его потомства от различных бед и неприятностей на три столетия и девять поколений. Кроме этого, шаман-противник, обычно тайно настораживал шаманский самострел на предполагаемой тропе по которой мог ходить враг.

Вот такая была главная причина смерти сыновей и внуков Харадая. Матьер-зверь деда не выжил, ничего хорошего в будущем не ожидалось. Обычно, при смерти Матьер-зверя повторное рождения шамана исключалось. Но, его способности могли унаследоваться оставшимися потомками, если таковые были.

Харадай решила так: она сама будет учить внучку ремеслу. Хотя это и лучше лишь на самую малость, чем обряд расчленения тела белыми духами и темными силами, но, все же, Харадай смогла бы как-то облегчить участь внучки, где-то обогнуть, что-то пропустить... И она знала как. Окончательно придя в себя, Харадай разожгла очаг, подала огню пучок

конских волос и войдя в транс увидела, что внучка взобралась почти на макушку высокой сухой ели, что возвышалась на южном берегу речки, на мысу с северо-западной стороны, обняв ствол сосны, сидя на ветке кукует кукушкой - старуха побежала в ту сторону, вырывать внучку...

С тех пор, старуха Харадай не стала никого дома принимать, а когда выходила из дому по мелким нуждам прислоняла дверь снаружи чем-нибудь, тем самым намекая, что в доме нет никого. Ньюкку же пропала совсем, ее не было видно во дворе, не говоря уже о лесе, аласе. Так прошли лето, осень, зима и лишь к весне следующего года, когда солнце начало согревать, исхудавшая, побледневшая, ослабевшая Ньюкку начала выходить погреться на солнце, сидя на завалинке. Видно было, что старухе тоже не сладко пришлось, она заметно сдала, постарела. Но, к лету, молодость начала брать свое и Ньюкку поправилась, даже похорошела, зацвела. К концу июня, она превратилась в красивую девушку, с высокой грудью, со стройными, округлыми бедрами, со статной походкой словно птица-стерх, она начала свои бесконечные прогулки по долам и весям родного урочища. Ей исполнилось восемнадцать. Отвлекаясь от ее необычной красоты, если всмотреться в ее смородиновые глаза повнимательней, можно было заметить острую как лезвие холодную тень, которая становилась острее и глубже, когда ей кто-то или что-то не нравится, когда она сердится, обжигая холодом кого-то как-будто желая пригвоздить на месте в виде ледового изваяния. Немногие осмеливались смотреть ей прямо в глаза и вытерпеть этот холодный, пронизывающий взгляд. Ну, а если не вытерпел, тогда это могло быть его последним взглядом на белый свет.

Сейчас Ньюкку уже не та, которая была, вернее, внешне она не сильно изменилась, а вот внутренний мир, ее ум, сознание стали совсем другими и появилось чувство присут-

ствия чего-то очень мощного, сильного, которое пронизывало все ее тело и сущность. Она знала, что эта сила стремится вырваться без ее ведома наружу и может что-то совершить, сотворить или разрушить, и главное, может кому-то повредить, кого-то изувечить. Она не знала, куда направить эту силу, как использовать. Бабушка говорила, что это решает только она сама. Но, эту силу долго нельзя держать в себе, надо, чтобы все вышло наружу и куда-то направилось. Желательно во благо людей.

Однажды Ньюкку оказалась возле той самой березки, которую она пыталась лечить два года назад. Березки вокруг нее буйно зацвели, одевшись в зеленые шелка. Лишь березка Ньюкку выглядела слабенькой, кое-где даже листья пожелтели, рана, нанесенная рогом зажала в виде черного струпа, сама березка как-то изогнулась прямо посередине, словом печальное зрелище предстало перед ней. Молча посидев, собравшись силами, теперь уже не прежняя Ньюкку, закрыв глаза старательным шепотом посвятила березке слова алгыс-благословения, провела ладонью по рубцу-струпу. Так, в течение нескольких дней она ходила к березке, посвящая ей алгыс и лечила. Березка как будто в благодарность заботе зацвела, распустив зеленые листья, черный струп-рубец рассосался, оставив лишь тонкий след, искривленный ствол выпрямился.

Вот, с этого момента и началась новая жизнь Ньюкку на Срединной земле, пропитанной вечной и жестокой борьбой черных и белых сил, добра и зла, света и тьмы, новоиспеченной удаганки Ойуур кыыса – Лесной Девы с данным сверху и потусторонними силами умением и правом вмешиваться в спорах и разборках сильных мира сего, ради не только защиты светлых родов людей-Айыы, но и сохранения Матери-природы и всей ее живности.

И еще, у Ньюкку после болезни проявилось еще одно чудесное свойство – способность к

полету. Ну, не к полету как птица, а особенной ходьбе. Во время этого тело Ньюкку настолько облегчается, что она может легко плыть по воздуху на десятки метров. Ньюкку чувствует, что это состояние через силу мысли она может продлить на сколько угодно. Вот только она еще не пробовала это применить на практике. Другим чудом для нее была ее новая способность в состоянии сна переноситься одновременно на несколько мест. Она, используя эту способность, поразила подруг подробным рассказом о том, что они делали, о чем и с кем, когда и где разговаривали во время ее годичного отсутствия. Девушки эту способность Ньюкку связали с ее бабкой-удаганкой и приукрасив еще кое-чем заполонили слухами все село. К тому же однажды произошедший у всех на глазах удивительный случай, обросший и приукрашенный разными подробностями, стал достоянием всех окрестных наслеггов. И это так не ново, такие новости доходят до людей вне зависимости от времени и расстояния.

А дело было так. Наступал летний праздник ысыах. Как принято, к празднику готовились всем миром. Подруг Ньюкку поставили варить в больших чанах мясо и они позвали Ньюкку. Она с разрешения бабушки пришла в село, помогать подругам.

Для якутов июнь месяц особенный. Долгожданный и прекрасный. Летняя природа достигает вершины расцвета, цветет и радуется, все живое размножается, растет. Народ переезжает в летники, на озерах охотятся на турпанов, со дна поднимается карась на икромет. Все долгожданно и радостно. Да еще, якутский новый год, прекрасный праздник ысыах, основанный нашими предками Элэй и Омогой.

В июне спускаются белые ночи и стоят почти месяц. Вся природа благоденствует зеленым шелком цветения, благоухает разноцветьем трав, при порывах теплого ласкового ветра кажется, что колыхается море из ковра

МИХАИЛ ГОГОЛЕВ – ДОЛГУН. ЛЕСНАЯ ДЕВА.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

цветов. Словом, не зря народ воспел в песнях, увековечил в мифах и преданиях это прекрасное время – верхушку лета.

Село расположено над довольно большим овальным озером. Точно посередине озера в него впадает речка. Устье ее широкое, шагов 70 точно будет. На противоположном берегу ребятня круглый день плескается в воде, поднимая прозрачные брызги, шум-гам, детский гомон, смех и крики часто не прекращаются даже по ночам, благо, что они белые. По ту сторону речки хлопочут девушки мясоварщицы. Ньюкку с пятью подругами, тремя парнями, под руководством двух стариков в огромных чугунных чанах варят жеребятину и харта-потроха, затем чтобы потом остудить и нанизать их на деревянные палочки. Эту идиллическую картину завершали мычание коров, ржание лошадей, шум-гам купающихся детей, кукушка на опушке, воркование горлицы, запахах дымокура. Все это вместе высекает в душе каждого уранхайца самые светлые и добрые чувства...

Ребятня в тот день купалась всю ночь. Вдруг, спокойную словно парное молоко белую ночь растревожили пронзительные детские крики. Не зря говорят якуты, по проложенной нуждой тропинке приходит беда! Паническая беготня детей на противоположном берегу не предвещала ничего хорошего, внезапно взгляд выхватил ближе к середине устья головки двоих детей то появляющихся, то исчезающих под водой, затем и вовсе исчезнувших. В довершение всего оказалось, что на том берегу были одни дети, без взрослых. Если прыгнуть на помощь отсюда пока доплывешь все закончится плачевно. А лодки и в помине не оказалась, беда нагрянула как гром среди ясного неба. Беспомощная беготня взрослых, пронзительные крики испуганных детей все смешалось в одну кучу...

Вдруг, как-будто на поверхности воды, сквозь туман появилась фигура девушки в развевающемся в безветрии зеленом платье,

с расставленными вперед руками она стремительно пошла прямо по воде, словно плыла, за считанные мгновения перешла речку и нырнула под воду прямо там, где исчезли дети. Через некоторое время вынырнула с девочкой на руках, вынесла ее на берег, затем опять нырнула, вытащив захлебнувшегося бездыханного мальчика. Но она все-таки откачала мальчишку. Придя в себя мальчик сразу спросил :

- Где сестренка?

А она тут как тут, словно ничего не случилось, прибежала к брату и, прижавшись к нему тихо заплакала. Увидевшие все это чудо люди, не веря глазам своим, лишь покачивали головой, да чесали затылок. Оказалось, что не умеющую плавать сестренку протащило течением к середине речки, а брат утонул, спасая ее. Когда улеглась паника, успокоившись, люди начали искать спасительницу, чтобы как-то отблагодарить ее, но она будто растворилась в утреннем тумане. Куда, когда, как она пропала - никто не знал. Спасительницей была Ньюргусун. После этого случая в округе разговорились: Внучка Харадая стала волшебницей, умеющей ходить по воде, она как рыба может плавать под водой сколько ей угодно, спасла утонувших детей.

После этого случая Ньюкку еще больше задумалась над своими способностями. Она нырнув за девочкой и достав ее сразу же, не переведя дыхания, нырнула за мальчиком, не чувствовала под водой нехватку воздуха и потребности вдохнуть. Выйдя на берег, она поняла, что легкие у нее полны водой, но она дышала спокойно, не захлебывалась. После этого, тайком от людей она пробовала нырять под воду, набрав в полные легкие воды дышать под водой. И это ей удавалось. Она поняла, что под водой рек и озер она может дышать и находиться сколько угодно долго. Более того, она открыла в себе дар и без погружения под воду подробно видеть, что происходит на дне водоемов. Этот дар приго-

дился и стал очень полезен многим нуждающимся. Но все это было потом. Спустя много лет.

Как-то раз, в конце июня месяца пропала запоздавшая с отелом корова. Ньюкку пришлось идти на поиски в дальних подступах их урочища. Она вспомнила, как говорили старики, мол, жадные до отела коровы, бывает, прячутся в ельнике. Вот и направилась в ельник на берегу речки и пошла вдоль него. Пока шла почему-то стало не по себе, будто к чему-то недоброму похолодел затылок, стала неприятно прогибаться спина, по телу пробегала дрожь, стучало в висках, Ньюкку, дойдя до грани паники побежала, и, выбежав из ельника, наткнулась на маленькую круглую лужайку, как раз там и стояла отелившаяся пропажа, а теленок с упоением, задорно играя хвостиком, сосала вымя матери. Ньюкку, даже не останавливаясь, побежала на другой конец поляны. За зарослям тальника, растущей вдоль полянки, она заметила готовившегося к прыжку огромного матерого волка, с горящими злобным светящими глазами, из которых, как казалось, вот-вот брызнут искры. Все мощное тело волка, мышцы и связки подчиненные готовящемуся единственному прыжку на человека, помешавшего нападению на добычу, напряглись как стальная пружина. Ньюкку, вдруг вперив на волка холодный и острый как лезвие взгляд, с протянутыми вперед в защитном жесте руками, едва заметно оторвавшись от земли поплыла ему навстречу. Доколе бесстрашное дите божественной тайги вдруг осекся, страх сковал его тело, горящие глаза потухли, уши трусливо прижались назад, хвост оказался между ног. Властелин тайги, свалившись загривком вниз, жалобно поднял лапы кверху, прося пощады. Лесная Дева, словно утренний туман приплыл к волку, опустилась перед ним на колени, волк лизнул ладони ее протянутых вперед рук. Тогда Лесная Дева заговорила:

- Матерь-зверь моя, нам наказано встре-

титься в этой жизни лишь три раза и то это не под силу многим, и впредь будь поближе ко мне, а что делать сам знаешь, а теперь исчезни! - как только она это произнесла, волк исчез в зарослях, словно испарился. С этих пор у Лесной Девы возникла непрерываемая связь со своей Матерь-зверем. С этого момента началось их совместное непредсказуемое путешествие по астральным дебрям трех миров, полное опасностей и приключений, которое простолюдинам словами не разъяснить, их умом не понять.

Вскоре, Лесная Дева, приняв свой обычный человеческий облик, своей гордой походкой на точеных ножках, присущей птицестерху, впереди погоняя коровой с теленком, направилась домой.

С этого дня душа ее охраняется Матерь-зверем - Волчицей, она будет защищать ее от Матерь-зверей других соперников. Если она потерпит поражение от более сильного противника, то погибнут оба. А если умрет по старости ее хозяйка, то она будет защищать и благоденствовать ее род в течение трех столетий, до девятого колена. Так Лесная Дева стала удаганкой по призыву потусторонних сил, с посвящения бабушки-удаганки Хардаид, через свою Матерь-зверя и нашла свое истинное предназначение.

Коварная команда

Золото. Этот злобный металл свел многих в могилу, иных обогатил несказанно, а намыть его, проклятого, брались очень многие. В артелях собирались отборные, знающие себе цену отчаянные люди. Всякое бывало там, воровали друг у друга золотишко, бывало и грабили, разбойничали. И неизвестно, много ли из таких дожили до хорошей жизни, разбогатели как того жаждали? Но, как известно, больше всего было пострадавших, ставшими сырыми и убогими на почве этого. Даже если и были везунчики, всегда находились много

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

желающих их потрясти, грабануть, заставить поделиться, потому они старались держаться в тени, вести себя немее рыбы, ниже травы, тише воды, а то и вовсе исчезали безвестно.

Ордах Осип – один из таких золотодобытчиков, обвиненный в разбое и убийствах, но из-за неполной доказанности вины получивший укороченный срок, четырнадцать лет, наконец-то, освобожден из тюрьмы. Было начало марта месяца, тепло и светло вокруг, солнце нещадно пригревает, весна близко. Ордах, выйдя за забор тюрьмы, задышал глубже свежим воздухом и чуть было не упал от головокружения, спасся, приткнувшись к забору. Он мужчина, лет под сорок, лишь благодаря своему крупному телосложению, беспощадному нраву и непомерной физической силе, выдержал все тяготы жестокой тюремной жизни. Скучное питание, совместное житье-бытье с потерявшими все человеческое заключенными самой различной масти, не склонив голову, не преклонив колена.

Когда-то Осип был одним из многих, как и у всех у него были отец, мать, еще сестра, такая же крупная, как он сам. Мать его Балаагыя была маленького роста, вся светленькая, веселая, подвижная, очень голосистая, любила петь, славилась хорошим нравом. А отец, напротив, смуглый, как-будто неотесанный, большой трудяга с которым мало кто мог соперничать, был крепкий сильный мужчина. На ысыахах восходило его солнце, умел бороться, перетягивать палку, да так, что так и остался непобежденным. В одно лето, когда Ордаху исполнилось десять лет, попали в беду, перевернулся тяжело груженный баркас, переплывавший Алдан с десятью человеками на борту. Тогда утонули мать Осипа, его сестра и еще пятеро. Отец спас одну девочку, поплыв второй раз, за сыном тоже утонул. Осип самостоятельно еле выбрался на берег. И начались его мытарства круглого сироты. Помыкавшись, пристроился к одному дальнему родственнику, за так, хлеб и крышу над головой.

Родственник оказался с тяжелым характером и нравом, к тому же пьяницей. Спьяну колотил Осипа без всяких на то причин, за что мальчик возненавидел его лютой ненавистью. Но, деваться сиротке было некуда, приходилось все терпеть стиснув зубы. Самое досадное, в результате всего этого, Осип рос дерганым и озлобленным на окружающих, на весь мир. Его неотъемлемой мечтой стало, что когда он вырастет за все отомстит, воздаст по заслугам родственнику и каждому, кто его обижал. Природа не обидела Осипа ни телом, ни силой. Изначально крепкий мальчик к семнадцати годам вымахал в здорового верзилу. И вот, наконец-то настал тот долгожданный час расплаты. Однажды он улучив момент так сильно побил пьяного родственника, что его еле оттащили. Если бы не люди, исход был бы один. Люди были поражены его звериной злости и нечеловеческой жесткости. С тех самых пор за ним закрепилось прозвище Ордах (грозный, злой). После этого случая Осип подался в город. Там его, конечно, никто не ожидал, готовенького не было. Пришлось выживать, как-то приспособливаться к новой жизни. Карточные игры, вино, водка привели его к такой жизни. Но, главное, он везде оправдывал свое прозвище – Ордах.

Подставив к весеннему солнцу бледное лицо, прислонившись в забору Осип немного постоял, переводя дыхание. Только потом осмотрелся вокруг. Изучающим видом окинул взором упряжки лошадей, привязанных поодаль. Он искал своего закадычного друга, подельника и сокамерника Баллыр Баска, приговоренного с ним за одно дело и освободившегося чуть раньше. Вдруг откуда-то прилетел внушительный комок снега и попал прямо в лицо. Ордах от неожиданности охнул и присел. Это так “пошутил” Баллыр Баска, наблюдавший за ним, находясь поодаль. Ордах, наконец увидев другана радостно, как-то несуразно громко рассмеялся, грузно переваливаясь, прихрамывая, неуклюже подбежал к

нему и привычным движением ребром ладони ударил его по основанию шеи. Поморщившись от боли, Баллыр Баска, не стал возмущаться и сделал вид, что ему тоже приятно. Не всякий мог стерпеть такое внушительное “приветствие”, Баллыр Баска тоже был не из слабых, килограмма под 90 весом, в то же время весь поджарый, мускулистый, несмотря на такой высокий рост очень быстрый и ловкий. Сирота, мотался по детским домам и вырос в них, большой драчун о коих говорят, закон в кулаках. Происхождение у него тунгусское, из алданских, но называется как саха. До таких лет он так и не образумился, отсидев с Ордахом полных тринадцать с половиной лет, освободившись на шесть месяцев раньше, все узнал, нашел где жить и уже запланировал, чем будут заниматься на воле.

Встретились эти два молодчика на золотых ручьях Алдана, на тропах жаждущих обладать этим проклятым металлом, сопряженных черными мыслями, временами омываемыми алой кровью как раз в ту пору, когда встала река и открылся санный путь. Тогда Ордах с тремя поделщиками на двух конных упряжках, зная, что в скором будущем, по этой же дороге должны подъехать золотодобытчики тоже на двух упряжках. Ехали в поисках пригодного для засады места, но внезапно встретили их преждевременно. Золотодобытчики были опытные, зная, что может быть всякое ехали наготове. Жестокое столкновение равных сил произошло лоб в лоб. У обеих групп в авангарде ехала вооруженная охрана, сзади – главари. Когда были убиты передние, главари встретились лицом к лицу. Вот так и познакомились два беспредельщика Ордах с Баллыром, если это, конечно, можно назвать знакомством.

Направленных друг в друга карабинами патроны закончились одновременно, пустые ружья лишь щелкнули затворами. Выхватив ножи из ножен, с налитыми кровью глазами, со звериным рыком они бросились навстре-

чу друг другу. Ордах, сблизившись с врагом вплотную, привычно, как это проделывал много раз, проворно отскочил на шаг влево и нанес удар противнику, намереваясь пронзить его правый бок прямо в печень, однако, враг оказался тертым калачем, ловко увернувшись от ножа Ордаха, ударил его по руке, затем нанес ответный удар по правому боку, нацеливая на почки противника, нож прошелся чуть мимо, отклонившись от защитного блока противника, касательно по шубе. Противники, рассчитавшие на жесткое столкновение, разошлись, не находя опоры с размаху плюхнувшись на глубокий снег мордой вниз. Чуть переводя дыхание, вскрикнув, вскочили на ноги и опять встретившись лоб в лоб, словно звери в пылу смертельной схватки, стали топтаться на снегу, словно быки-поросы, подготавливаясь к следующему столкновению. У обоих не было ни малейшего плана к отступлению даже в мыслях, даже на полшага. Оба настроены решительно, без оглядки, или-или! В этот миг раздался выстрел из одной из упряжек, пуля прошла правое плечо Ордаха. И тут случилось неожиданное. Баллыр, отскочив от Ордаха, в ловком прыжке зверя прыгнул в сани, откуда раздался выстрел и ножом прикончил раненого стрелка. Затем, вытащив берданку, проверил патрон в патроннике, положив его на колени, присел на сани. Ордах подошел к своей лошади, прислонившись к ней, зажал ладонью левой руки рану и стал внимательно наблюдать за Баллыром. Начались молчаливые поддавки, игра взглядов. Они поняли, что встретились равные по всем меркам разбойники с большой дороги, признающие только голую силу и безудержную удаль и между ними как бы даже пробежала искорка взаимопонимания. Слишком напряженную обстановку разрядили слова Баллыра:

-Вот, что приятель, это ружье заряжено, а мы с тобой остались одни. Все погибли. Я совсем не знаю здешние места, судя по всему ты и есть знаменитый разбойник Ордах Осип, из

МИХАИЛ ГОГОЛЕВ – ДОЛГУН. ЛЕСНАЯ ДЕВА.

здешних мест, нам надо быть вместе, да ты далеко и не уйдешь без меня с такой раной. Если не согласен со мной, я тебя отправлю к твоим предкам тут же – грозно заключил он.

Ордах почувствовал теплую кровь из раны и легкое головокружение. Стремясь скрыть свою слабость, он тут-же опустился на сани. К счастью, головокружение, звон на ушах и временная слабость его отпустили и, он оценивательно посмотрел на Баллыра. Поперек его лица, начиная с наружного края правой брови через нос, на левый угол рта до подбородка проходил шрам с красноватым, бугристым рубцом, несмотря на толстую шубу угадывалось его крепкое, сильное тело, чувствовалась мощь и ловкость, словом перед Ордахом предстал прошедший огонь и воду молодой, лет тридцати разбойник, как и он сам, он зауважал его, но не испугался. Грозный вид молодчика завершал его налитый кровью правый глаз никогда не закрывающийся из-за рубца, а через разорванный дергающийся то ли от волнения, то ли из-за безобразного рубца, возле уголка рта постоянно сверкали зубы, словно клыки у хищника. Ордах тоже сразу узнал знаменитого тунгусского атамана Баллыра Баска. Если удержать масть, добиться взаимопонимания из него получится надежный поделщик, равноценный спутник, сумеющий наравне с ним тащить ярмо бандитского промысла – пронеслось в мозгу Ордаху. Если бы задумал убить, убил бы сразу. Раз так, то что он говорит имеет как-будто какой-то смысл, да и понимал Ордах, что деваться ему некуда. Придется пока согласиться. А дальше, покажет время.

Ордах немного посидел молча, затем осторожно подвигал раненым плечом, потрогал его:

- Рана, вроде легкая, кость не задета, пуля прошла навывлет, почто убил-то, своего? – спросил он и грузно подвигал ногами. В ответ Баллыр Баска:

- Это мой враг. Давно мы с ним враждуем. Ты словил пулю, предназначенную мне. Очень

меткий стрелок был, но на этот раз промахнулся, наверно из-за раны. Поэтому лучше ему быть мертвецом. Так, что ты скажешь насчет моего предложения? – переспросил Баллыр, вперив в него свирепый взгляд исподлобья.

Осип молча сунул полуторапядевый якутский нож в ножны, вытащил из кармана кисет, закурил, чтобы успокоиться и подумать. Скрывая предательскую дрожь в руках, уперся локтями на колени. За ним внимательно наблюдал Баллыр со смешанным чувством уважения и страха. Чтобы обрести уверенность, Баллыр свой нож ничем не худший, чем у Ордаху, показушно, с широким размахом, воткнул за голенище правого сапога да так, чтобы вся рукоять торчала снаружи, как бы для быстрого применения в случае необходимости. После некоторой паузы:

- Ну, ладно. Здесь у меня в верстах 15 отсюда, ютян-землянка, только я знаю. Переждем там, покамест, отдохнем, наберемся сил. Теперь надо решить, как отделаться от жмуриков, – Ордах взял руководство на себя. Баллыр не стал возражать. Видимо смирился. Ведь они оба были не в ладах с законом, и жизнь среди людей была заказана.

Вот так они встретились и познакомились, два разбойника, путь которых в будущем будет устлан кровью и смертью. Они перегрузили вещи на четыре упряжки, с трупов, пока они тепленькие, содрали верхнюю одежду, погрузили на две сани и отправились в путь. Проехав подальше от места схватки выехали на глубокую речку и там, утопив трупы в проруби, по свежему насту начали протаривать путь к ютяну. Однако, у Ордаху начала кровоточить рана на плече. Пришлось остановиться, развести костер, чтобы остановить кровотечение. Когда раскаленный до белизны кончик ножа придавили к ране в нос ударил запах жженого мяса, но, стиснувший зубы Ордах не издал ни звука и это очень поразило Баллыра. Кровотечение прекратилось и они продолжили путь. За все это время, до конца недоверья

друг другу, они исподтишка наблюдали друг за другом, что даже подустали от напряжения. Ордах, если шел мимо упряжи Баллыра, тот весь напрягался и всячески преграждал ему путь. Ордах смекнул, что у него в сундуке, по видимому, золотишко, вот и дрожит. У самого тоже, на пару с убитыми напарниками, водилось золотишко, нажитое всяко, около полупуда. Ордах все время думал, как завладеть этим золотом одному, но, вот случай сделал его безраздельным хозяином такого богатства. Ордаху все время мерещилось, что Баллыр тоже не сводит глаз от его сундука. Но, что поделаешь, им придется перезимовать вместе, они оба это прекрасно понимали. Когда настанет весна, сойдет снег, уймется паводок они могут податься в центр и продать золото. До того момента они должны быть вместе. Но, полному доверию мешал блеск магического металла. Подъехали к ютяну поздней ночью, истопили печку-мазанку сухими дровами. Посоветовавшись, решили заколоть одну лошадь на пропитание. У Баллыра оказалась одна часть туши сохатины, ее решили оставить на весну. Старую лошадь пустили пастись на приколе, потому что он был украден из этих мест, двух других, что помоложе, на свободный выгул. Они не уходят далеко от старой лошади, пасутся около нее. После, как закончили все дела, все-таки, пришлось поговорить о том, что так беспокоило обоих – о золоте. Никто из них долго не решался озвучить, сколько у него золота. Наконец, Ордах признался, что у него полпуда, Баллыру тоже пришлось сказать, у него оказалось чуть больше, с десяток килограмм. Каждый из них разбойник, бандит, потерявший человеческий облик, при равной силе и возможностях, да и их путь был одинаковой степени услан кровью и страданиями, потому ничего не оставалось кроме как договориться и с этого дня быть вместе. Довольные, что достигли взаимопонимания в щепетильном вопросе они решили сделать один общий схрон золота, подальше от чужих глаз.

Этих двоих знали, кто по слухам, кто наяву, все золотодобытчики Алдана. НКВД сидел на их хвосте, но пока удача была на стороне бандитов. Вот они встретились. Прежде они знали друг друга только заочно. Теперь, объединившись, захомотавшись в общий хомут в едином порыве решили переждать зиму здесь, благо, что снег скоро заметет все следы. Когда закончатся сильные морозы, к весне, по санному пути податься к верховьям Алдана, в сторону Иркутска и там затеряться в бескрайних просторах Сибири. Схрон золота сделали в приметном для них месте, на устье маленькой речки, под вековой лиственницей. Откуда они могли знать, что добытый из земли металл когда его закапывают обратно обычно пропадает. Выкопать его повторно бывает порой очень сложно, часто даже невозможно. Впрочем, так и случилось...

На их логово случайно набрел местный охотник, увидя пасущихся лошадей и узнав в двух из них наследных пропаж, заподозрил тех, кто может тут прятаться, донес до властей. Поймали бандитов без шума и стрельбы. Просто приехали и взяли их тепленькими, ничего не понимающих и удивленных. Правда, ничего не доказали, ни убийства, ни кражу золота, но и не поверили сказкам бандитов об охотниках за белками, которые почему-то собрались жить в глухой тайге целую зиму, да и белок у них не оказалось. Приговорили Баллыра к 13 годам и 6 месяцам, а Ордаху, признав в него главаря к 14 годам тюрьмы.

И вот, двое потерявших все человеческое разбойника, два братка у которых руки были по локоть в крови, оказались на свободе, пройдя весь срок заключения вместе плечом к плечу из-за чего узнавшие друг друга еще лучше, как говорится, продышав одним воздухом, поев из одной посуды, превратившись в одно целое, словно родные братья. Еще находясь в тюрьме они запланировали, что если выйдут на свободу пойдут мыть золото еще на один сезон, затем выкопав схрон, от-

МИХАИЛ ГОГОЛЕВ – ДОЛГУН. ЛЕСНАЯ ДЕВА.

правиться в далекие края за лучшей долей и богатой жизнью.

Ньюкус

В столицу зачастили тайные торговцы золотом из Алдана. Золото манило и притягивало, несмотря на запреты и преследования. Трое молодых людей давно мечтали заняться добычей и искали опытного золотодобытчика, чтобы организовать свой артель. За организатора был Ньюкус Семенов, безработный горожанин лет тридцати и двое его товарищей готовы были сорваться при первой возможности.

В один из дней когда, они, как водится, сидели в столовой местной барахолки на Зеленом лугу и разговаривали о своей мечте – золоте, с соседнего стола к ним подошел крупный мужчина с безобразным шрамом через все лицо и предложил свои услуги, парни от радости чуть ли не станцевали. Это был Баллыр Баска. Ребята ни сном ни духом не ведали в “чары” какого кровожадного, безбашенного бандита они попали. Ведь они так долго не могли найти опытного золотодобытчика и даже решили было найти какой-нибудь артель и устроиться на работу. А тут такая удача – нашелся человек, который знает все в этом деле и они смогут организовать собственный артель. Как раз то, что нужно Баллыру. Ведь он спал и видел места, где они намывали золото десятком с лишним лет назад. Кроме него самого и убитых в той схватке напарников, те места никто не знал, если не нашли другие, там можно было намыть много золота. Нужны были только лошади, а оборудование золотодобытчика простое, можно сделать самим. Если хорошо работать, плюс немножко везения, за лето пятеро мужиков могли бы добыть уж никак не меньше пуда золота, да еще добавить схрон и сказочная жизнь им будет обеспечена. А этих троих слюнтяев можно будет в любой момент пустить в расход и спря-

тать так, что никто, никогда, ничего не найдет. Это уже давно решенное дело.

С окончанием весенних паводков, когда природа начала зеленеть, с двумя навьюченными лошадьми, впятером, преодолев из города месячный путь, благополучно доехали до затерявшейся речки. Баллыр с Ордахом еще на пути, на очередном привале устроенном вблизи схрона, ночью, когда ребята спали, сходили и проверили схрон. Вековая листовница встретила их как ни в чем не бывало, покачивая развесистыми ветвями. Схрон был не тронут и цел. У них наступило такое облегчение, будто гора с плеч свалилась.

На золотом ручье закипела дружная работа. Все складывалось как нельзя лучше. Золота было много и все работали на одном дыхании, не зная усталости. За три месяца кипучей работы, к концу августа, добыв на каждого по пять килограммов золота они встали на обратный путь, пока все еще тепло. За все время работы двое разбойника, спрятав когти и клыки, работали наравне с парнями и ничем себя не выдали. Им особенно понравился Ньюкус своим трудолюбием, покладистостью и они желая притянуть его себе, в конце работы попытались было подговорить его, но не вышло. Они осторожно предложили ему – давай, мол, этих двоих друзей изобьем втроем хорошенько и под страхом смерти отберем их долю – но, Ньюкус отказался категорически. Откуда было ему знать, что этим он подписал приговор себе и товарищам. Да еще ему ума не хватило предупредить как-то товарищей о возможной опасности.

С убийцами с такими планами насчет них, ничего не подозревающие парни собрались на обратный путь. Через неделю они подъехали на то самое черное, проклятое урочище, где находился схрон с запахом черной человеческой крови, пролитой этими бандитами.

Лагерь они разбили в глухом, неуютном месте среди вековой тайги, на слиянии двух речек с крутыми берегами. Ньюкус что-то

предчувствовал, но даже не думал, что дело дойдет до убийства. Он считал, что раз он отказался от предложения старших этим дело закончилось. Но, нет. Как бы не так... Ребята ровным счетом ничего не знали о прошлом двух бродяг, что они зеки, убийцы, бандиты, настоящие разбойники с большой дороги. За эту свою ошибку они заплатились своей молодой жизнью. Парни втроем спали в одной палатке. Баллыр с Ордахом в другой.

В то раннее, проклятое, туманное осеннее утро, в палатку, где безмятежным сном спали парни, бесшумно подошли две тени, развязав шнурки входа, нырнули в палатку. Они точно знали, что Ньюкус обычно спит посерединке. Якуты даже медведя в берлоге убивают, заставив его проснуться. Убить сонного – действие не лезущее в никакие ворота, настолько большой грех для якутов, которого и лошадь не потянет. А эти два разбойника даже не подумали об этом. Парни были заколоты, не успев проснуться. Ньюкус, спросонок сразу не мог понять, что происходит. Его выволокли за ноги и бросили ничком на мокрую от осенней росы траву. Баллыр сел на него верхом и, приставив острый нож к горле, заговорил:

- Ну, что, малыш, твои товарищи отправились в мир иной, теперь ты в наших руках, спрашиваю – согласен быть вместе с нами или отправишься вслед за товарищами? Говори! – заорал он.

Тут подошел Ордах и вытер нож, испачканный кровью о щеку Ньюкуса. До Ньюкуса наконец дошло, что все происходящее не дурной сон, у него как бы волосы дыбом встали от страха. Вправду говоря, ему деваться было некуда, ни назад, ни вперед хода не было. Поняв это, Ньюкус дал понять, что согласен на их условия.

Ордах поднял его за шкуру и толкнул в палатку. От открывшейся перед ним страшной картины ему стало плохо. Его друзья лежали мертвые, в луже крови. Кое-как выхватив одежду из-за угла палатки, Ньюкус выбежал

наружу, у него открылась неукротимая рвота до одурения, пока все не поплыло перед глазами. Тут к нему подскочил Ордах и зло, пнув его в бок, скомандовал:

- Иди, принеси валежника, сожги палатку и даже не думай о побеге! Если убежишь искать не станем, просто расскажем всем, что ты убил своих товарищей и пустился в бега, - предупредил он.

Ополоумевший от страха парень, поспешно натянув одежду, побежал за валежником в лес. Немного успокоившись, он подумал, может убежать ему от этих страшных людей, но быстро образумился, ведь он не знает дороги, да в этой глухой тайге долго не продержишься без еды и одежды. Во-вторых, если он и дойдет до людей, Баллыр с Ордахом начнут его топить и свалят убийства на него. И еще, за незаконную добычу золота ему светит никак не меньше десятка лет тюрьмы. Так, что ему придется быть вместе со своими артельщиками, а там видно будет. Он, набрав кучу валежника, подошел к палатке и встал в нерешительности, за что получил пинок от Баллыра. Ньюкус тут только заметил, как разительно изменились в лице его мучители, непроницаемая жестокость и злость так и сквозили от них. Эти нелюди его заставили сжечь трупы друзей, затем по команде Баллыра, Ньюкус свалил сухостой, сделал из него поленья и добавил в разгоревшийся огонь на месте их бывшей палатки...

Когда все закончилось, его заставили копать землю под огромной лиственницей. Ньюкус, со страхом подумал, что его сейчас убьют и он копает себе могилу. Вскоре лопата уперлась об что-то твердое. Тут подлетел Ордах Осип и, грубо оттолкнув Ньюкуса в сторону, двумя руками ухватился за угол схрона. Баллыр принялся за другой конец. Тут же начали вытаскивать что-то продолговатое, ящикообразное, тяжелое, обмотанное тряпьем. Вдруг раздался глухой треск, обветшалый за десяток лет ящик, не выдержав веса содержи-

мого, обломился: из него посыпались золотой песок и мелкие самородки. Притащив другой ящик покрепче, засыпали золото, собрав как есть, с мусором и землей. Добавили вновь намытого золота, не забыли взять с собой чуток на прокорм и обновку, когда приедут в город. Ящик закопали обратно с тем, чтобы с началом осенних заморозков приехать, забрать и уехать отсюда навсегда, в центральную часть страны, заметая свои кровавые следы...

Ньюкус наконец окончательно понял во что вляпался. Ведь он видел то, что не должен был видеть никогда, слышал то, что никогда не должен был слышать, значит, смерти ему не миновать. Надо искать выход из этой мертвой петли, как остаться в живых, помощи ему ждать совсем неоткуда. От золотого ручья путь продолжался около десятка дней, теперь он пролегал вдоль большой речки и скоро тропа должна вывести их к людям. Ньюкус решил дожидаться этого момента, чтобы попытаться сбежать от своих мучителей. У попутчиков по ружью и они с ними не расстаются, каждый верхом на лошади. Остатки сожженных трупов они заставили Ньюкусу сбросить в трещину берега и забросать песком. Навьючили лошадей, оставив лишнее, чтобы ехать по тайге верхом. Ньюкуса тоже нагрузили под завязку. Вскоре покинули проклятое место. Проехав весь день, въехали в русло большой речки, решили заночевать. Поставив палатку затолкали Ньюкуса подальше, в глубину, сами легли около выхода. Опустилась безлунная осенняя ночь. Вскоре попутчики заснули крепким сном, раздавался лишь их храп в ночи. Еще раз убедившись, что они спят крепко, Ньюкус, осторожно разрезал ножом заднюю часть палатки, вылез наружу в одном исподнем, схватил заранее приготовленные сапоги и побежал, что есть мочи вдоль речки. Он не стал уходить берегом, чтобы не могли его отследить. Пробежав довольно долго, остановился, переводя дыхание, надел сапоги на босые ноги. На нем только исподняя, верхнюю оде-

жду отнял Ордах и положил себе под подушку. Ньюкус поднялся на берег, чтобы идти по нему, как было задумано, но попался гарь по которому невозможно ходить и ему пришлось возвратиться в русло речки. У него в голове мелькала единственная мысль – лишь бы не проснулись эти убийцы раньше времени и не спохватились его. Эта мысль подгоняла его и он бежал, что есть мочи, жадно хватая воздух, задыхаясь. Он слышал, что в верховьях речки должно было быть жилище, но не знал, сколько их и как далеко. Просто, только сейчас с горечью догадался, что весной они почему обогнули их, не стали заезжать и от досады заскрежетал зубами. Он знать не знал, что с места ночевки до этого жилища есть прямая тропа. Про ту тропу хорошо знал Ордах Осип.

Заночевать, Баллыр вышел из палатки, чтобы отлить и направился в кусты, за палаткой. Уже ударили первые заморозки, белый иней расстилался по полянке. Дойдя до угла палатки Баллыр, спросоня не заметив, споткнулся об растяжку и грохнулся на четвереньки. И тут он заметил колыхающийся разрез в палатке. Просунув одну руку внутрь палатки через разрез, проделанный Ньюкусом, Баллыр сразу понял что к чему, нащупав остывшее место Ньюкуса, от злобы чуть не прокусил свой язык. Заорал благим матом, словно резанный борон*. Ордах, услышав ор приятеля, схватив ружье выскочил из палатки на четвереньках и наткнулся на Баллыра, его безобразное, налитое кровью лицо со страшным шрамом, искаженное в злобе, сверкающие из-за уголка рта зубы без слов говорили о его состоянии. Ордах-то точно знал, что Баллыр в таком состоянии может натворить все что угодно, остановить его даже такому здоровяку как Ордах было невозможно. Так совершались увечья, вплоть до убийства. Но, на этот раз как-то обошлось. Они поняли своими каменными башками, что пока Ньюкус еще далеко не ушел догнать и достать его, только это их успокоит, только тогда им будет доступны вкус пищи, спокойный сон.

- Ну, сволочь, если догоним тебе несдобровать! – Баллыр от негодования потер кулаки о бок. Они быстро собрались и решили ехать по прямой тропе про которую Ньюкус не знал, опередить Ньюкуса и подстеречь его там. Они-то знали точно, что Ньюкус пошел по руслу речки, значит, как домашний скот будет считать каждый ее поворот и ему еще долго добираться до поселения. Хоть как не беги, не спеши, никак! Словом, все обстоятельства повернулись против Ньюкуса. А бандиты уже доехали до нужного места и надежно спрятавшись у руслу речки, поджидали Ньюкуса в засаде.

Жилье было домом удаганки Харадая. Этого Ньюкуса тоже не знал. Наслег же находился отсюда в полтора десятках верст. Мысли Ньюкуса назойливо возвращались к артельщикам-убийцам. Вот как круто меняются люди, оказывается. Впрочем, они и не менялись, а просто прикинулись паиньками, скрыли от неопытных молодых людей свой настоящий звериный облик, что стоило молодых жизней. Как вспомнит о них, у Ньюкуса холодеет тело, выступает пот, волосы шевелятся на голове. Если они его поймут, считай, пропало. Даже не подумают, убьют тут же. И защититься-то нечем. Нож, вроде засовывал за голенище, наверно выпал вовремя побега. Да и очень сомнительно, что он смог бы защититься будь у него хоть десять ножей от этих здоровых, сильных мужиков, настоящих убийц, выдавших виды разбойников. Он еще раз с ужасом осознал, в какую кутерьму попал. От обуявшего страха и усталости он неуверенной походкой поплелся к обочине и сел, уперев локти к коленям, обхватив голову обеими руками, в глубокой задумчивости. Мысли в голову не шли. Не найдя ничего хорошего он решил выйти к людям, спрятаться у них, выждать время. А там видно будет...

Но, оказалось, что и времени-то никакого у Ньюкуса не было. На дороге его уже заметили поджидающие в засаде преследователи, отпетые убийцы, жаждущие мести за его дерзкий

побег. Ордах должен был пропустить Ньюкуса и выйти сзади, Баллыр должен был встретить его. Решили, что в случае попытки убежать просто застрелить его как собаку. Если поймут, то должны были хорошенько поиздеваться, затем зарезать. И вот, ничего не замечающая жертва, как только поспешно миновал Ордаха, он шумно вломился на дорогу, ломая ветки и валежник. Испуганный Ньюкус, обернулся и, увидев Ордаха пустился было бежать, но перед ним возник Баллыр, прицелившись из ружья прямо в грудь Ньюкуса так, что он замер на месте как камень. Затем, увидев страшно искаженную, изуродованную морду Баллыра с оскаленными зубами, свирепыми от злости глазами, бедный Ньюкус от безысходности, войдя в ступор, вообще присел на дорогу, прикрыв руками голову. Страх сковал его тело, убежать или как-то защититься даже в мыслях не было. Ожидать от этих извергов пощады не приходилось, знал, что его все равно убьют, потому волю к сопротивлению он полностью растерял. Все случилось так, как он и предполагал, но... в происходящее вмешались Высшие силы и жизнь молодого человека была сохранена. Двоенлюдей-убийц прекратили истязать только тогда, когда оборвалось его дыхание, совершив свое черное дело, затащили его в лес и кое-как забросали хворостом, валежником. Сами растворились в сумеречном лесу, в сторону оставленных лошадей. Как только они потерялись из виду, еле видимая светло-белая субстанция с заструившимися светлым следом, исчезла под валежником, где лежал окровавленный Ньюкус и проник через его макушку в него, растворившись теплой волной по телу. Тут же сердце его вновь забилось... Вскоре, прямо к валежнику подъехали на быке, запряженном в сани две женщины.

Нежданная встреча

Лето было на излете, встречаясь с золотой осенью с ее воспетыми в песнях, сложенными

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

в стихах обилием красок, осенним равнодушием, утренними заморозками, дневной теплотой, как раз то короткое время, когда вся природа впадает в дивное состояние спокойствия, переживая неизбежную смену времени года. После этого короткого периода покоя природа приступает к подготовке к наступающей зиме. Поднимается холодный ветер, который, сдувая с веток листья и хвою, покрывает толстым, теплым одеялом подножье деревьев, защищая выпавшие семена от будущих холодов, спасая их от замерзания. Ветер в это время дует даже по ночам. Этим, природа Матушка осушает деревья от излишней влаги, чтобы сохранить стволы деревьев и кустарников от потрескивания от лютых зимних стуж.

В одну из таких ветренных ночей, Лесная Дева, лежа на постели впала в легкий транс и к ней пришло видение. Будто бы двое чернолицых молодчика избивают очень жестоко другого. Избив, напоследок ударили несколько раз ножом, затем оттащив подалеже спрятали труп, забросав хворостом и валежником. Сделав свое черное дело они, взвалив на спины тяжелые заплечные мешки, исчезли в сумеречном лесу. Ньюку с колотящимся сердцем и шумным вдохом отбросив дурную дремоту, присела на кровати. Разбудив бабушку рассказала ей о своем видении, мол, у озера, что у устья речки, с северной стороны на опушке леса видела окровавленного человека. Еще сказала, что без их помощи он умрет. Старая удаганка и без того уже знала о том, что случилось там. Она сказала:

- Ой, и не говори. С этими двоими лучше не иметь дела. А вот, молодому надо помочь, хотя предчувствие у меня плохое, да ладно, об этом потом. Выйди, запрячь быка, возьми одеяло, постели на сани сена, поедем вдвоем, вместе – решила она. Старая удаганка и не очень-то хотела спасти парня, но не она ли не понимала, что ради спасения жизни человека нельзя считаться ни с чем, грешен ли он или

безгрешен, что жизнь дается по воле Верхних сил и ее обязанность сделать все от нее зависящее для ее спасения. Следуя своему священному долгу, ввела себя в то состояние, в которое умела входить только она сама, сложила вместе ладони и воспроизвела какое-то легчайшее, белое, круглое и теплое тельце и шепнув слова алгыса-благословения дунула комочек в сторону места, где лежал Ньюкус. Белое тельце со светлой струей на хвосте, полетело напрямиком к куче валежника под которым лежал окровавленный человек и исчезло под ним.

Лесная Дева решила поторопить бедного быка ударом прутика, хотя так с ним никогда не поступала. Бык помотал головой в знак протеста, но шагу так и не добавил. Раздавались лишь тихий скрип оглоблей да глухой стук ярма. Через час пути они приехали прямо к куче валежника под которым лежал Ньюкус. Раскрыв кучу, они увидели молодого окровавленного парня, с синебагровыми кровоподтеками на опухшем лице. С большой осторожностью они вытащили парня из-под кучи. Состояние Ньюкуса было на грани жизни и смерти. Девушка, прислонившись к груди парня, стала слушать сердце и удостоверившись что он жив, с облегчением вздохнула. Ну, а старая удаганка взяв правой рукой левую руку парня, а свою левую руку уперев на лоб вызвала видение. И не поверите! За этот короткий миг удаганка увидела всю прошлую, настоящую и будущую жизнь парня и только молча покачала головой от досады. Женщины поспешно расстелив сено на санях, осторожно перенесли бессильное тело туда. Ньюку села на сани, положив голову раненого себе на колени, заботливо укрыла его теплым заячьим одеялом. Старуха взобралась на быка и поехали. На этот раз бык, словно поняв что от него требуется, без понукания, изо всех сил пустился домой. Тут, Ньюку вдруг почувствовала, что наконец-то она дождалась того долгожданного момента и наконец-то нашла то

сокровенное, которое так давно искала.

Попавший под опеку двух посвященных удаганок, еле спасшийся от цепких когтей смерти, человек пошел на поправку. С самого первого мига пребывания в этом доме, молодой человек, который был на грани жизни и смерти, почувствовал облегчение. Его беспорядочное, шумное дыхание сменилось на более спокойное, кровь начала прибывать к лицу, два дня он метался без сознания, на третий день пришел в себя. Так он проспал три дня и три ночи, просыпаясь лишь только попить воды. Все это время удаганки ни на шаг не отходили от его кровати, ухаживая за ним. На третье утро он, придя в себя открыл глаз, который менее пострадал и глядя на Ньюкку попытался заговорить...

Не бойся ты, все будет хорошо, это мы с бабушкой нашли тебя в лесу и привезли сюда, теперь уж ничего не бойся, – начала успокаивать Ньюкку. Ньюкус постепенно начал кушать, да что там, у него была сломана челюсть и он мог немножко пить только жидкого. Когда приходилось принимать горькое снадобье Харадая, настолько горькое, что без нужды никто и не пытался бы выпить, Ньюкку очень просила, уговаривала его словно младенца, даже заставляла его иногда обманом принять лекарство, уж очень заботилась она о нем. Харадай все рассказала Ньюкку об увечьях Ньюкуса, что у него отказала одна почка, проткнутая ножом, переломаны ребра, левое легкое пронзито ножом, чуть мимо сердца. А насчет огромного кровеизлияния в правый глаз Харадай засобиравалась, пока не поздно что-то предпринять, иначе он может ослепнуть на оба глаза. В довершение всего слишком долгое лежание с большой кровопотерей на сырой, холодной земле вызвало двухстороннее воспаление легких. Ньюкку только изумилась от знаний бабушки. Старуха-удаганка, однако до поры до времени скрывала от внучки подробности другого рода, что Ньюкус черный золотодобытчик, что такие же, как он сам,

из-за золота убили поделщиков, но этот молодой человек не участвовал в этом, даже пытался противиться. Что на обратном пути двое других золотодобытчиков избили его, потом решили убить, чтобы не проговорился и не выдал их. Что парень пытался убежать, однако не все пошло так гладко, как хотелось бы. Более того, старуха знала наперед, что этот парень в будущем совершит перед Ньюкку нечто очень порицательное, недостойное и что она, Харадай, могла бы вмешаться в это, хотя зазря и тщетно. Но, несмотря на все, Харадай твердо решила про себя, поведать обо всем этом внучке при первой возможности. Ну а о закопанном золотце промолчать.

Две посвященные белые айыы* удаганки, призвав всех своих Матерь и Кэп зверей, рыб ершовых и осетровых, двуглавых орлов-ёксёкю и ястребов быстрокрылых, других духов и всех бегающих-ползающих тварей, идолов-эмэгэтов*, применяя все свои знания и полное опасностей искусство, принялись возвращать к жизни этого молодого человека. Самые сложные и опасные ритуалы делала старая удаганка, молодой доставались полегче да попроще. Вот так, одаренные редкостными древними знаниями и умениями, доступными очень немногим избранным в этом подлунном мире, могущие при желании даже воскресить мертвого, лекари трудились не покладая рук, чтобы спасти этого крепкого молодого человека. Особенно старалась Ньюкку, искренне, из сердца отдавая все свое старание, усердие, желание помочь Ньюкусу. Она окончательно осознала, какая эта огромная ответственность лечить человека, насколько сложно и временами опасное это занятие, что они с бабушкой такое творят, что недоступно пониманию обычного человека, да и сама многое почерпнула, работая вместе с бабушкой-удаганкой. Ньюкку за это время к молодому человеку прикипела душой и сердцем. Никогда прежде так близко и тесно не общавшаяся с мужчиной юная дева настолько

МИХАИЛ ГОГОЛЕВ – ДОЛГУН. ЛЕСНАЯ ДЕВА.

привязалась к нему, что стала ложиться спать и вставать с его именем в губах.

Настал ровно тридцатый день, как Ньюкус появился в доме у удаганок, и сегодня его впервые посадили на постель. В новом свете он оказался весьма приятным, с гармоничными чертами лица, ростом выше среднего, ладно скроенный, со светлыми чертами парнем. К тому же оказался веселым, острым на язык, его увлекательные рассказы о всякой всячине, иногда очень смешные, оседали в душе Ньюку живительным бальзамом. Ей от этого общения становилось радостно, весело и мир вокруг ее засверкал в прежде неизведанные радужные цвета. Узнала, что его зовут Ньюкус, про подробности своей жизни он не хотел рассказывать, да и Ньюку не настаивала. Она знала, что это рано или поздно случится само по себе. Ее занимало сейчас совсем другое – ее Ньюкус. Надо же! Даже имена их похожи. Ньюку и Ньюкус. Она шепотом повторила его имя и сердце ее сладко заныло, в глазах у нее появились прежде незнакомые искорки, в полных, розовых губах заиграла неуловимая нежная улыбка. Ее чистая, светлая душа замлела от любви.

В один день старуха-удаганка, отозвав Ньюку на сторонку, сообщила ей о подробностях жизни Ньюкуса. Она выложила ей все, мол, он черный золотодобытчик, его знакомые отпетые бандиты и убийцы, и если они узнают, что он выжил придут сюда и убьют их всех. И еще сказала, чтобы она не увлекалась этим человеком, такая дружба в будущем ничего хорошего для них не сулит. Хотя, Харадай заранее знала ответ внучки, она посчитала своим долгом предупредить ее. Ньюку была потрясена от слов бабушки. Нет! Такому не быть! Чтобы защитить своего Ньюкуса она сделает все на что способна! Пусть только попробуют сунуться сюда, сразу узнают с кем связались и только пожалеют об этом!

Милое дитя, девочка, девушка, с самого первого дня своего рождения на белый свет

впитавшая с молоком матери еще и живительную влагу Матерь Земли, подрастая, постоянно готовится к тому священному дню, часу, мигу, после которого она станет женщиной и готовится стать матерью. А когда приходит любовь девушка расцветает, распускается как чудесный цветок. Недавняя неуклюжая девочка приобретает особую магическо-женскую статью, речь ее становится сродни шелесту листьев вековой березы на теплом ветру, а сама величаво-спокойной от переполняющего ее счастья. У нее даже меняется сон, манера кушать. Она вся сияющая, счастливая улыбка не покидает ее лик, всегда веселая, певучая, словно певчая птица.

Такие разительные изменения во нраве внучки не могла не заметить Харадай. Случилось то, чего не должно было случиться, на этот раз тёрях- гадальная ложка Ньюку упала не так. Харадай прекрасно знала, что только благополучно миновав это временное затемнение сознания, Ньюку может безраздельно отдаться высшим силам и станет настоящей удаганкой. Все дело было в том, что испытание любовью было ниспослано Всевышним как жребий, как судьба. И Харадай даже при большом желании не могла вмешиваться, не имела права, это было вне ее возможностей.

Тем временем, Ньюку стала выводить Ньюкуса на прогулки, сперва короткие возле дома, затем они постепенно увеличили время и расстояние прогулки. Вскоре они стали неразлучными как иголка с ниткой и вовсе стали пропадать в лесу надолго. Молодые и не заметили, как их дружба превратилась на нечто большее, стали “неразлей вода”. Ньюкусу они отвели балаган, а сами жили в доме и ухаживали за ним по очереди. Днем-то он был человек как человек, а вот ночью кошмары не давали ему спать. Просыпаясь в холодном поту он пугался до полусмерти, даже стал бояться темноты как малое дитё. Как только ночь охватывала его бесшумными крыльями, клоня ко сну, тут же появлялись Баллыр Баска и Ор-

дах Осип с намерением убить его. Особенный ужас внушал тень Баллыра с выпученными, кровавыми глазами, со страшным оскалом, надвигавшаяся на него с ножом, чтобы перерезать горло. Это видение вызывало у Ньюкуса настоящую панику. Ньюкус и сам с удивлением думал, как можно так бояться снов, пусть даже кошмарных. Теперь Ньюкку по велению Харадая начала сама лечить Ньюкуса. Поит его разными отварами, делает компрессы мазями, массирует. Ньюкус иногда притворялся что боится щекотки и начинал “дергаться” во время массажа. Когда Ньюкку его “ругала” за это, Ньюкус в ответ вообще, со “страшными” гримасами на лице и “ужасным” ревом гонялся за Ньюкку, потом она за ним. Они часто так резвились, чуть не перевертывая балаган, играя в догонялки.

В одно утро девушка вошла в балаган, когда Ньюкус после умывания по пояс голый разрабатывал упражнения укрепляющие ослабевшие от долгого лежания суставы и мышцы. Ньюкку подошла к нему и по привычке попробовала кончиком пальца зарубцевавшуюся рану на груди, словно проверяя, насколько крепок рубец, Ньюкус сделал вид, что ему больно, когда девушка подняла удивленный взгляд на парня, он, заодно смеясь, притянул ее к себе. Девушка в тонком ситцевом платье замерла на его широкой груди.

И началось... По юному телу девушки побежали доселе неизвестные ей сладко-теплые волны. Хоть как бы не опасалась и боялась, Ньюкку застыла от этих прежде незнакомых, волшебных ощущений, но столь же желанных, что ее обволокло прекрасной истомой и она стала прислушиваться накатывающим маняще-зовущим, пульсирующим волнам. Сильные руки мужчины пошли гулять по ее гибкому стану, тонкой талии, округлым бедрам. Дальше его ладонь нежно сжала тугую девичью грудь, затем другую.

- Нет! Нельзя-я! Не надо! Перестань...

Но пути назад уже не было...

Предательски слабеющая девушка, прерывисто дыша, теряя дар речи, руками обвила шею парня и теплыми губами нашла его губы. Потом, теряя самообладание, бессильно опустилась, словно шелковый платок на руки Ньюкуса, а он подняв ее как пушинку положил на еще не убранную постель. Одежды у обоих было совсем немного, избавились от них быстро. Крепкие, мозолистые от тяжелого труда, довольно умелые в таких делах руки Ньюкуса гладили и ласкали ее прекрасное, белокожее, благоухающее тело, доселе не чувствовавшего ничего, кроме касания тонкого ситца и поглаживания нежных трав, сжимали мягкие изгибы, нежно обхватывая упругие округлости. Не познавшая еще мужчину юная дева, вся напрягаясь, еще раз попыталась было слабо защититься от его жадных рук, стыдливо прикрывая ладошками постыдные места, но природа брала свое. Ведь вырастая и созревая, она так долго ждала ЭТО, часто по ночам представляя ЭТО в девичьих грезам, иногда доводя себя до бесподобно-сладкого трепета. Осознав, что наконец-то настал тот вожделенный миг, она вся отдалась нарастающему, зовущему желанию, безудержно окунулась в омут страсти. Ее юное, гибкое, обнаженное тело трепетало под ласками мужчины. Прикосновения сильных, мозолистых рук и пальцев в некоторые потайные места, даже точки доставляли ей непередаваемое словами состояние блаженства. А потом, доводя все тело до сладчайшего трепета, доселе не познанного ею, заставляет улететь на невиданную высь. Милая девушка, от страсти потерявшая стыд и робость, теперь сама жаждала, чтобы ею обладали, и стала изо всех сил торопить события. Раскрывшись, она притянула к себе замедлившего было напор мужчину и тесно прижалась к нему. Вдруг острая боль пронзило ее тело, от которой Ньюкку невольно вскрикнула, а потом сладострастная блажь охватила обоих... Влюбленные потеряли счет времени. Два любящих сердца закружились

МИХАИЛ ГОГОЛЕВ – ДОЛГУН. ЛЕСНАЯ ДЕВА.

в вихре любовного танца, то проваливаясь в бездну, то поднимаясь ввысь, все вокруг исчезло в буре страсти...

Настали последние погожие дни конца сентября. Ньюкку с Ньюкусом шли по сосновому бору, держась за руки, непрестанно болтая о том о сем. Затем присели, обнявшись, на сухом пригорке над речкой, заросшей гибким тальником. Не переставая разговаривать, Ньюкус ножом, который постоянно носил с собой, срезал кусок тальника, острием ножа ловко распустил кору и из тонких полосок ловко сплел два кольца. Кольцо получилось красивое, разноцветное. Да и размером получилось поменьше. Ньюкус попытался надеть его на свой мизинец, но получилось тесновато. Тогда он его отдал Ньюкку, кольцо подошло ей впору. Ньюкус себе выбрал кольцо попроще, потемнее. Затем, посерьезнев от момента, встали рядом, поклялись в верности и любви пока живы, и надели на безымянные пальцы левой руки самодельные кольца.

Чернотал-сигэ* настоящий подарок природы для якута, из него получают очень крепкие, гибкие связки. Такими тальниковыми связками скрепляют буквально все, начиная от снаряжения для сенокоса, изгороди, саней-упряжек, санок, заканчивая ободками для самой разнообразной берестяной посуды, даже для изготовления домашней утвари – табуреток, стульев. И охотничьи снасти никак не изобразишь без чернотала – верши, морды, мережи, корчаги.

Медовый месяц для молодых продолжался уже довольно долго, днями и ночами, не зная усталости они купаются в море чувственной любви. Познавший любовного целомудрия мужчина оказался опытным любовником, часто доводя ее откровенными, разнообразными ласками до изнеможения, тем самым заставляя ее начисто забывать чувства стыда и смущения.

Милая Ньюкку стала следовать за своим мужчиной словно олениха, которой дали

попробовать солонца. Хотя она и обладала дарами предвидения недоступными никому, когда дело коснулось ее самой, эти ее способности заглохли. Наверно, так было записано у нее в судьбе. Вправду говоря, такой молодец, как Ньюкус был недостоин даже дышать воздухом, которым дышала она, не то, что находиться рядом с ней. Но, как всегда горькое прозрение наступает после...

Расставание

Стояла поздняя осень. Ночами ударяют заморозки, днем все больше дожди со снегом, наступало время, называемое «великая межа», полоса межсезонья, когда холод окончательно побеждает тепло, земля ложится под зиму, замерзает, отвердевает, открываются пути-дорожки по необъятным просторам края. Это долгожданное время со времен Века войн. Начинается всеобщее оживление, перемещения, люди начинают ездить по своим делам, продолжать когда-то начатое...

Ньюкку стала замечать, что с улучшением здоровья Ньюкус стал каким-то беспокойным, временами не находит себе места. И еще что-то его беспокоит, тревожит, такое впечатление, что кого-то ждет, чего-то опасается. Однажды они вдвоем заготавливали дрова на опушке леса. Вдруг земля задрожала от бега табуна лошадей, которые паслись неподалеку. Тут Ньюкуса охватил безотчетный страх, его бросило в дрожь, сам он замер, не зная как быть. Ньюкку еле успокоила:

- Не бойся ничего, пока возле меня. Я не позволю выпасть даже волосинке с твоей головы, если нет на то моей воли – говорила она, но Ньюкус не верил ей. Ему было невдомек, какая сила и мощь скрывается в этой хрупкой словно божественная лань девушке.

Не зря говорят в народе, что жизнь прожить, не поле перейти. При желании человек может преодолеть любые трудности. Но человеку неподвластно время. Его течение не-

подсудно никому. Оно несет на себе по бесконечному пространству все сущее на свете, судьбы людей, подчиняясь только своим законам и правилам. И тот черный день, что уготовило им безжалостное течение времени, безмерная беда, гнетущий ужас для молодых неотвратимо наставал...

Прибарахлившиеся в городе, окрепшие, как никогда готовые к последней вылазке, после которой их ждали широко раскрытые ворота в пленительную жизнь в далеких краях, Баллыр с Ордахом, верхом на тех же самых лошадях ехали к своему схрону, чтобы наконец их вырыть, навьючить на лошадей и отправиться навсегда в чужие края. Путь их пролегал по той же тропке, которой они ехали весной, как-будто сам злой рок их толкал еще раз проехать через те же памятные места, где случилась весенняя резня. И точно, они выехали прямо в куче валежника, где бросили бездыханного Ньюкуса и от удивления раскрыли рот – останков Ньюкуса не оказалось на месте. И признаков пребывания хищника не нашли, чтобы списать на него пропажу. Они точно знали, что убили его, не может быть того, что он встал и ушел. Начали искать другие следы и поняли, что приезжала бычья упряжка. Значит, его увезли, а вот где похоронили? Без ответа на этот вопрос они уехать не могли, иначе всему их делу конец и решили тайно, издалека понаблюдать за хозяевами ближайшего жилища, может, что и узнают. Оставив лошадей на том же самом месте как прошлый раз, взяв ружья, ножи они, стараясь не шуметь, направились в сторону жилища.

В это время, молодые люди, ставшие неразлучными как иголка с ниткой, взявшись за руки, ведя за собой быка в упряжке, шли в лес за дровами, как раз навстречу отпетым убийцам, причем бродяги заметили их первыми и успели вовремя отскочить в сторону от дороги, в заросли тальника. Из-за зарослей они с недоумением и удивлением проводили взглядом живехонького «покойника», да

еще рядом с красавицей-девицей, весело и беззаботно болтающего с подругой. Молча переглянувшись, пораженные увиденным, разбойники решили быстро сделать свое черное дело и бесшумно последовали за ними. Дойдя до делянки, молодые развели костер, поставили медный чайник на огонь кипятиться, а сами сели на сани, застеленное сеном и начали миловаться, вскоре и вовсе залегли.

И вдруг, схватив Ньюкуса за шкуру, кто-то поднял на воздух и нанес страшный удар прямо в печеньку, второй удар пришелся в переносицу задыхающегося от боли парня и он без сознания рухнул на землю как скошенная трава. На растерянную от неожиданности девушку набросился другой злодей и началась неравная борьба. Ньюкуку укусила Баллыра за палец и получила сильнейший удар по голове, лишивший ее сознания. Баллыр сунул окровавленный палец себе в рот, выплюнув кровь и опять набросился на девушку, жадно хватая за мягкие места, потом издав дикий воделенный рык, оторвал шнурки торбазов девушки и, выдрав их вместе со штанами, взгромоздился на беспомощно лежащую девушку...

В это время Ньюкус пришел в сознание и начал понимать, какая беда, какой ужас приключился с ними. Убийцы опять нашли его, а Баллыр Баска насилует его любимую, но Ньюкус даже не шелохнулся, замер, по привычке прикрыв голову руками и пригнувшись вниз. Пронзительный крик Ньюкуку пронесся по верхушкам деревьев, она звала Ньюкуса, видя его, сидящего, краешком глаза. Одновременно попыталась выцарапать морду насильнику и тут же снова получив оглушительный удар, провалилась в темноту...

При втором просветлении сознания она почувствовала над собой другого насильника и опять взглядом выхватила Ньюкуса, который сидел в прежней позе, на прежнем месте и опять потеряла сознание. Третий раз она поняла, что лежит на санях, крепко привязанная за руки. В нос ударил запах дыма. И разговор

МИХАИЛ ГОГОЛЕВ – ДОЛГУН. ЛЕСНАЯ ДЕВА.

мужчин. Голос Ньюкуса сказал им, мол, в доме одна старуха и больше никого нет в десятке верст. Ньюкку с глубокой досадой и разочарованием поняла, что Ньюкусу не до нее. Тут Баллыр, увидев, что Ньюкку пришла в сознание, спустив штаны, начал опять надвигаться на нее и получил удар ногой в пах. Не ожидавший такого Баллыр взревел от чудовищной боли, еле поправив штаны, выхватил из костра горящий сук и придавил его в левую щеку девушки. Стеная от жгучей боли, Ньюкку молила Ньюкуса о помощи, но тот даже не шелохнулся в ее сторону, потяренно сидел, схватившись за голову и покачиваясь из стороны в сторону и, она поняла, что помощи ей ждать неоткуда. Значит, ей самой придется заняться этими нелюдями в человеческом обличи, ну, что ж, вы сами напросились, вздумали так обижать удаганку, не зная с кем имеете дело, чью дорогу перешли!

В глазах Лесной Девы, которые стали похожи на бездонные черные омуты пролегла зловещая, холодная полоска. Одновременно воздух делянки, пропитанный тяжелым смрадом пронзили струи белого тумана, все вокруг, деревья, травы охватила еле заметная мелкая дрожь. Никто и не понял, как освободилась от пут девушка. Вдруг, с протянутыми вперед руками с раскрытыми ладонями, удаганка с развевающимися в безветрии волосами, на клубках белого тумана стала подниматься вверх. В дрожащем воздухе зашипели искрящиеся огоньки, сопровождаемые пронзительным шумом, похожим на натужные колебания тетивы охотничьего самострела, выстрелившего тяжелую стрелу со сдвоенным наконечником. Ордах Осип, с выпученными от ужаса глазами упал на колени на мерзлую землю. Баллыр Баска тоже оказался на коленях возле Ордах, сверкая перевернутыми белками глаз, из его ноздрей и рта захлестала темная кровь. На своем веку никогда, ни перед кем не падавшие на колени, да что там на колени, даже не склонившие головы молодчики, од-

новременно осознавшие и от этого еще более ужаснувшиеся, что их жизнь заканчивается на коленях, словно замерзли в этом униженном состоянии. Перед их умирающим взглядом, в шагах десяти появилась Лесная Дева с протянутыми вперед руками, с пригвождающим намертво холодным взглядом черных глаз. Она покачивалась на воздухе, словно поплавок на воде... Вдруг легкие у ее жертв надулись в груди, стремясь порваться, ушные раковины полопались, заплывая кровью, языки вывалились изо рта, дыхание окончательно сперло. На их лице отразились последние гримасы переживаемых ими нечеловеческих мук. И боль, всеобъемлющая боль тисками зажала их тело. Они погрузились в вечную, стылую темноту так и до конца не поняв, во что они попали.

По просшествии некоторого времени Лесная Дева успокоившись, возвратила человеческое обличие и вернувшись к саням устало опустилась на расстеленное сено и потеряла сознание. Ньюкус же сидел в неизменной позе и даже будто бы и не заметил, что произошло в лесной делянке.

Ньюкку очнулась внезапно, лежа на санях. Вокруг никого. Поискала Ньюкуса, но не нашла. Она даже не стала смотреть на сторону трупов, кое-как одела обрывки одежды, уехала на сани, прикрикнула на быка и поехала домой. С тех пор Ньюкку окончательно поняла, что ее предназначение не в земной любви и обычной женской доле. Лесная Дева – удаганка, она обречена на одинокую жизнь и должна стать защитницей страждущих.

Ньюкку с большой досадой и разочарованием поняла, что Ньюкус бросил ее. Она и раньше подозревала, что он далеко не храбрец, но не настолько же, чтобы так предать ее, да еще и бросить. Она очень расстроилась. На ее взгляд, мужчина должен был быть защитником, заступником женщины. А он даже не шелохнулся, пока те изверги глумились над ней. Когда она лежала без сознания, даже не

прикрыл ее, не позаботился хотя бы на самую малость. Уж наверняка увидел, что враги лежат поверженные и теперь ему ничего не грозит, но он позорно бежал. Навсегда. Да если бы и вернулся, то как бы он посмотрел в ее глаза? Отблагодарил, называется за все то, что она для него сделала. Лесная Дева смахнула слезы сожаления и глубоко вздохнула. А старуха-удаганка все знала заранее. Что и как произойдет, как Лесная Дева расправится с обидчиками, вплоть до бегства Ньюкуса.

Про страшное происшествие в лесной делянке сообщили властям. Но, про Ньюкуса, по просьбе Ньюкку все скрыли. Про остальное рассказали все. Узнав, что бандиты только недавно освободились из тюрьмы дело прекратили. А молва о мести Лесной Девы обидчикам, обрастая различными подробностями, распространилась далеко за пределы округа.

То, что говорила Харадай осуществилось в полной мере. Теперь удаганка Лесная Дева должна была полностью посвятить себя ремеслу. А от того происшествия на ее левой щеке остался безобразный шрам от ожога.

В скором времени оказалось, что Ньюкку забеременела. По совету бабушки сохранять ее не стали. Харадай изгнала плод, пока не поздно. Благо, что она про эту беременность знала еще задолго до ее наступления. Знала она и то, что Ньюкус вернулся в город живой и здоровый, лишь Ньюкку ничего не хотела знать, хотя ее и терзали сомнения насчет ее обиды на него.

Время течет и меняется однообразной полосой, без скачков и колебаний. За прошедшие десяток лет слава о двух удаганках распространилась далеко. Нуждающиеся, страждущие ехали к ним отовсюду нескончаемой чередой, словно поплавки невода.

Старая удаганка чувствовала, что ей скоро отправляться предкам. А внучку еще много чему оставалось обучить. Она говорила:

Обман зрения это самое простое, что может быть, а вот, без подготовки, многим лю-

дям одновременно показать всякую всячину надо умеючи.

Однажды, весной, в начале мая, когда посетители отдыхали на завалинке, греясь на солнце, один из гостей стал настойчиво просить Харадай показать смерч. Старуха не заставила долго просить, подобрав тонких коротких, с ширину ладоней лучинок положила их на ладонь крест на крест стала выдувать на них воздух, вдруг появившийся из ниоткуда малюсенький вихорек начал раскручивать крестик. Старуха осторожно подошла к калитке, протянула руки на сторону опушки и дунула вихорек на сторону леса. Упав на землю вихорек начал расти, увеличиваться, крутя всякий мусор вокруг себя. А когда достиг опушки леса превратился в огромного ревущего, воющего как голодный волк смерча, уничтожающего все на своем пути, наблюдавшие за всем этим люди от страха начали вламываться в дом.

Так вот, если совладать ветром и тучами, то можно по своему желанию вызывать дождь и снег или прекратить их. Сумеешь это сделать, может и прослывешь средненькой в ремесле – учила она внучку. Поругала ее за неосторожность, когда лечит, она часто тяготеет переносом причины болезней к другим существам. И вправду, Ньюкку болезни всегда сперва вбирала в себя, затем тратила много сил и энергии на очищение. Считала, что хотя это и очень опасно для нее, она не собиралась отказываться от этого. Ну, не хотела, не желала переносить болезни на другие животные, тем более на человека. Может поэтому уделяла много времени на сбор и изучение действия самых разных растений, кореньев, соков, смол и пришла к твердой мысли, что нет и не может быть какого-то чудодейственного средства, которое лечит все болезни. Бабушка Харадай тоже была такого же мнения.

В одно засушливое жаркое лето встали лесные пожары, дымом заволкло все небо, народ заволновался, боясь что огонь подойдет к жилью. Все, кто может были мобилизованы

МИХАИЛ ГОГОЛЕВ – ДОЛГУН. ЛЕСНАЯ ДЕВА.

на борьбу с огнем. Верховой пожар можно потушить только встречным огнем. Когда огонь подошел слишком близко к поселку, пустили встречный пал, но, как назло, переменялся направление ветра и огонь с удвоенной силой и мощью ринулся в сторону поселка.

Харадай была уже больна, но опираясь на трость, однажды вышла на улицу и ужаснулась, увидев на стороне поселка стену черного дыма. Она позвала Ньюкку:

- Ну, голубушка, большая беда пришла людям, опасность угрожает поселку, надо им помочь, чем только сможем, дождей нет и не будет, что ж, придется поднимать в небо воды Эбэ-озера, там видно будет...

От жилья Харадай до поселка полтора десятка верст.

- Ты иди туда в поселок, на южную сторону озера, встретить поднятую мной воду, поднять то я подниму, а ты поуправляй дальше, у меня не хватит силенок, слаба я стала, знаю, что это моя последняя помощь моим сородичам. После озерной воды огонь ослабеет, тогда поищем дождь – объяснила она просто, а другая приняла это как должное, обыденное, повседневное.

Огонь... Он самый близкий друг и помощник человека на севере. Самое священное понятие, Дух огня - святое божество якута, которого он постоянно кормит и молится ему. Но, если упустить ее из виду, он превращается в чудовище, какого белый свет не видывал, в лютого врага, уничтожающего все на своем пути, превращая в дым, черные угли и копоть.

У людей уже много дней и ночей безуспешно борющихся с огнем, силы были на исходе, ими овладели отчаяние от беспомощности, тщетности усилий, чувство ничтожности перед лицом стихии, начиналась тихая паника, до поселка оставались считанные сотни шагов.

Вдур... с севера, напрямик к Эбэ-озеру, оседлав огненную полосу вдоль лесной чащи ворвался огромный смерч невиданной силы.

Оказавшись посередине озера смерч как воронкой втянул в себя воду вместе с донной тиной, подняв в воздух огромные массы воды, обрушился прямо на полосу огня, мимо растерявшихся от неожиданности и страха людей, изрыгая мощные потоки воды вдоль всей линии огня. Огромные клубы черного пепла вперемежку с белым паром устремились в небо. Огонь, наступавший прямо на поселок тотчас сник, с шипением за клубился угасая, оставляя за собой черную сажу и раскаленные угли. Изумленные люди, не понимая что происходит, дружно начали гасить отдельные очаги пламени, окончательно побеждая огонь. По ходу дела они нашли много мелкой рыбы из озера, принесенные вместе с водой и озерной тиной. Остатки пожара погасли, наткнувшись на песчаный берег речки, дальнейшее крыло пожара пронеслось дальше в лес, уже мимо поселка. Жители, наконец за много дней и ночей вздохнули с облегчением. Тут же нашлись люди, которые наяву видели Лесную Деву, носящуюся над озером, молва эта обрстая подробностями разнеслась на весь поселок. Люди молча, с благоговением и про себя смекнули, что за смерч приходил, откуда и спас их от огня. К вечеру небо затянуло тучей и пошел долгожданный дождь, сперва не сильно, затем все усиливаясь, к полуночи уже лило как из ведра. Дождь шел целую ночь, потом весь день. Пожар потух. Как дождь прекратился, все, кто находился в округе за тридцать верст одновременно услышали трехкратный рев быка, доносящийся непонятно откуда, то ли с высоких небес, то ли из бездонных глубин земли...

Вскоре пришла черная весть о том, что удаганка Харадай отправилась предкам. Власти наслега организовали похороны Харадая всем миром. Определили, согласно ее желанию, место возле деда шамана. Рев быка, что слышали, посчитали за прощание со старой удаганкой ее Мать-зверя. Бабушка бедная, могла бы еще немножко пожить, если бы не

пожар, угрожавший людям. На его тушение Харадай потратила последние силы, впрочем, это уже было неинтересно никому. Даже молодая Ньюкку, поучаствовав в подъеме воды переутомилась и вынуждена была полежать, восстановиться. Откуда простым людям знать, какие страдания, опасности, сложности преодолевают в своей нелегкой жизни удаганки, нет, конечно. Огонь и вода – самые близкие друзья людей, но они стихии, которые, если вырвутся из рук, могут натворить столько бед, превращаясь в лютого врага. Оттого мы при всех случаях жизни – в радости и в печали, благословении и проклятии, всегда с благовесными ритуалами обращаемся и поклоняемся огню.

Лесная Дева осталась одна жить в урочище бабушки...

Лесная Дева имела редкую способность находиться под водой сколько угодно долго. Со временем она развила еще одну способность, избавляющую ее от необходимости лезть в воду. Она могла видеть дно любого водоема, не входя в него. Эта ее способность принесла много пользы людям. Находила утопленников. Безошибочно предсказывала наводнения, тем самым неоднократно спасла земляков от разрушительных последствий гнева природы. Ее часто приглашали поработать на местах. Хоть какую грязную воду умела превращать в кристально чистую. Ей даже удавалось вернуть парную свежесть прокишшему молоку. Все это она делала через заговоры, через слово. Как знали люди, Лесная Дева лечила людей, забирая болезнь в себя. Потом лечила себя, что отнимало очень много времени на восстановление, сил и терпения. Намного больше, чем вылечить больного. Она, конечно знала, что так продолжаться долго не может. Ведь ее тело, возможности тоже имели предел. Вот, поэтому Ньюкку постоянно искала снадобье вечной жизни. Она обошла всю Якутию в поисках трав для составления этого рецепта. В последнее время

ее назойливо преследовала мысль о том, что такая трава, растение, наверняка растет под водой поскольку на суше она не смогла найти. Причем, это не корень, не смола и не гриб. Вот так она мучалась довольно долго, до тех пор, пока однажды, в конце мая, ее во сне посетила бабушка. Милая ее бабушка с чувством радости на светлом лице, подошла к кровати спящей внучки, села на плетеную из тальника табуретку, осторожно погладила ее за голову, затем взяв ее правую руку в свою руку стала вещать вот о чем:

- Вот, что, голубушка, ты послушай-ка внимательно меня. Ты должна все запомнить и сделать все точно так, как я скажу. Ранним утром 21 июня, в первый день самого длинного дня лета, на восходе солнца пойдешь в озеро «Ыраас эбэ», что у истоков речки «Хоту бас». Там и найдешь то, что ищешь. Озеро глубокое. Посередине под водой возвышается бугор-булгуннях, там точно на верхушке, в глубине в сажень под водой растет одинокая зеленая шелковистая трава в три пяди высотой, с девятью листьями каждый в семи прожилках, она будет видна издали. Откуси стебель ниже последнего листа, остатки стебля и корень не трогай. Эта трава вырастает лишь один раз в девять лет и то при счастливом стечении многих обстоятельств, погоды, от температуры воды, от фазы луны и стояния звезд на небе. Ее можно брать только в тот день, который я тебе сказала. У тебя месячные должны будут пройти за десять дней до погружения в воду. Предупреждаю тебя. Пусть тебе повезет. Если что не так даже не думай лезть в воду. Также за десять дней до взятия травы ты не должна никого лечить, не ходить на похороны, не спать с мужчиной. Разведи огонь на берегу и благослови духов огня, воды. Перед вхождением в воду вымойся чисто, разденься догола, волосы убери на макушку и завяжи чистым платком. Все, что надо делать под водой должна делать не спеша, спокойно, как будто находишься на суше. Из воды должна

МИХАИЛ ГОГОЛЕВ – ДОЛГУН. ЛЕСНАЯ ДЕВА.

выбраться точно оттуда, откуда входила. Там же заранее оставишь туюсок, еще неиспользованный, новенький. Траву вместе с водой свернешь в клубочек, очень осторожно, не ломая листьев и веточек и вложив в туюсок, плотно закрой его. Никто не должен ни знать, ни видеть это твоё действие. После этого, продырявь туюсок в девяти местах и поставь сушиться в укромном уголке, где солнечный свет не доходит на три раза девять дней всего на двадцать семь дней. Один листок хватит на одного больного. Будет иметь силу на семь лет. Дальше бесполезно. Нужные слова при применении подскажут верхние. Я закончила...

Лесная Дева проснулась тотчас, как только бабушка произнесла слово «Закончила» и в недоумении посидела на кровати. Оказалось, что она держит в правой руке тонкий платок бабушки. Ведь Ньюкку сама завязывала этот платок бабушке, когда прощалась с ней навсегда. Она вспомнила, что завязывала бабушке еще один, пуховый платок поверх этого. Бабушки-то нет уже вот скоро восемнадцать лет, а платок здесь. Значит, она приходила не во сне, а наяву. Про озеро с чистой водой она слышала и знала, что оно находится в сотнях верстах, у истоков речки «Хоту бас». Пешком дойдет, если быстрым шагом, с одной ночевкой в середине пути, одну ночь заночует на озере и еще два дня на обратный путь. Надо соседке сказать, что уходит в райцентр. С ней жила соседка Майя, переехавшая к ней после смерти Харадая. А дело было так. Однажды, в крайнем наслеге пропали без вести трое охотников. После долгих и безуспешных поисков родные обратились Лесной Деве. Она, прибыв в наслег, сразу же нашла пропащих, оказалось, что мужа и сына Майи, после пьяной ссоры застрелил третий мужик и закопал в лесу. Убийца сам, спяну попытался на утлой лодке переплыть реку и утонул. Его течением прибило под плавник и Ньюкку указала на какой глубине он лежит. Потерявшая мужа

и единственного сына пожилая Майя быстро согласилась переехать к ней с двумя своими коровами. В наслеге ее ничто не держало. Она понимала, что удаганка может часто и надолго отлучаться от дома по делам. Тут ничего и не попишешь.

В обозначенный день, как бабушка наказала Лесная Дева отправилась в путь. Сборы были коротки. Больше всего боялась месячных которые, к счастью, совпали по срокам, кстати, скорее всего не случайно, а по воле Верхних, она в этом была уверена. Находясь в лесу она в еде особо и не нуждалась. Обходилась кореньями, плодами, листьями растений, питаюсь их соками могла быть в лесу сколько угодно долго. Не стала запасаться едой, взяла только новенький туюсок, спички, нож с кресалом, тонкое одеяло, для угощения хозяйки озера оладушки, белые конские волосы и коровьего масла.

Июнь месяц... Для уранхай саха нет более долгожданного времени. Леса, луга покрываются буйным цветением, везде царит любовь, рождение новой жизни. Мужики, пережившие долгую, трудную зиму отправляются на турпана, за икротетным карасем. Женщины рассыпаются по заливным лугам заготавливать незаменимую приправу – дикий лук. Переселение на летник. Неповторимый аромат дымокуров, вперемежку с вкусным запахом оладушек и саламата, мычание коров, ржание лошадей, переливы хомуса, гомон счастливой детворы - все это каждому якуту передается с молоком матери и бережно сохраняется в глубине души. И еще во времена Омогоя-дядьки, Элляя-дедушки основанный, крепким, пенистым кумысом окропленный, саламатом со сливками угощенный, поединками крепких борцов, сильных молодцов сопровождаемый, танцами осуохай и тойуками украшенный прекрасный праздник ысыах проводится в этом же месяце - в июне.

Лесная Дева в этом своем мистическом путешествии уже не испытывала ни тени сом-

нения в том, что Трава Вечной Жизни существует. В конце второго дня пути, как и было запланировано, к закату солнца она вышла к западной оконечности Эбэ-озера. С изумительной красоты природой круглое словно скворода озеро около двух верст шириной открылось перед взором Ньюкку. Сквозь чистойшую воду просвечивает глубокое дно. Вокруг озера аккуратный ряд стройных берез с белоснежными стволами. На зеркало озера то тут, то там цветут желтые островки цветков калужницы. Этот цветок растет и распускается только в очень чистой воде. На восточной оконечности озера возвышается пригорок с крутым склоном с лиственничным лесом. Место, откуда удаганка должна войти в воду оказалось лугом с ровной поверхностью, которая плавно уходит в глубину. Переночевав тут, поблизости утром на восходе солнца, как было сказано во сне, Ньюкку должна была развести огонь, благословить и угостить духов огня и озера, затем нырнуть в озеро.

Путру она проснулась, природа как-будто замерла, даже тонкий листик не шелохнется. Небо ясное, ни единого облачка. С озера медленно поднимается густой туман. На востоке начинает играть утренняя заря. Скоро восход. Лесная Дева начала готовиться. Развела костер, исполнив все ритуалы, разделась догола. Волосы, которые ниспадали густым потоком ниже поясицы, собрав в пучок на макушке заколола заколкой из мамонтовой кости и тщательно спрятав в белый платок, туго завязала. Затем, повернувшись лицом на восток опустила на колени на мягкую зелень, прикрыла глаза, несколько раз глубоко вздохнула и замерла, ожидая наступления транса. Со стороны посмотреть, сидела, ну никак не женщина средних лет, а молодая девушка с прекрасным телом, прямо на загляденье. Разве только лицо... Оно окаменело, ни один мускул не дрогнет, стало не похоже на лицо живого человека. Туман поднялся и растворился в прозрачном утреннем воздухе.

Взошло солнце, осветив верхушки деревьев.

Лучи восходящего солнца ударившись о гладкую поверхность озера рассыпались, играя на воде рябью бликов, в центре этой дорожки появилась удаганка с протянутыми к солнцу руками, погрузившись до сосков она промедлив на миг, решительно шагнула в глубину. Когда вода достигла сомкнутых губ она вдруг шумно выдохнула воздух из легких и через ноздри втянула воду, наполняя легкие полностью, распластав обе руки вверх она начала погружаться в воду с головой, затем по локоть, по кисть протянутых рук и вскоре исчезла под водой, оставив лишь расшряющиеся круги над гладью воды. Удаганка, оказавшись под водой, в первую очередь замкнула глотку, вода не должна попадать в желудок. Прodelала это легко, тренировалась много раз. Теперь должна добиться того, что ни пузырька воздуха не оставалось в обеих легких. Только тогда она сможет дышать под водой, перекачивая воду через легкие. По дну ходить трудно, очень медленно, а где тина толстым слоем приходится и вовсе плыть так, что расстояние если на оба конца пути будет верст в два, значит ей под водой надо быть часов восемь, словом, ко времени дневной дойки коров она должна вернуться и выйти на сушу. Озеро довольно глубокое, но когда оба легкие полны водой тяжесть воды не чувствуется. Направление движения выбирает по солнечным бликам. К полудню, она наконец добралась до подножья подводного булгуньяха. Склон по которому она должна подниматься вверх, к счастью оказался покатым. Пока добиралась до вершины, стало мельче и оттого светло вокруг. На самой вершине булгуньяха Ньюкку заметила светлый туман с копну. Тут же подавила чувство радости. Нельзя нарушать ритм сердца и водного дыхания, иначе может случится непоправимое. Приблизившись к светлому туману увидела шелковисто - зеленую, о девяти листьях, со стеблем в три пяди, отражающей легко проникающие сквозь толщу

МИХАИЛ ГОГОЛЕВ – ДОЛГУН. ЛЕСНАЯ ДЕВА.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

воды лучи солнца во все стороны разноцветной гаммой, колыхающуюся в кристально чистой воде прекрасную траву. Продлевая этот волшебный миг, Ньюкку, стоя перед травой на коленях, мысленно обратилась к ней со следующими словами:

- Восьмибодной-восьмикрайний с треволнениями-беспокойством изначальной Матери-земли, людей солнечных родов с поводьями за спиной, с уздами за плечами, защитити-сохранить от нападков нижних аймахов* абаасы, назначенная от светлых айыы благословенных, я женщина-удаганка преклоняя с трепетом свое колено пред тобой сообщаю, что пришла взять тебя, Траву Жизни, чтобы использовать накопленные тобой живительный сок во спасение страждущих. От имени светлых Айыы прошу твоего согласия. Если ты согласна пойти со мной, это было бы трижды радостно.

К радости и удовольствию, обычно чувствительно-непроницаемой удаганки, шелковистая трава как будто согласившись, застелилась перед ней, словно предлагая взять ее, тогда удаганка зубами откусила ее стебель ниже листьев на полпяди от корневища, бережно взяв правой рукой травку прижала к сердцу и пустилась на обратный путь...

... Посетителей у удаганки очень много. У всех бывают самые различные болезни, слезы и мольба. Как бы она не берегла драгоценное лекарство всему приходит конец. Чудодейственное лекарство закончилось. Одно Ньюкку крепко поняла – по силе и пользе у этой травы нет равных. Ею она спасла ровно девятерых молодых людей от разной тяжелой хвори. Все были на грани смерти, но все не только выжили, но и выздоровели. Лекарство помогало только молодым. Таково было желание верхних. Ньюкку только проводила их желание через себя больным. Так, что пока применяла траву отдыхала. Волшебные свойства травы были даны по указу Айыы духов, поэтому различные абаасы, носители корней

и причины болезней сразу чувствовали смертельный для них душок и тотчас убирались куда подальше и больше никогда не возвращались. Слова же, которыми необходимо было сопровождать применения приходили непосредственно в ходе лечения. И каждый раз по другому, в зависимости от характера болезни. Один лист растения она вольна была применить для себя, для очищения от скверны после лечения, да не сумела. Все потратила страждущим. Года шли, удаганка старела, с каждым разом очищение после работы становилось все сложнее. Но, она ни разу не изменила священному слову, данному еще в юности, не переносить болезни на других. Конечно, и удаганка не была всесильной, многим отказывала, было и такое, что лечение не помогало.

Она никак не могла позабыть один такой случай. Она занималась знахарством уже лет десяток. Из близлежащего района к ней привезли мальчика лет десяти. Заранее знала, что они едут. Еще знала, что ничего не выйдет из этой затеи. Когда они подъехали к дому она вышла навстречу, подала им что-то, завернутое в белую ткань, поговорила с ними минут десять и вернула обратно. В тот день никого не лечила. Про тот случай никому не рассказывала. Мальчик от болезни мочевого пузыря не мог удерживать мочу. Для удаганки вылечить это не стоило труда. Но, дело в том, что мальчик этот был обречен. Жить ему оставалось два дня. Ой, как это тяжело видеть то, что не видят другие, знать то, что не знают другие. Кто если не Ньюкку, знала и страдала об этой невыносимо тяжелой участи посвященных. Мальчик уже стоял в могиле не одной, а обеими ногами. И ничего сделать было нельзя, не имела права даже думать об этом. Бедняжка через два дня умер, не от болезни! А уже было определено, что он утонет. Ньюкку не могла их пустить даже во двор дома, иначе они могут его загрязнить и что самое опасное, воздействовать плохо на других ослабленных боль-

ных. И все это никто не знал, кроме удаганки. Самое досадное, зная все, что ожидает других, Ньюкку не могла даже намекнуть им, дать знать об этом обреченному или его близким.

Многие больные доходили до нее, сильно запустив болезнь. Тогда она могла только унять боль, страдания и очень переживала от этого. Каждый такой случай она настолько близко к сердцу принимала, что переставала кушать, спать. И это все плохо действовало на ее физическом состоянии. Выручали лишь благодарность и радость выздоровевших.

Эпилог

В реанимации онкологического отделения городской больницы умирал тяжелобольной. Больному лет лишь пятьдесят, но безнадежный, собрались выписать домой. Его лечащий врач, еще раз тщательно просмотрел историю болезни Семенова Николая Саввича, он как опытный врач, всю жизнь посвятивший медицине, точно знал, что больной умрет буквально на днях. К тому же, он поступил очень поздно, когда терпеть боль более стало невозможно. О какой-то операции и речи не могло быть. Анализы были очень плохие, хуже-некуда, на снимке картина рака легкого на стадии распада, метастазы уже поразили почки, позвоночник. Осталось ему жить самую малость. Хотя, будучи руководителем крупного предприятия, больной, имея обширные связи и знакомства достал много дорогого импортного лекарства, но лечение не дало результатов. Лечащий врач, сообщив ему, что его завтра выписывают домой, быстро покинул палату.

На завтра, его жена с сыном на носилках забрали больного домой на машине скорой помощи. Однако, у больного ум сохранялся ясным. Когда дни на этом свете сочтены и некуда деваться, каждый старается подвести какой-то итог прожитой жизни, взвешивает на

известных только ему весах факты своей жизни. Прямо скажем, нерадостная картина вырисовывалась у него. Он-то точно знал и помнил события своей жизни, можно было как-то пораньше остановиться, подумать, исправить затем только двигаться дальше. На самом деле, как всегда бывает, было ему некогда думать над поступками. Если бы дали шанс прожить жизнь повторно он точно прожил бы ее по другому. Однако, прошлое не вернешь, сам же туда не вернешься, проделанные ошибки не поправишь.

Николай Саввич попросил жену поставить обезболивающий укол. Боль терпеть становится все сложнее, инъекция действует все короче и лишь уменьшает боль на некоторое время. Месяца три прошло как поставили диагноз. За это короткое время в прошлом мужчина-здоровяк очень заметно сдал, сильно похудел так, что даже не рискует лишним раз посмотретья в зеркало. Боится! Понятное дело, ведь он известный трус. Хотя об этом никто не догадывается, а кто знали, давно канули в лета. И лишь одна должна быть жива. Убегая от страха, что все узнают, он поселился в самом дальнем северном районе. Даже имя свое якутское немножко переименовал в Николая, хотя большой надобности в этом и не было, так на всякий случай, больше для самоуспокоения и начала новой жизни с чистого листа. Да куда там! Себя самого не обманешь!

На самом же деле его звали Ньюкус. В его памяти навсегда врезался тот ужасный день, как вспомнит, у него до сих пор волосы на голове будто бы шевелятся. Он помнил все – неожиданное превращение Ньюкку, ее глаза как бездонные черные омуты и ту особую, невыносимо напряженно-тревожную обстановку, которая опустилась на делянку. Все он видел и осознавал, но скованный глубинным, животным страхом неподвижно сидел, ничего не предпринимая. Будь он решительнее вполне мог справиться с Баллыром, насилловавшего его любимую, ведь он был ему намного бли-

МИХАИЛ ГОГОЛЕВ – ДОЛГУН. ЛЕСНАЯ ДЕВА.

же, чем Ордах. И нож висел в ножнах на ремне ... Когда все закончилось он увидел, что стало с их мучителями, с искаженными гримасой невиданного страдания помноженное на чувство непомерного страха лицами, они валялись мертвые. Ньюкку тоже лежала на санях, лишившись сознания. Первой мыслью, ударившей в мозги не верящего, что остался в живых, Ньюкуса было убежать из этой страшной деланки куда глаза глядят, только подальше да побыстрей, в еще неизведанные им края... И он побежал.

Но не в сторону схрона, хотя прекрасно знал, где закопано золото. Никакая сила не могла его туда направить, в это проклятое заговоренное место, где пролилась кровь его товарищей. Он знал, куда и зачем ехали эти отпетые убийцы и насильники. Старался все эти воспоминания вычеркнуть из памяти, чтобы они его не беспокоили. Ньюкку он вспоминал часто, но выражение ее глаз в последний миг и то, как она расправилась с мучителями... эти воспоминания пугали и пугали его больше всего на свете. Стараясь избавиться от последнего связующего звена с Ньюкку, он однажды попытался выбросить в огонь то самое тальниковое кольцо, сделанное им. К его испугу и удивлению кольцо дважды отскакивало от огня, это напугало трусливого, ничтожного Ньюкуса больше всего. Лишь с третьей попытки, до истерики напуганный человецище, сломав в дребезги иссушенное тальниковое кольцо, все-таки добился своего!

Попав на север, он вскоре женился на местной девушке-фельдшере, у них родились сын и дочь. Сам Ньюкус работал строителем, одновременно заочно окончил инженерно-технический факультет университета и овладел специальностью инженера-строителя. Время лучший лекарь, со временем Ньюкус, вроде бы, стал забывать произошедшее с ним. Переехав в столицу стал начальником крупного строительного предприятия. Сын учился в местном университете, в инженерно-техниче-

ском факультете, собираясь пойти по стопам отца. Дочка училась в школе.

Размеренная, спокойная жизнь семьи была внезапно нарушена тяжелой болезнью отца семейства. От нагрянувшей без предупреждения беды все впали в отчаяние. Врачи ничем не смогли помочь. В поисках чуда мама решила попытать счастья у знахарей.

Как раз в это время слава об удаганке Лесная Дева, весть об ее волшебных способностях облетела всю Якутию. Жена Николая Саввича снарядила сына в Заречье, к удаганке.

В то утро как только встала с постели, Лесную Деву посетила назойливая мысль о том, что будто бы, какой-то близкий знакомец с нуждой едет к ней, за помощью. Когда в дом вошел ее юный Ньюкус, она обомлела от неожиданности, но виду не подала. Сразу до нее дошло, что это сын Ньюкуса. Вот почему она так волновалась, предчувствуя его приезд, ну, копия его. А когда он заговорил, поздоровавшись, она окончательно удостоверилась, как она была права.

Узнав из рассказа парня о болезни Ньюкуса, о том, что болезнь сильно запущена и ничего уже ему не помогает, она категорически отказала в помощи из-за невозможности чем-либо помочь. Несмотря на это, парень еще раз попросив о помощи и получив отказ, оставил адрес на всякий случай и уехал домой.

После этого случая у Лесной Девы открылась зарубцевавшаяся, застарелая рана, которая так долго пряталась в тайниках ее души. Та самая обманчивая мысль, что она, как-бы забыла о неудавшейся любви оказалось пустышкой. Теперь вот, обманчиво забытая любовь вновь проснулась в ее сердце и в душе. Те счастливые мгновения, когда они были вместе, проснувшись, вереницей пронеслись в ее памяти. Она быстро вскочила, достала из шкатулки кольцо из тальниковой коры и надела на безымянный палец левой руки. Затем замерла, войдя в состоянии транса, отрешившись от внешнего мира и, так просидела

неподвижно, прикрыв глаза, почти перестав дышать, около часа. О чем она думала тогда, это никому неизвестно. Придя в себя, шумно выдохнула, взбодрилась и начала решительно готовиться на дальний путь.

В это же время самочувствие Николая Саввича резко ухудшилось, он перестал слышать и понимать речь, впал в бессознательное состояние, словом, начал уходить.

Вдруг, неожиданно для всех, ближе к обеду, в квартире появилась удаган, к которой ходил сын Николая Саввича. Она оказалась яркой женщиной средних лет, ладно скроенная, с красивыми черными незаплетенными волосами, разделенными посередине головы на две части, левая половина ниспадала на левую щеку, закрывая ее всю, правая половина через правое плечо была закинута назад, к спине, со жгучим взглядом черных глаз. Жена больного, встретив ее на прихожей, попытавшаяся принять плащ удаганки, вдруг встретившись с пронзительным взглядом ее черных глаз, осеклась от внезапно наступившего необычного чувства холода, пронзившего ее с макушки до пят и еле успела отпрянуть в сторону, потупив взор!

Лесная Дева попросила всех покинуть комнату больного, пока она там, никого не приглашать в квартиру и, взяв сумку с вещами вошла в комнату.

После того бедственного, кромешного расставания прошло ровно 32 года. И вот они встретились, если конечно, это можно назвать встречей. Увидев своего Ньюкуса без сознания, исхудавшего, безмерно страдающего, у Ньюкку перехватило дыхание от сострадания. Единственная ее любовь в этой жизни, чувство, которое она так долго тайно хранила и лелеяла в душе разгорелась с новой силой. Считала, что все забыла, выбросила из памяти, обманывала себя – теперь она уверилась в том, что кроме него у нее больше никого нет! Подвинув стул поближе к кровати, она села и осторожно взяла в ладонь его истонченную

безжизненную правую руку. Неужели это та сильная, ласковая рука, которая доводила ее до трепета... Какая же она холодная... Она коснулась его лба и ужаснулась – какой же он горячий! Вот это, тот самый момент, после которого наступает смерть через несколько часов. Тело человека мобилизует последние остатки сил на борьбу с болезнью, пытается ее сжечь, кровь сгущается, омывает только самые важные органы. Человек в этом состоянии нуждается в срочной, неотложной помощи и это Ньюкку четко понимала. Теперь она должна собрать все свои силы и могущество, все свои знания, умения, возможности и даже расплатиться ценой своей жизнью, если это понадобится, ради спасения любимого. Да еще довлел над ней неписанный закон, непреходящий долг каждого белого шамана или удаганки – бороться за сохранение жизни любого, не взирая на его грехи, даже если он срубил священную коновязь-сэргэ или же крест над могилой предков!

Она все забыла: и позорный побег Ньюкуса от нее, слезы и страдания свои бессонными ночами, чувство незаслуженной обиды... Хоть как не скажи, он единственный для нее близкий человек, ее вечный жребий, первая и последняя любовь!

Вечерело. Ньюкку вышла из комнаты и велела жильцам поставить кровать рядом с больным и вместе с сыном Ньюкуса поехала за город, умамливать духов земли, затем поднялась на сопку-мыран, сотворив только ей известные ритуалы-алгысы. Придя домой, она попросила всех жильцов, кроме жены Ньюкуса, пойти ночевать в другие места, а сама сказала, что будет рядом с больным в течение трех дней и трех ночей.

За это время, Лесная Дева неотлучно находилась возле больного, не покидая его, колдовала над ним, только ей известными способами. Она не давала приблизиться к Ньюкусу никому, даже его жене. На третий день, ровно в тот самый час, когда она впервые зашла в этот

МИХАИЛ ГОГОЛЕВ – ДОЛГУН. ЛЕСНАЯ ДЕВА.

НОВЫЕ ПЕРЕВОДЫ

дом, выйдя из комнаты, собрала всех и объявила, что больному становится лучше и он выздоровеет. В тот момент, если посмотреть на удаганку повнимательней, то не трудно было бы заметить разительные изменения, произошедшие с ней. В левой половине разделенной на две части волос Лесной Девы можно было различить седую прядь в два пальца шириной, тень очень глубокой усталости на бледном лице и одновременно выражение безмерного удовлетворения сотворенным, но... восхищенным и удивленным от радостного известия и оттого очень возбужденным родственникам Ньюкуса было не до того, чтобы разглядывать лицо удаганки. Отодвинув руку жены Ньюкуса, протягивающую довольно увесистый конверт, она кивком головы попрощалась со всеми и вышла прочь.

Разве они могли знать из каких бедственных мест вытащила их отца эта женщина и что взамен она отдала. И не могли даже догадаться, чем обязан их отец перед этой женщиной. Нет, конечно и вряд ли когда-либо узнают...

Придя в себя, Николай Саввич оглянулся вокруг. Увидел радостную жену. Почувствовав огромное облегчение понял, что хочет пить. Очень удивился, что все конечности, которые давно отказали ожили и ими можно было двигать без боли. Бурное восхищение окружающих вызвало зарубцевавшиеся глубокие, незаживающие язвы-пролежни на крестце, пятках, на спине, на локтях. Жена рассказала, что приходила удаганка и лечила его. Затем, помогла мужу приподняться до полусидячего положения и напоила теплой водой, если раньше он не мог глотать, попрехивался, то на этот раз пол стакана выпил без проблем. Лежа на спине он начал разрабатывать пальцы кистей и вдруг на мизинце левой руки заметил тальниковое кольцо, сплетенное когда-то им самим, сердце его забилось быстрее, а когда он поспешно вытащил кольцо и окончательно убедился, что это его изделие, ему стало страшно. Он понял, наконец, из рассказа

жены кто приходила, лечила и спасла его от смерти. В тот же миг перед его глазами пронеслись те счастливые мгновения тридцатилетней давности, затем их застлали ужасные картины происшествия на делянке. Из его закрытых глаз побежали запоздалые слезы сожаления и отчаяния. Grimаса безмерного раскаяния исказила его трусливое лицо. Он дал себе зарок, что если ему станет лучше, то обязательно найдет и встретится со своей Ньюкку. Вскоре после этого, дела круто пошли на улучшение, больной стал кушать, окреп, потихоньку встал и стал ходить. А через месяц пошел в больницу, прошел обследование, а оторопевшие от неожиданности врачи не поверили своим глазам.

Как раз в этот момент, удаганка Лесная Дева умерла от страшной, неизлечимой болезни легких. Над божественной девственной глухой тайгой пронесся протяжный вой матерой волчицы. Многие этот вой услышали наяву...

*Перевод с якутского
Петра Тумусова*

Ольга ЯНЦЕН

”Сердце северного края Бьется мерно, как во сне...”

Я в размолвке с сиреневым летом,
За настырную белую ночь,
Что мешает свиданью с Поэтом,
С тем, который сумел бы помочь.

Только тени боятся июня
В наших северных скромных краях,
Я со светом из окон воюю,
Плотных штор увеличив размах.

Но искусственный мрак не обманет:
Мой спаситель не сядет в углу,
Сигарету свою не достанет,
Не добавит мне перьев к крылу.

Как в июне скучаю по Тени,
По беседам его по душам,
Он всегда добавляет мне звенья
К строчкам жизни, подобно годам.

Несомненно, я к августу с летом
Помирюсь, успокоюсь, дождусь
Дорогого свиданья с Поэтом,
А пока всё со светом борюсь.

Зеленеет стремительно роца,
Свой короткий предчувствуя срок,
Только-только расклеились почки,
А сегодня – с монетку листок.

Зимних дней продолжительный прочерк
Словно ластиком хочет стереть,
Трепыханьем зелёных сорочек
Разбудить, закрыть, обогреть.

Надо мне у берёз поучиться,
Как в последние дни, просто жить,
Никогда на вчера не коситься,
И на завтра себя не копить.

Потому что зима, как обычно,
Не спросившись, взойдёт на крыльцо.
И прохладной рукой, лаконично,
Жизни строчка замкнётся в кольцо.

ОЛЬГА ЯНЦЕН. “СЕРДЦЕ СЕВЕРНОГО КРАЯ БЬЕТСЯ МЕРНО, КАК ВО СНЕ...”

Как эскадрон гусар летучих,
Умчался в небыль прошлый век,
Но он остался, многозвучен,
Как сотни ручейков и рек.
В страницах книг, на нотных станах,
На барельефах и холстах,
Ах, этот век, маняще странный,
Весь в каруселях и крестах.
Он – умирающего стоны,
И новорожденного крик.
Менял он флаги и погоны,
Как будто жил под черновик.
Под ним хрустели, рвались души,
Над ним всюду цвели сады,
Ах, Век серебряный, радушный,
О, век смятений и вражды!

Из завершенного когда-нибудь вчера
Влетаем в неоконченное завтра.
Как жизнь неотвратима и мудра,
Изменчива в рассветах и ландшафтах.
Она даёт по глотку, чуть-чуть,
Чтобы напиться вдоволь не успели,
Чтобы хотелось в завтра заглянуть,
Чтобы смеялись, плакали и пели.
Как терпелива и упорна как!
Всё учит: горем, счастьем, добротой,
Порой подсунув, как простой пустяк
Нам судьбоносное, заглавное, большое.
Как жизнь прекрасна. И не надо знать
Её размеры, долготу, загибы,
Давайте пить, и по чуть-чуть глотать,
Делиться ею, угощать любимых.

Перелистываем дни,
Будто ветер треплет листья,
Город тусклые огни
Нацепил как связку бус.
В шуме будничной возни
Оттолкнув пустые мысли,

С плеч моих, как пыль, страхни
Нагороженного груз.
Мишурой украсим пни,
Оживляя неживое.
Перелистываем дни
Сиротливости своей.
Перелистываем дни.
Всё пустое. Всё – пустое!
Осмотришь и оглянись,
И неважное отсей.
Перелистываем дни,
Будто ветер треплет листья.
Скоро, скоро листопад
Заведёт прощальный вальс.
Перелистываем дни,
Забываем руки, лица,
И друзей нестройный ряд
Удаляется от нас.

Нам с тобою пели серенады
В трубах заплутавшие ветра.
Мы с тобою выросли однажды,
Вдруг поняв, что вырасти пора.
Юный май стал обходить сторонкой,
Донося лишь запах бурных гроз,
Выросли, а все же невдомёк нам,
Кто кого однажды перерос.
Разошлись тропинки, и не скрестишь,
Да и нет нужды сводить опять.
Юный май был самым чистым, светлым,
Но его не надо повторять.
И июль, и август, и декабрь –
Каждый сам хорош, как никогда,
Только хочется так, иногда хотя бы,
Заглянуть в проплывшие года.

Март

Серый март с колючими ветрами –
Шумный призрак крыш и ржавых труб,
Гололёдными скрипучими утрами
По-особенному с человеком груб.

Вдоль обледенелых тротуаров
День скользит к закату костру.
Каблуков нестройные удары
Эхом раздаются по двору.

До апреля пара километров
Солнца неразмотанных лучей.
Пережить бы призрачные ветры,
Не позволив погасить свечей.

Над Туймадою туманы
Белым кутают дома:
Как же ты опять нежданна,
Седовласая Зима!
Тускло рдеют фонарями
В пышном инее мосты.
Меж высокими холмами
Жизнь течёт без суеты.
Сердце северного края
Бьётся мерно, как во сне.
За зарей закат сгорает,
Тихо двигаясь к весне.

Октябрь

Рассвет сангинной полосой
Очерчен бледно.
Горелки лотос голубой,
Парок кофейный,
Слегка затёртый, меловой
Пейзаж унылый,
Готовясь к пляске снеговой
Дышу вполсилы.
И сонный день, и тихий шаг,
И солнце ниже.
Мелками на асфальте – так
Октябрь вижу.

Звёзды с неба тихо падают
Как роса в седой ковыль.
Мы себе так много задали,
Что забыли слово штиль.
Мы живём с тобой без продыха,
Ловим день за скользкий хвост,
Он сгорает в алом сполохе,
Рассыпаясь горстью звёзд.
Мы с тобой забыли радости
Мирных, тихих вечеров,
Леденцовой липкой сладостью
Заменили сладость слов.
Реже мы соприкасаемся,
Между нами, широка,
Недотрогой расстилается
Дней не пойманных река.
Звёзды с неба тихо падают
Как роса в седой ковыль,
Как ковыль, седыми станем мы,
Не поняв, что значит быть.

ОЛЬГА ЯНЦЕН. "СЕРДЦЕ СЕВЕРНОГО КРАЯ БЬЕТСЯ МЕРНО, КАК ВО СНЕ..."

Саргылана НОЕВА,
кандидат филологических наук,
член Союза писателей РС(Я)

ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА в романах В.С. Яковлева–Далана и этапы эволюции романного героя

В контексте геопозитического дискурса романы В.С. Яковлева–Далана привлекают внимание исследователя в связи с актуализацией нескольких интереснейших аспектов, касающихся раскрытия этнопоэтического сознания в национальном пространстве – а именно, в текстах Далана впервые в якутской прозе воспроизводится локальный мифологический компонент, обеспечивший расширение ареала ментальной аутентичности¹. Во-первых, в прозе В.С. Яковлева наблюдается качественно новая тенденция к интерпретации концепта земли – создается специфический ментальный нарратив, раскрывающий древний облик территории Тыгына, мифологической земли предков на

1 Митин И.И. Комплексные географические характеристики: множественные реальности мест и семиозис пространственных мифов. Смоленск: Ойкумена, 2004; Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. Т.9, № 3. 2010.

Туймаде и ее окрестностях. В отличие от геотопики Болот Боотура геокультурные образы в романах Далана получают актуализацию в новом тексте – адаптируясь к генерируемому мифопоэтическому пространству, – в обновленной авторской интерпретации, где обнаруживаются такие маркеры как активизация мифопоэтического мышления, ориентация на миф, обращение к архетипическому фонду. Как отмечают исследователи, в этот сложный общественный период «Возросшая роль личностного начала определила актуализацию новых форм романного мышления»². Данная системная трансформация, ориентированная в основном на фольклорно-мифологические источники, была обусловлена в основном переориентацией всей системы жизни в 1990-х годах.

Во-вторых, точка зрения человека ищущего, открывающего мир в новых географических координатах, становится тем художественным ориентиром, которым руководствовался писатель.
2 Ойунская С.П., Бурцев Д.Т., Мыреева А.Н., Васильева Д.Е. Современная проза // Литература Якутии. XX век. Якутск: ИГИ АН РС (Я). 2005. - С. 403.

тель, стремившийся к реконструкции локального мифа. Здесь уместно высказывание Д.Н. Замятина, который отмечает, что концепт путешествия есть классически географический (и уникальный) образ, в котором в отличие от других образов есть механизмы осмысления пространства, есть свой «двигатель»³. Человек, создавший центр в пределах своего ментального поля, становится осью вселенной, сконцентрировав вокруг себя весь окружающий мир, спектральные координаты некогда неосвоенного никем, пустого, хаотичного пространства.

Если романский герой произведений 1960–1970-х годов все же оставался в определенной степени ограниченным, замкнутым в своем бытовом, вещном мире, его пространственный ареал в основном был локализован, время произведений предельно строго разворачивалось по законам исторической детерминации, а путь персонажа характеризовался только односторонним направлением, то в пограничной ситуации конца XX века открытием нового, неведомого дотоле мира, расширением культурных горизонтов, границ сознания отметилось рождение романа В.С. Яковлева-Далана «Тулаайах оҕо» («Глухой Виллюй», 1983), который нарушил сложившиеся литературные стереотипы и определил дальнейшее направление развития якутской романистики.

Интересные примеры создания сложной морфологии отношений человека и мира дает анализ романов «Глухой Виллюй» (1983), «Тыгын Дархан» (1993), где концепт земли играет существенную роль в сюжетообразовании, типизации и выражении авторской идейно-эстетической концепции. Данные романы – есть произведения реформаторского характера, раскрывающие психо-ментальные особенности народного сознания. Посредством воссоздания пространственно-временной картины героической эпохи Тыгын Дархана, атмосферы XVI-XVII вв., писателем выстроено особое ментальное поле эпохи, выявлены этнопсихологические характеристики народа саха.

³ Замятин Д.Н. Образы путешествий как социальное освоение пространства [Электронный ресурс]. URL:<http://Pandia.ru/text/77/312/33515.php> (дата обращения 01.11.2015)

Особый интерес к пространству и углубление во времени наблюдается в романе «Глухой Виллюй», в котором впервые в якутской литературе была воссоздана эпоха Тыгын Дархана. В романе воспроизводится генетическая память народа, послужившая основой для реконструкции пространственно-временного комплекса эпохи. История родов (биис уус, аба ууһа) туматов, тон биис, дьырикинэй, чаабыгыр, саамай, майаат, хоро и т.д. в том числе и саха-уранхайцев, проектируется через образ родоначальника Тыгын Дархана, образа, выполняющего ключевую, символическую функцию в романном пространстве. Модификации пространственных территорий в романе, такие как заполнение земельного пространства в результате завоевания территории боотурами Тыгын Дархана, и с другой стороны, обратная сторона процесса освоения земли – опустошение этого пространства (уничтожение, умерщвление) – составляют вечные оппозиции, противостояние «войны» и «мира», «жизни» и «смерти», «добра» и «зла». «Пустота» как пространственная категория рассматривается писателем на уровне онтологической проблемы. В исторических романах, в отличие от предыдущих историко-революционных, модель «человек и история» претерпевает модификацию и предстает в более усложненной конфигурации как «народ и мир».

Как отмечают исследователи, в современной литературе все больше новое значение обретает категория «романного мышления», трактуемая как «жанрово-стилевое единство, устремленное к познанию целостности мира»⁴. Как маркер данного явления в современных художественных системах обнаруживается активизация мифопоэтического мышления, ориентация на миф, прослеживается обращение к архетипическому фонду.

В текстах, ориентированных на мифологические источники, воссоздается подлинно мифопоэтическое пространство, занимающее оппозиционное положение по отношению к

⁴ Белая Г.А. К проблеме романного мышления // Советский роман: Новаторство. Поэтика. Типология. М.: Наука, 1978. – С. 197.

отпадающим и технизированным образам пространства: «Это новое “завоевание” или, точнее, усвоение себе, обживание, одухотворение пространства совершается в разных направлениях и разными способами. Среди них – создание новых мифологем о пространстве, которые иногда становятся лейтмотивом целых текстов и “разыгрываются” не только на уровне образов и идей, но и на собственном языковом уровне»⁵.

В творчестве романиста, поставившего целью раскрытие широкого панорамного обзора истории, воссоздание культурно-этнографических, религиозных аспектов жизни народа, впервые в якутской литературе получает функционирование особый геокультурный комплекс, который основан на мифопоэтических представлениях народа саха. Так, широко распространенный дуализм, взаимодействие бинарных структур старого – нового, своего – чужого, узкого – широкого, слабого – сильного, далекого – близкого, большого – малого, добра – зла и т.д. обуславливает парадигму развертывания коллизий внутри романов. Конфликт сознаний, включающий данные антагонистические позиции, обозначает разрушение, кризис одной идеи в противовес другой. Столкновение различных мировоззренческих установок, понятий между народами, когда один народ не может принять модель жизни другого народа, порождает между ними вражду (хаос в пространстве).

Геопоэтический дискурс в романах может быть рассмотрен в раскрытии нескольких концептов, имеющих непосредственное значение в эволюционном развитии героя: «дороги», «пути», «расширения» и «поиска». Особое значение обретает в романе гносеологический принцип освоения пространства: то есть способ познания природного внешнего мира аналогичен познанию своего внутреннего мира. В связи с этим писателем в контексте всей идейной концепции романа правомерно использован мотив освоения земли, нового пространства, а значит, раскрытие новых горизонтов в познании человека.

⁵ Топоров В.Н. Пространство и текст // Из работ московского семиотического круга. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 501.

Динамика реализуется во всей системе романного поля. Так, концепт дороги проецирует все сюжетное целое произведения. Наблюдается целый набор обозначений дальнего пути с различными семантическими оттенками: тибилгэн аартык – харалбан суол – омоон ыллык:

«Абыс уон абыс араллааннаах арахсыылаах, адырбаннаах аараан аартык хотун! Тобус уон тобус тобуоруйар тобойдоох дорбуон Суол Хаан Ийэ!» («Ой ты, госпожа-дорога дальняя, бугристая и ухабистая, восьмидесяти восьмидесяти неведомых разлук и встреч на тебе не обойти, не объехать! Ой ты, матушка-дорога торная, девяностая извилин твоих происшествий и приключений не твоих изгибах крутых не избежать, не миновать!») (пер. – А. Шапошникова).

Можно предположить, что особая разработанность описания концепта дороги имеет художественную основу, связанную с мифопоэтикой олонхо. Дорога Даганчи по следам «хааннаах илкээни» (кровавой метки), которая пролегает по реке Тюнкэтэх; дорога по водным просторам берестяной лодки Ньырбачаан; дороги, где идет тяжелой подступью лошадь Тыгын Дархана в военных походах во времена Улуу Добдурга (время осенних военных походов), – это все варианты дороги, которые были выбраны героями романов.

Дорога (Суол Хаан Ийэ) выполняет двоякую функцию в архетипике произведений:

это дорога Жизни – верное направление к спасению для вынужденных к бегству шамана Кээрэкээн, Туога Баатыра, девочки Ньырбачаан и др.,

это дорога Смерти для тех, к кому едут боотуры Тыгын Дархана:

Эмиэ эрэй-буруй энэрдээх, сордоох-муннаах Суол Хаан Ийэни тутар күннэрэ кэллэбэ дуо?⁶

В аспекте рассматриваемой темы весьма любопытно развертывание концепта дороги касательно сюжета о смерти и бессмертии. Вертикально направленная дорога как инвариант пути сакрального значения имеет в романе особую смысловую нагрузку. Старик Бакамда,

⁶ Яковлев В.С.-Далан. Тыгын Дархан. Якутск: Бичик, 1993. – С. 150.

как истинный сын народа тумат, выбирает на первый взгляд страшный способ, чтобы отправиться в страну своих предков (өбүгэ дойдута): внук Даганча должен вонзить копье в его сердце и сжечь останки любимого деда. Вертикальной проекцией здесь явилась Дорога в небо, куда устремляется священный дым от тела Бакамды:

«Тууспан кутаа тииттэр чыпчаалларыгар диэри харбаспыта, бэрт сотору Бакамдаттан, кини аранаһыттан туох да хаалбакка, өрүкүйэр буруо буолан үөһэ көппүтэ, өбүгэлэрин дойдутугар барбыта»⁷ (“Вскоре ни от помоста, ни от Бакамды ничего не осталось, все превратилось в сизый летящий дым – старик отправился к предкам”) (пер. – Л. Либединская).

Страна предков для старика Бакамды представляется солнечной теплой страной:

«Бакамда өбүгэлэрин дойдуларын тобо эрэ күн аннын диэки баар, сып-сырылас тыаллаах, уйаара-кэйээрэ биллибэт киэн тунаар дойду диэн өйүгэр онорон көрөрө»⁸ («Страну Предков, куда ему предстояло отправиться, дед Бакамда представлял себе солнечной, просторной, бескрайней землей, где всегда дуют теплые-теплые ветры») (пер. – Л. Либединская).

Установленный в священной долине Туймаада арангас (подвешенное на дереве наземное захоронение) Мунньан Дархана, который отправился в страну предков Ытык Үтүгэн, так же есть образ вертикальной дороги:

“Былыыр-былыр Саха Ураанхайдар бу дойдуну булалларыгар түспүт, олохсуйбут Тобой Тумулларыгар өбүгэлэрин уңуохтарын таһыгар улахан киһи уунан тиийбэт гына абыс атахтаах арангас охсубуттара”⁹. (“На мысу Тойон Тумус, где в глубокой древности впервые соорудили жильё предки уранхаев-саха, рядом с могилами пращуров был срублен лабаз и установлен на восьми высоких столбах, дабы был он недосыгаем для рук человеческих”)¹⁰.

7 Яковлев В.С. Тулаайах оҕо: роман. Якутск: Як. Книж. Изд-во, 1983. – С. 30.

8 Там же. – С. 29.

9 Яковлев В.С.-Далан. Тыгын Дархан. Якутск: Бичик, 1993. – С. 131.

10 Яковлев В.С.-Далан. Тыгын Дархан. Якутск, 1994. С. 116.

Другой вариацией вертикальной дороги явилось поднятие духа удаганки Тыасааны в дьабын (в небо, небытие), которая, не смирившись с радикальными жизненными принципами отца-завоевателя Тыгын Дархана, посредством шаманских заклинаний верхом на шаманском матери-звере Кэй Тугут Кыыл устремляется в небо. Дьабын представляется удаганке как прекрасная солнечная страна:

«Мин манна аны тардыллыбаппын – ханнык дабаны хара мэн сыстыбатах, тахсан эрэр күн күлүмүн, киирэн эрэр күн килбиэнин курдук ыраас-килбиэн сарданалаах сана кирбиигэ – сырдык ырас Дьабыммар көтөбүн»¹¹. (“Здесь меня не держит ничто, и я улетаю в беспорочно чистый, сияющий, как рассветное солнце, и блистающий, как закатное солнце, светлый мир – в страну Джабын”) (пер. – А. Шапошникова)¹².

В этой связи особенно интересно наблюдать за характером коммуникации героя с романной средой, также эволюцией читательской рецепции по отношению к странствующему герою романа. В разные литературные периоды степень восприятия так называемого „героя пути“ сильно варьируется. Так, в оценке героя якутских романов 60-70-х гг. XX века (Тумара Григорий у Болот Боотура, Хабырыыс у И. Гоголева, Маппыр Бадаев у Л. Попова, Сылгыһыт Сүөдэр, купец Н. Тырынкаев у Н. Якутского, Томмот Чычахов, Валерий Аргылов у Софр. Данилова и др.) в основном доминирует читательское мнение как о персонаже „со слабой жизненной потенцией“ – он всегда посторонний / чужой / одинокий / странный / бесхарактерный / слабый / бездомный / неимущий / сомневающийся и прочее. И наоборот, „странствующие“ персонажи якутских романов конца XX в.-XXI в., такие как Ньырбачаан, Даганча, Тыгын Дархан (Далан), Кыраһа, Фома Богомол, Манчаары (Кындыл), Алампа (Неймохов), девочка Аана (Маисов) и др. вносят в художественную ткань произведения особую динамику, их благие устремления, которые всегда импонируют современному читателю, являются основной движущей силой в сюжете романа.

Новая модель освоения пространства, использованная В.С. Яковлевым-Даланом, отчет-

11 Там же. – С.456.

12 Яковлев В.С.-Далан. Тыгын Дархан. Якутск, 1994. – С. 390.

ливо прослеживается в пути-переходе главной героини Ньырбачаан от романа «Глухой Вилюй» к роману «Тыгын Дархан». Девочку Ньырбачаан, героиню закрытой реальности (сироту из Глухого Вилюя), ведет путь, горизонтальная ось, представленная архетипом реки Лены, связывающая периферийный мир Глухого Вилюя и центральное (открытое) великой Туймаады. Однако, если Ньырбачаан представляется персонажем, освоившим лишь географический мир, то еще наибольшей способностью преодоления пространственно-временных границ обладает другая героиня романа «Тыгын Дархан», удаганка Тыасааны, которая имеет возможность видеть и прошлое, и будущее время. Вызов души с Небытия-Кыраман, разговор с духом умершего брата и пр., вознесение в дьабын, которые повествуются наиболее колоритно, подчеркивают амбивалентность ее фигуры среди прочих персонажей романа. Глубинное видение сквозь вековые дали, масштабность пространственного восприятия – такие признаки освоения мира прежде всего показаны и в отношении образов шамана Одуну, Люксюрээни. Данным образом доступно сакральное пространство, что подчеркивает их особый статус в романном пространстве.

В отличие от Тыасааны, Бакамды, шамана Одуну, которым подвластно освоение вертикально направленного пути, Ньырбачаан, Даганча, Туога Баатыр, Тыгын Дархан – герои пути, линейного, горизонтального пространства. Динамичность – основное качество героя Далана. «Кини осхордоох-онгуллаах Орто Аан Ийэ дойдуну үһаты-туора сыыйбахтыа турдаба, киэн сирдэри тилэбинэн тэнитиз, айдам аартыктары атабынан аймыа буоллаба»¹³. Ареал главного героя значительно расширен: его путь является основной проекцией в воссоздании художественной модели романов.

Особая «сгущенность» пространства и времени в романе определяет специфичное энергетическое состояние данных героев. Насыщенность событий в пути определяет их внутреннюю потенцию. И потому стремление автора к мас-

13 Яковлев В.С.-Далан. Тулаайах оҕо: роман. Якутск: Як. Книж. изд-во, 1983. — С. 31.

штабности охвата жизни героев обуславливает развертывание романа по острой событийной схеме, ритм повествования ускорен. Лошадь, олень, лодка усиливают статус героя, открывающего пространство:

«Саха ураахайдар төгүрүк туйахтаах кыылларын мииннэхтэринэ туох да тулуспат хоһууттарыгар кубулуйаллара».

Герои Далана воспринимаются нами как герои, освоившие мир, время и пространство, и в процессе этого пути получившие духовное обновление, самоутверждение. По отношению к ним применимо замечание В.Н. Топорова, что «... достижение цели субъектом пути всегда влечет за собой повышение ранга в социально-мифологическом или сакральном статусе»¹⁴.

И потому «расширение» как одна из значительных качеств концепта земли выполняет одну из координирующих ролей в романе. Встречаются примеры многочисленного использования понятий, обозначающих раскрытие пространства, которые красочно описывают земельный рельеф, географические ландшафты осваиваемых земель, что, несомненно, отсылает к поэтике олонхо, где безграничность пространства является одним из характерных черт хронотопа:

Кинкиниир киэн халлаан кэтит киэлитэ кэнээбитэ, киэркэйбитэ, унаар-тунаар орто дойдуну үһүүрга, тэнийэргэ дылы буолбута;

Киэн-налыы сыһыылаах, киэн-куон, кэтит-дэлэй, уйаара-кэйээрэ биллибэт, устата-туората кэмнэммэт Улуу Маҕан Дуол нэлэһийэн сытара;

Улуу Маҕан Дуол сайын, күөх торбону тэнитэ тарпыт курдук (...) Айгыр Силик Айылба бараксан төрдө-төбөтө көстүбэт, үһүгэ-үһүоргута биллибэт өлбөт-сүппэт УлууЭргириин толоро ол онно көнү түспүттэрэ;

Бараммат-хороммот Баай Хара Тыа Киэн Кэллээмэ эбэ хотун диэри тэничи тардыллан сытара;

Арай биирдэ киэһэлик Даганча букатын да күүппэккэ истэбинэ, биир тобойу эргийэ түһэрин кытта иннигэр өрүс кэтит иэнэ арыллан нэ-

14 Топоров В.Н. Пространство и текст // Из работ московского семиотического круга. — М.: Языки русской культуры, 1997. — С. 258.

лэс гыммыта – ыраах, унгуоргу кытыы тииттэрэ кырылаһан көстүбүттэрэ;

Даганча иннигэр дыкти көстүү нэлэс гыммыта: туруору таас сынаһа анныгар киэн көнө кытыл өрүһү кырыһа тардыллыбыта, онно таас эркинтэн тэйиччи, ох саа оноһоһо кыайан ылбат сиригэр бэрт үгүс буор холомолор бачыгыраһан ололоро;

Халдыаайы тииттэр иннэс гынан силэллэргэ дылы гыммытара, унаара-мэнээрэ биллибэт улуу сыһыы нэлэһийэн көстүбүтэ;

Ол көрдөбүнэ бииртэн биир дыкти көстүү арыллан нэлэһийбитэ: сааскы тумарык быһынан ырыых-ыраах сиртэн сир арыллан, дыаангыттан дыаангылар дыапталлан, үрэхтэн үрэхтэр үөскээн мунгура-уһуга биллибэттик энсиллэн-энээттэн, чуораадыһан-тунааран собуруу, күн аннын диэки, түһэн бара турбуттара; и др.

Как видно из примеров, ассоциативный ряд концепта «расширения» обогащается такими характеристиками пространства: далекий – широкий – высокий – светлый – прямой – бесконечность – бескрайность – открытость – свобода, вступающие в прямую аналогию с мотивациями главных романских героев – что, в конце концов, полностью совпадает и с художественными интенциями писателя-романиста, и с эстетическими ожиданиями реципиента-читателя.

Расширение сознания на новом уровне отмечается в момент духовного, нравственного обогащения человека, как это было отмечено автором:

„балабаннарын түөрт эркиннэрэ нэлэс гына аһылла биэрбиттэрэ – дыэлээхтэр атын сиргэ, туспа дойдуга баар буолбуттара, өйдөнөн кэлбиттэрэ, тула көрүммүттэрэ“ („и вдруг как будто раскрылись стены их балагана – жильцы очутились в другом мире, стали оглядываться по сторонам“) (пер. наш – Н.С.).

Мотив освоения пространства примыкает к энергетически сильным образам, родоначальникам народа саха – Тюсюлгэ Дархана, его сына Мунньан Дархана, а также их преемника, легендарного Тыгын Дархана, способным изменить мир, воплощающим в себе ролевые функции

культурных первогероев. Они стремятся заполнить даже самые отдаленные, труднодоступные чужие земли с целью расширения своих территорий. Номинации персонажей как Тюсюлгэ, Мунньан имеет определенную семантическую нагрузку, и наиболее полно определяет функцию «осваивающего земли» героя. Наричания «Тюсюлгэ», «Мунньан» относятся к ассоциативному ряду значений слова «собирать» («мус», «мунньар» – собирать, накапливать, объединять).

Земля также выступает в качестве главного объекта в аксиологическом спектре понятий их преемника Тыгын Дархана. И именно поэтому становится весьма логичной писательская стилистика В.С. Яковлева-Далана: внимательное выстраивание сложного ландшафтного рельефа земли, точное, почти картографическое воспроизведение его географических координат, высокохудожественное отражение всего природно-растительного орнамента, и конечно же четкая передача спектра конкретно-чувственного восприятия осваивающего пространства человека.

Так, в контексте геокультурного ландшафта в романе кодовым значением наделяется понятие «ойдуо», «время ойдуо»:

«Ойдуо! Ойдуо! Биһиги кэллибит! Ким баарый! Хаһытаан! - ойдуо! Ойдуо! Бу сири биһиги ыллыбыт! Ойдуо! Ойдуо! Дьон баар буоллаххытына хардарын! Ким да суох буоллабына биһиги олохсуйабыт! Ойдуо! Ойдуо!»¹⁵. («Ойдуо! Ойдуо! Мы пришли! Если есть люди, ответьте! Если никого нет, мы остаемся здесь! Ойдуо! Ойдуо! Ойдуо! Мы пришли, теперь это наша земля! Ойдуо! Ойдуо!») (пер. – Л. Либединская).

Ойдуо – обряд, который должен был совершить вновь прибывший на землю человек. Возбравшись на скалу или на дерево, он громко возвещал о своем приходе. В те далекие времена человеческий голос разносился вокруг на три версты. Если поблизости находились люди, поселившиеся раньше, то они отзывались, это было знаком того, что территория занята.

Особым значением наделен архетип дивной,

15 Яковлев В.С.– Далан. Тулаайах оҕо: роман. – Якутск: Як. Книж. Изд-во, 1983. – С. 89.

желанной земли, каким представляется Глухой Вилюй, Жирный Вилюй (Бүтэй Бүлүү, Сяа Бүлүү, Хоргун Бүлүү) для осваивающих его людей, рода Туога Баатыра, также сыновьям Ньырбачаана. В этом же аспекте стоит обратить внимание на включение в романский хронотоп описания топосов, наделенных свойствами фантазмагорического, чудесного мира: это «тиигээн» (местности, наиболее удобной для охоты), «өйүмү» (полюнья – когда от сильных ветров трескаются и сдвигаются ледяные поля, образуются большие ледяные щели, в которых водится много рыбы).

Итак, для поэтики произведений характерно построение специфического хронотопа, рассматриваемого на новом гносеологическом уровне. Обживание новой святой территории можно интерпретировать не только как средство создания новой реальности для жизни – переселение в Глухой Вилюй клана (ажа ууһа) Туога Баатыра, вступление людей в совершенно новый для них тип устройства жизни означает включение их сознания на качественно другой уровень. И в свою очередь логически обусловлено появление героя «познающего», каким является Ньырбачаан, Тыасааны, Туога Баатыр, Тыгын Дархан. Абсолютным критерием в миропонимании данного героя является отношение к земле. Земля понимается им не только как пространство обживания, но и как центр человеческой экзистенции, модель олицетворенного космоса, сущности человека:

- для Туога Баатыра, переселившегося в Вилюй:

„Кимтэн да тутулуга суох, бэйэ баһын биллинэр, миэнэ диир сирдээбэ-уоттааба олус да үчүгэй“; „Олохсуйбут, эккиттэн-хаангыттан быстан түспүт сир диэн итинник күндү буоллаба. Бу дойдуну хаһан мин ити курдук таптыамый?“ („Как же хорошо иметь свою землю, в которой можно зажить свободно, ни от кого не завися“, „вот что значит жить на собственном дорогом сердцу краю. Когда же я смогу полюбить эту землю так же сильно?“) (пер. наш – Н.С.);

для Тыгын Дархана, стремящегося создать единое государство Ил:

„Оччоҕо саха тыллаах тарбанан олорор абаларын-ийэлэрин уустарын түөрт уон түөрт

түллэр түбэлэрин икки ардыгар сибилегин бу кинилэр курдук уонунан сэптээх-сэбиргэллээх боотур дьон харабыллаах эрэ сылдыар онойо оспут ыллыктар оннуларыгар харалбан айан суоллара – айдам аартыктар арыллыахтара этэ, ким даҕаны куттаммакка тардыммакка, улуу уустар икки ардыларыгар тиэстиэ этэ“¹⁶ („Какими бы прямыми торными дорогами заменились бы тогда путаные, заросшие быльем тропинки меж сорока четырех урочищ, ставших гнездилищами многих уранхайских отцовских и материнских родов!“) (пер. – А. Шапошникова)¹⁷.

И наконец, раскрывается глубинный смысл романного текста: в аспекте рассматриваемой проблемы земли координирующее значение в романе обретает концепт поиска – себя, места в мире, смысла бытия, поиска компромиссов. В связи с перемещением в пространстве, переселением героев происходит пересмотр мировоззренческой основы новой реалии, «пространства жизни». Остро ставится проблема потери традиционных ориентиров на старой территории, большое место занимают размышления о мире, утратившем свою целостность, судьбе человека, племени, народа в целом. Автором высказывается мысль, что отчуждение от корней, потеря своей идентичности приводит к оторванности человека от всего мира, тотальному одиночеству.

Парадигма понятий, возникшая в процессе самоидентификации человека, оторванного от корней, усложняется: обостряется реакция человека на мир, усиливаются его ощущения, идет попытка самоопределения в иерархии мира. В появлении желания жить, стимула к динамике (пути), поиска своего «Я», расширении его возможностей, самоидентификации отчетливо отражается эволюция героя, держащего путь из периферии к центру.

Таким образом, к категории «ищущий герой» / «познающий герой», стремящемуся к преодолению географических, физических преград, экзистенциальных границ, относятся боль-

¹⁶ Яковлев В.С.-Далан. Тыгын Дархан. Якутск: Бичик, 1993. – С. 395.

¹⁷ Яковлев В.С.-Далан. Тыгын Дархан. Якутск, 1994. – С. 339.

	Свойство и типы пространства	Герой	Средство передвижения
Дорога	Горизонтальное направление – река, леса, тайга, аласы	Даганча Ньырбачаан	Дулун берестяная лодка
	вертикальное направление – дорога в небо	Тумат Бакамда Муннъан Дархан Одуну Ойуун Тыасааны удаганка Лүксүрээни	дым (сжигание как тип захоронения у туматов) арангас (воздушное захоронение) шаманское камлание, бубен как лошадь шамана
Путь	Бегство	Ньырбачаан, Туога баатыр, Үрүг Үйэн и Батас	лодка, лошади
	Преследование	Тыгын Дархан, Даганча, боотуры	дүлүн, лошадь
	Путь домой	Ньырбачаан с сыновьями	лошади
	Шаманский путь – путь к божествам айыи или абаасы во время камлания; путь в дьябын, небытие	Лүксүрээни, Одуну, кээрэкээн, Тыасааны	шаманский бубен шаманский мать-зверь Кэй Тугут Кыыл
	Путь в страну предков	Бакамда, Муннъан Дархан	сжигание или установление арангас как способы проводов в страну предков
Расширение	раскрытие географического пространства раскрытие сознания	Ньырбачаан, Даганча, Туога баатыр, Тыгын Дархан	
Поиск	дороги ориентиров себя (Я) экзистенциальных вопросов жизни, смерти, мира, войны, смысла бытия	Ньырбачаан Даганча Батас уол Туога Баатыр Тыасааны Тыгын Дархан	

САРГЫЛАНА НОЕВА. ОСНОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В РОМАНАХ В.С. ЯКОВЛЕВА–ДАЛАН И ЭТАПЫ ЭВОЛЮЦИИ РОМАННОГО ГЕРОЯ

шинство персонажей романов Далана: это Ньыр-бачаан, Дабанча, Туога Баатыр, Батас, удаганка Тыаһааны, Одуну Ойуун, Тыгын Дархан и др.

Специфика пространственно-временного структурирования (хронотоп) в романах «Глухой Вилюй», «Тыгын Дархан» В. Яковлева-Далана наиболее ярко передает состояние жизни людей, связанное с глубочайшим разломом в истории народов, а именно в «век кыргыса». При воссоздании сгущенной, тяжелой атмосферы века кыргыса в историческом романе выбран особый темпоритм, передающий своеобразие мировоззрения, дух эпохи. При обозначении этого идеализированного мира, сокрытого в генетической памяти народа, можно употребить термин «эпическая эпоха»¹⁸.

Мир, утративший целостность, представлен локализованными, отчужденными и противостоящими друг от друга хронотопами. Это хронотопы туматов, тон биисов, саха и т.д., образующих отдельные по своему темпоритму модели мира. Так, при воссоздании картины жизни туматов автор прибегает к поэтическим средствам, которые раскрывают неравномерный временной ход, неориентированные, хаотичные перемещения объектов по географической местности.

Напротив, совершенно полярный образ мира выстроен при воссоздании жизни биис ууһа саха – рода Туога Батыра (впоследствии основанного род вилюйских саха), түөлбэ Тыгын Дархана (род хангаласских якутов центральной Туймаады), Лөкөй Тойона (биис уус Бэрт Хара) и др. Свойственные данным мирам признаки (собранность людей, последовательность событий, структурированность социальной иерархии, укорененность в одном топосе) свидетельствуют о геоцентрализованном порядке жизни, что позволяет охарактеризовать данный вид хронотопа как организованное пространство.

Сакрализация пространства в национальном мире достигнута актуализацией архетипов, участвующих в идентификации психоментального пласта культуры народа саха. Архетипы, такие,

¹⁸ Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы: Смех как мировоззрение и другие работы. — СПб.: Алетейя, 2001. — С. 532.

как река Лена, великая долина Туймаада, горы Чочур Мыраан, Турук Хайа, Тарагай хайа, озеро Сайсары и пр., представлены в качестве основных пространственных ориентиров. Посредством данных геотопических объектов, заполняющих пространство романа, выстраивается особое семантическое поле произведения. Мифопространство предельно заполнено предметами быта, праздниками, ритуальными обрядами, воинскими походами, часто сменяющимся природным ландшафтом, людьми и мифологизированными образами – божествами, духами (иччи), занимающими особое место в романе и рассматриваемыми как части целого.

Границы романа пролегают в конкретном географическом пространстве, что присуще структурной, жанровой специфике исторического романа. Стоит сразу отметить, что художественная проекция в романах наделена особой панорамностью. Так, в романе названия природных объектов, земельных ландшафтов обозначены всегда с заглавной буквы: Чачыгыр Таас Дьааны, Муус Кудулу Далай, Улуу Манган Дуол, Баай Хара Тыа, Орто Аан Ийэ дойду, Айгыр Силик Айылба, Аламай Манган Күн, Күөх Далай, что подчеркивает особый сакральный статус геопоэтических образов, наполняющих атмосферу романа.

Хтонический образ земли, символизирующей мощь, энергию, пугающе-страшную и в то же завораживающе-прекрасную, разрушительную и созидательную одновременно, прослеживается в описании картины дождя в романе «Глухой Вилюй». Интересна дихотомия образов Неба и Земли, вступающих в союз, когда Даганче, наблюдающему за фантастической картиной ливня, казалось, что земля и небо слились воедино. Рассмотрим на примере из романа:

«Эмискэ тыал түспүтэ. Хам-бааччы турбут титтэр үһүктөөх төбөлөрө иэбээннэн ыһыллан-бураллан ылбыттара, хойуу лабаалар сапсынан барбыттара – түн сис куугунуу, иниэттэ түспүтэ, Баай Хара Тыа иһин түгэбиттэн ынчыктаан, ынгыранан ылбыта. Салгынна хаппыт мутуктар, кур туорахтар көппүттэрэ. Күрүс тыал балаһата сиртэн кураанах сэбирдэхтэри хабан ылан эргичтэн кулахачыппыта.

Былыттар улам харааран, ыаһыран, халлаан ортотугар мустан барбыттар. Күн орто борук-сорук буолбута. Онтон бөдөн таммахтар түһэн тобугураппыттар.

Эмискэ халлааны хайа суруйан, намтаабыт уулаах былыттарга чабылган чабылыбыта. Этин бастаан, кыракый чай таастары лачыгырата ооньуурдуу, уулаах адаархай былыттары аргыйый имэрийтэлээн ылбыта – кыра-кыратык чачыгыраан көрүтэлээн баран тохтотолоон хаалбыта. Онтон эмискэ күүрэн кэлбитэ: күрбэ таастары хайаттан төкүнүтэлээн кэбиспиттии, былыттан былыкка лүһүгүрүү сүүрбүтэ. Бэйэтиттэн бэйэтэ тэптибиттии улааттар-улаатан, халлаантан хайаны сиргэ суулары аспыта аллараа түһэн ыараханлык тэйиэккэлиринии, сир дыгигиһийэр, бары барыта өрүтэ экириии түһүөр диэри диринник, инсэлээхтик лүг-лүг лүгсүйбүтэ.

Этин соруйарын олус улгумнук истибиттии, тутта ардах күүһүрэн ыабаастаах уунан куппута.

Чабылган быыстала суох сандаарара, этин быыстала суох этэрэ. Ардах хойуу ситимин быыһынан чугаастаабы тииттэр күлүктэрэ нэһиилэ барыһан көстөллөрө. Бэрт сотору онкучах сирдэргэ уу халыйбыта, онтон туола охсон таһынан баран эниэ устун будулхай сүүрэн буолан таннары курулаабыта»¹⁹.

«Внезапно ударил ветер. Закачались застывшие до того в неподвижности островерхие листовенницы, замахали густыми своими ветвями-лапами, загудел, зашевелился глухой лес, и глубокий, нутряной стон вырвался из чрева Богатой Черной тайги. Ветер поднял с земли сухие листья, сучки и шишки и завертел их в стремительном вихре. Облака чернели, густели и беспорядочно толпились в самой середине неба. Средь бела дня сумерки опустились на землю. И тут застучали, забарабанили крупные капли. Огненной чертой рассекая небо, в низких, тяжелых облаках, сверкнула молния. Тихо ворча, словно пересыпая речную гальку, прокатился по нагромождению водянистых туч гром и сразу смолк. Но вдруг, напрягшись, он, громохоча, побежал от облака к облаку, и казалось, каменные валуны

19 Яковлев В.С.-Далан. Тулаайах оҕо. – Якутск: Як.кн.изд-во, 1983. – С. 31–32.

покатились вниз со скалы. Гром все нарастал, сам себя возбуждая и потсегивая, он несколько раз громохочнул так низко и жадно, что задрожала земля, все вокруг покачнулось и подпрыгнуло, будто с неба столкнули гору и она тяжело ухнула, ударившись о землю. Подчиняясь приказу владыки-грома, хлынул дождь. Теперь уже молнии сверкали беспрестанно, гром рычал все яростнее, дождь лил все отчаяннее и сквозь его густую сетку еле виднелись силуэты ближайших листовенниц. Вода мгновенно заполнила все рытвины и впадины, она переливалась через край и, превращаясь в мутный поток, прыгая с камня на камень, мчалась по склону скалы») (Пер. с якуз. – Л. Либединская).²⁰

Как известно, священный брак между Небом и Землей, обеспечивающий оплодотворение небесной влагой (семенем), составлял основу жизни и является известным мифом о космогонии²¹.

В романах даны традиционные развернутые описания сторон света. Такие географические топысы, как Туймаада, Чабылыма Чабылытта, Кыыс Тынганы, Кыыс Хаҥа, Кийиит Бэйдингэ, Маҕан Түөллүмэн, Таргылдьыма Эбэ и др., наделяются особыми сакральными свойствами. Основным локусом, центральной географической реалией в романе является түөлбэ (алаас, ураһа, балаган – обжитое, обитаемое пространство якута, олицетворяющее микромир героя).

Образы родного микромира – Туманнаах түөбэ, Вилюя, Великой Туймаады представлены в качестве жизнеутверждающих начал человеческой экзистенции. Центральное место в романном топосе занимает долина Туймаада. С самого начала романного повествования обращается внимание на ее сакральное значение:

«бу бэйэлээх үтүөкэн дойдуга» (на такой прекрасной земле), «манлык бэйэлээх мааны мандардаах бастын сир» (самая наилучшая, прекраснейшая земля), «хайдахтаах дайды хайбаллааба эбитэй диэн харахтаатаахха, туох дойду туйгунай диэн тускулаатаахха» (земля, о которой говорят, что она восхитительна), «сир киэнэ киинэ буолан

20 Там же. – С. 34–35.

21 Элиаде М. Мифы, сновидения, мистерии. – М.: Изд-во «REFL-book», «Ваклер», 1996.

сириэдийбит эбит» (центральная, главная земля).

Роль Axis mundi (мирового дерева, мировой горы)²², аналогичного по своей смысловой нагрузке центру Вселенной, вертикали, выполняют главнейшие в мезокосме саха образы-вертикали: гора Чочур Мыраан, Ленские Столбы, могол ураса Тыгын Дархана, коновязь его боевой лошади Суо Дьягыл Суку Маган, установленная посередине түөлбэ. Образы с вертикально направленным вектором: арангас Мунньан Дархана (арангас – конструкция для погребения, так называемое воздушное захоронение, когда на восьми столбах устанавливается ящик с телом усопшего), и священная гора Хоту Ытык Хайа, где покоятся родоначальники и культурные герои народа саха Элляй и Омогой, также выполняют роль центра.

Таким образом, долина Туймаада обладает всеми маркерами сакрального центра в противоположность Глухому Вилюю, занимающему периферийное положение, который имеет

²² Топоров В.Н. Древо мировое // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. – М.: НИ «Большая Российская энциклопедия», 1998.

свойства далекого, чуждого, темного, неясного, страшного, хаотичного, глухого пространства (Глухой Вилюй, Туманнаах Тюбэ, Тюнкэтэх юрэх).

В контексте бинарной оппозиции «свой / чужой» интересное раскрытие получает антиномия понятий «тонг» (мерзлый) и «ириэнэх» (талый, насыщенный влагой, растаявший). От прикрепленности к определенным координатам пространства (центру или периферии) зависит специфика самоидентификации человека. То есть саха, идентифицирующей свое «Я» с центром, воспринимает людей из периферии Вилюя, Оймьяконья, Верхоянья в качестве чужих, других: он называет их «тонг биис» (мерзлый род). Тогда как он сам характеризует себя как «уу саха», используя такие признаки, как «инчэбэй эттээх» (букв.: с мокрым телом), «ириэнэх хааннаах» (букв.: с талой кровью), «уу харахтаах» (букв.: с водяными глазами). Подобную семантическую нагрузку несет и определение «тонг нуучча» (букв.: мерзлый русский) в значении «русский, совершенно не владеющий якутским языком».

В романе предельно детально воспроизводится ландшафтный облик географического пространства. Весь рельеф обжитого пространства,

Периферия	Горизонталь	Центр
Бүтэй Бүлүү Туманнаах Түбэ Бэрдьигэстээх Дэбэндэ Тиигээн Таас Дьяаны Өйүмү Тарабай Таас Дьяанылар Кэбээйи Өймөкөөн Улуу Манан Дуол Муус Кудулу Байбал	Бүлүү өрүс Тюнкэтэх үрэх Өлүөнэ эбэ	долина Туймаада: Местности, где заселялись в древности люди: Сайсары күөл, Күөрээйи, Ойуу Хатын, Сэргэлээх, Тулагы, Киллэм, Үс Тиит, Ытык Күөл, Суон Үрэх, Эрик-Бэрик, Хатын Ураахы, Бабарах, Үрүн Күөл, Күөх Хонуу вертикали, высокие точки, центры Туймады: Чочур Мыраан, Тобой Тумул, Тойон Тумул, Хоту Ытык Хайа, Ытык Булгунньах, Хоту, Собуруу Ытык Хайалар, Куллаты аартыга, Хоруол Тумул, Мохсоболлоох Хайа, Уулаах Аан, Сүруктаах Хайа Реалии, близкие к центру, централизованные Энсиэли, Эркээни, Ленские столбы, Куллаты Чабылыма Чабылыатта, Кыыс Тыганы, Кыыс Хаҥа, Кийиит Бэйдинэ, Манан Түөллүмэн, Таргылдьыма Эбэ, Тулуна эбэ, Тойон Төнгүлү, Балыктаах эбэ, Суола үрэх, Эһэлээх Арыы, Туруйалаах, Бүтэйдээх, Үрүн Мыраан, Табаҕа и др. Амма-Таатта, Туйма-Танда и пр. Центры сакрального мира, недоступные человеку Харса дьябын дойдута Ыар Дьяныар Хайата Священное дерево Ыйык Мас, где растут души шаманов

а именно возвышенности (хайа, мыраан, тумул, томтор, дьугдьюур, дабаан, сис, булгуннях, халдыаайы), низменности (хочо, толоон, сыһыы, алаас, хонуу), водная среда (өрүс, үрэх, күөл, келүччэ), ущелья (аппа), болотистые местности (маар, кута сир), карта дорог (аартык, суол, ыллык), растительный мир (ойуур, тыа, от-мас), описывается автором предельно подробно. К примеру, в романе скрупулезно выстраивается географическая среда якута в долине Туймаада. Автором не обделены вниманием и речки, несущие свои воды в Амгу: Туолума, Хомпу, Хотуйа, Хонору, Түүйэ, Күлүпчүкү, Танха, Халаала, Биэлимэ.

Сюжет о чучуне, который украл женщину Сасыл Мендюкээн и вступил в схватку с Майагаттой Бэрт Хара, введенный в нарративный план романа «Тыгын Дархан»²³, является одним из зрелищных сюжетов, касающихся многочисленных тайн древней северной земли. Чучуна (пещерный человек, Снежный человек) из мифологии северных народов – есть inferнальный образ в романе, напрямую относящийся к пространству хтоническому и древнему.

Как наиболее древний архиобраз, воплощающий неизведанное хаотическое темное начало, в географической архитектонике романа среди многочисленных топосов выделяется образ горы, который является явной персонализацией матери-земли. Образ, который объединяет такие разнонаправленные пространственные координаты, как углубление (низ, пещера, глубь, темнота), расширение (верх, пик горы, ширь, свет) и центр, а также совмещает все стихии (огонь, воздух, земля, вода), действительно, есть сложный образ, заслуживающий особого художественного внимания.

Как видно, геоморфологические описания «тела земли» достаточно ясно структурированы и составляют ядро локального мифа, своеобразного нарратива, отражающего целый мир народа саха. Пространство сознания, основывающееся на пространстве географическом, как бы вбирает в себя такие нарративные конструк-

²³ Яковлев В.С.-Далан. Тыгын Дархан. – Якутск: Бичик, 1993. – С. 323–327.

ты, составляющие ткань всей мифологической сферы культуры саха, как мифы о первопредках Эллее и Омогое, легенды о Тыгыне, о его дочери удаганке Тыасааны, предание о смерти на горе Чочур Мыраан богатыря Таас Уллунгах, сына Тыгына, легенда о Ньырбачаан, сказы о вражде Туоҕа Баатыра с Тыгином из-за якобы убитой лошади последнего, о сложных отношениях с богатырем Майагаттой Бэрт Хара и т.д.

Исследуя мир в сознании народа, то есть базируясь на мифологических источниках, Далан воспроизводит древний облик земли Туймады времен Тыгын Дархана, то есть происходит «когнитивное заполнение образно-географической лакуны соответствующим легендарным, сказочным, фольклорным нарративом»²⁴. Создается реально осязаемый, ощущаемый мир, основанный на локальном мифе саха, наполняемый фрагментами, элементами, характеристиками, «действующими лицами» мифа, который постепенно превращается в сложную многомерную пространственную структуру.

Нужно заметить, что развернутое географическое видение народа, его координация в окружающей среде, заданные в широкой панорамной перспективе, отражают космический масштаб вселенной якута.

Как мы отметили выше, категория времени несет в романном тексте одну из смысловых нагрузок. Ретроспекция, авторский взгляд, обращенный в глубь веков, концептуально изменяют перспективу восприятия современным читателем времени «кыргыса», эпохального времени Тыгын Дархана. Время, роковое время эпохи войн, как олицетворение надвигающегося призрака смерти, занимает антагонистическую позицию по отношению к людям, племенам, целым народностям, которые бесследно исчезают с лица земли («тыял буолан сүтэллэр»).

Временные координаты даны в ассоциации с природным движением: «Ити сыллар, тири мэрэкэ долгунна уйдаран өрүс сүүрүгүн

²⁴ Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. – 2010. – Т.9, №3. – С. 41.

Общие космические координаты вселенной	Солнце, луна, земля, вода, небо, вселенная, звезды: Орто Аан Ийэ дойду, Айгыр Силик Айылба, Аламай Манган Күн, Уоттаах Чолбон, Араат Байбал, Аан Чэлбэр Айылба и др.
Географические реалии северной земли	Чачыгыр Таас Дьаангы, Муус Кудулу Далай, Улуу Манган Дуол, Баай Хара Тья, Суруктаах Хайа и пр.
Обжитые конкретные географические местности	Туймада, Энсиэли, Эркээни, Куллаты, Чабылыма Чабылыатта, Кыыс Тынаны, Кыыс Хага, Кийиит Бэйдинэ, Амма-Таатта, Туйма-Танда и т.д.
Микро-географические пространства (хоннох-быттык сирдэр)	силээн (место, залитое талой водой), хотумах (заросшая лесом неудобная местность), аппа (ущелье), тарын, ырааһыйа, остров (арыы), ырбыы, айкыт (тундровое болотистое место), хаспах, холлороон, хороон, дьэбэрэ, хотоол, алар, алыы и т.д.
Освоенные локусы (түөлбэ)	Сайсары, Күөрээйи, Ойүү Хатын, Сэргэлээх, Тулагы, Киллэм, Үс Тиит, Ытык Күөл, Суон Үрэх, Эрик-Бэрик, Хатын Ураахы, Бажарах – местности в долине Туймаада
Пограничные географические образы	Куохтуйа аартыга (перевал), Мардьай аартыга, Суол Хаан Ийэ (дорога), ыллыктар (тропинки), илин тья (восточный лес), арбаа тья (западный лес), Аан Хайалар и пр.

хоту дэллэйэ устарыны, олох күннээби кыһамыттан тахсыбакка нус барааннык, уу чүүмпутук устан аастылар». Употребляемая писателем фольклорная формула «урукку дьыллар уорбаларыгар, быдан дьыллар мындааларыгар» несет ключевую функцию, способствует воссозданию временной связи, восстановлению, таким образом, утраченного времени.

Временной аспект романов совпадает с темпоритмом природы. Обозначение месяцев как «бырдах ыйа» («месяц мошек»), «сымыыт тэһэр ый» («месяц вылупления яиц»), «күлүмэн кэмэ» («пора слепней»), «ньяалабай, күлүмэн кэмнэрэ», «онооччу кэмэ» («пора мошкар») и т.п., наиболее усиливает ощущение особой интуитивной связи между человеком и природой. Для обозначения времени суток автором употребляются термины «тын хатыыта» («время,

когда видна тонкая полоска утренней зари»), «халлаан сүһүктуйа сырдыыта» («когда небо светлеет»). Годовой хронотоп подразделен на периоды Улуу Тунах кэмэ и Улуу Добдурба. Понятие «Улуу Добдурба», помимо того, что выражает время года, имеет и особое концептуальное значение. Осень – наиболее удобное время года для дальних поездок, в том числе и для военных походов. Таким образом, время также играет определяющую роль в освоении пространства / земли.

В кочевом мире (тон биис, майаат, тумат и т.д.) время игнорируется, и если доминантой в северном кочевом бытии является ориентация в пространстве, движение в пространстве, то у скотоводов саха время есть важная константа, хронотоп якутского мира характеризуется прикрепленностью к определенной местности,

земле. И не случайно Тыгын Дархан видит основу мира в централизованности, создании государства Ил. Из этого следует, что различные модификации пространства в произведениях явились способом выражения авторской позиции.

Таким образом, если в романе «Глухой Вилюй» в качестве маркера пространства можно выделить такие концепты, как хаотичность, узость, страх, динамичность, агрессию, то основными характеристиками романа «Тыгын Дархан» являются упорядоченность, организованность, обширность, централизованность, социализация. Сюжетная канва данного романа развертывается в основном в культурном, социально-семейном пространстве, на единой земельной территории: в нем отражаются ысыах, свадьбы, ритуальные обряды, шаманские камлания, боевые походы, сражения, спортивные состязания, любовные интриги, то есть весь материальный мир, быт Тыгын Дархана, Атыыр Лөкөй, Мархи бая и т.д. Центральное место в романе занимает воссоздание семейной модели мира, как компонента, выполняющего регулятивную функцию для всего общества. Отображение данного аспекта социальных отношений обнаруживает зарождение в якутском обществе патриархально-феодалного уклада жизни.

Как потеря ориентира на конкретной территории, так и отсутствие единого жизненного ориентира у народа в качестве основного признака негармоничности мира, особо отчетливо выражается в некоординированности, хаотичности перемещения биис уус туматов по просторам Вилюя и как итог – в их исчезновении с лица земли.

Таким образом, автор, стремясь воссоздать реалистическое полотно века кыргыс, в основном ориентируется на геообразы, которые составляют базисный фонд романа. При этом Далан опирается на генетическую память народа, мифологию, фольклор, архетипический пласт, обращая внимание на яркие, аутентичные образы первых «странствующих» героев, отраженные в нарративных первичных источниках.

И в этой связи единую систему в контексте геопозитического дискурса составляют концепты «дороги», «пути», «расширения», «поиска», наиболее колоритно выраженные в произведениях, и несущие интенсивные смысловые нагрузки в данном романе. Художественное освоение мифо-мира Даланом – есть оригинальный жизнеутверждающий пример освоения человеком географического пространства, который прямо пропорционален его внутреннему росту, эволюции его сознания.

Мифологический мотив освоения новых территорий, сюжет поиска, архетипическая модель сакральной земли, архетипический герой пути, реализованные в художественной ткани романов писателя, получают новые модификации и новые смысловые, ролевые нагрузки, в которых синтезируются мифологическая и художественная системы, а общая идейная направленность романов и вся диспозиция сюжета подчинены единой логике: концепту земли как основной организующей и сакральной субстанции в жизни северного человека.

В романах В.С. Яковлева-Далана как закономерность появились и совершенно логично оформились, наполняясь смыслом, следующие уникальные геопозитические координаты северного края, такие, как «долина Туймада», «Эркээни», «Энсиэли», «река Лена», «Глухой Вилюй», «Сайсары», «Чочур Мыраан», «Дьяаны» и т.д., воспроизведенные из генетической памяти народа, по которым впервые в якутской литературе были сформированы основы аутентичного геомифопозитического текста. И в свою очередь, базируясь на этих гео-образах, созданы нарративные элементы, легенды, предания об Омоее, Элэе, Тыгын Дархане, девочке Ньырбачаан, шамане Эргисе, удаганке Тыасаане, красавице Айталын, воине Таас Уллунах, богатыре Майагатте Бэрт Хара и пр., как о ключевых мифологических образах, за которыми закрепились в обязательном порядке исторические знаковые места. Данные нарративные единицы пространства переплетаются в обширную повествовательную ткань локального мифа Туймады.

Таким образом, трансформирование художественного рельефа земли, создание своеобразных геотопических образов в якутском романе периода «перестройки» являются показателем изменения картины мира, модифицированного сознания человека новой эпохи, а также радикального переворота в художественном мышлении.

Новаторский опыт Далана, пространственно-временной колорит его романов, обусловил зарождение нового романного хронотопа, получившего впоследствии особо полную развернутость в системе исторических романов XX–XXI вв. Основные художественные маркеры поэтики Далана сохраняются и используются последующими писателями: тема века кыргыса, герой пути, мотив освоения территорий и

пр. составляют тематический, идейный стержень, обуславливающий художественный мир их романов, который подчиняется единому концепту земли, занимающему генерирующую роль в романной стилистике.

Эстетическое, художественное освоение В.С. Яковлевым-Даланом исторического материала о Тыгын Дархане, подчиненность всех поэтических единиц романа (языковой, изобразительной, композиционной и др.) единой художественной концепции, в центре которой проблема освоения земли, отражают особый тип национального художественного мышления, получивший актуализацию в романах, что в целом является ярким примером раскрытия индивидуального стиля писателя.

Кирилл ДОЛИНСКИЙ,
член Союза писателей России,
пос. Мохсогollox

РОЖДЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА

Эссе

Никто и не знает, как оно происходит! Так же незаметно, как тает снег на окнах, картинах и аллеях. Он смерзается, схватывается за длинные морозные дни и ночи, и, хотя мартовское солнце старается изо всех сил, лучи его снова и снова бессильно иссякают, разбиваясь об угрюмое скорбное безмолвие. Но вот, день за днём, неделя за неделей, и воздух становится теплее, и снег всё более похожим на головку сыра, пестрящую дырками. Вот уже и земля, бурая и сырая, как новорождённый младенец, выглядывает из-под тающего наста. Вот уже и берёзы протягивают свои сухие, исхудавшие без тепла и ласки, руки к солнцу.

Тебе, только-только пришедшему в этот мир, интересно всё: и белые блики солнца в мутной пене весенних луж, и воробьи с их веселой вознёй на окне, и первые липкие листочки, которые так хочется попробовать на вкус.

Ты ещё плохо выговариваешь «Р», но язык твой захлёбывается в потоке счастливой нелепицы, в причудливой попытке передать другим свой восторг, своё впечатление, своё видение открывающегося мира.

Конечно взрослые, объясняют, учат, и даже порой строго выговаривают тебе за твои смешные «аферизмы» и нарочитое коверканье слов, но ты, лукаво улыбаясь и пристукивая маленьким кулачком, продолжаешь произносить своё по-своему. Разве возможно творчество без чувства правоты, разве возможно оно без божьего чувства, что сотворённое тобой – хорошо?..

А карандаши, а фломастеры, а белый, как постель новобрачных, лист бумаги, где непонятным тебе образом на твоих глазах возникают и солнце, и деревья в листве, и воробьи.

«Сюй!» – упрямо твердишь ты, и протягиваешь снова и снова маркер и бумагу этим вечно занятым, вечно погружённым в какие-то свои суетные заботы взрослым. Кто-то со-

КИРИЛЛ ДОЛИНСКИЙ. РОЖДЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА.

творил чудо, создав этот мир для тебя, теперь ты хочешь понять и научиться творить сам.

Игрушки... Эти старые и вечно новые динозавры, тигры, микки-маусы, железная дорога, которую собирают всей семьёй, конечно же своя армия: пистолеты, танки, самолётики, и, может, даже завалившийся где-нибудь в самом дальнем углу оловянный солдатик, точь-в-точь как из сказки.

Сказочные полки аккуратно расставлены, знамёна реют на ветру, и труба играет сигнал, предвещая победу и долгую славу. И пусть стойкий оловянный рыцарь, в конце концов останется один в углу стола, пусть целая армада будет брать его в лоб и измором, обещая то почётный плен и покой, то страшные муки, пусть... Его дело правое, он и в гибели своей останется победителем.

Год за годом, поколение за поколением, игры детей не меняются, девочки в дочки-матери, мальчишки – в войнушку. Казаки-разбойники, русские и немцы, светлые и тёмные... Кто знает, не получают ли эти игры новое недетское продолжение, уже не под рокот барабанов и звон труб – под шелест повесток. И снова, как повелось ещё в старину, велика страна, да отступать некуда, и с неигрушечным уже оружием, и не радостным, а безумным восторгом обреченного победителя, ты будешь творить историю, это бесконечное художественное полотно, где имя твоё, скорее всего, потеряется в переплетении сотен разных судеб, среди поручиков ставших императорами, палачей объявленных национальными героями, спившихся гениев, и таких же тихих скромных тружеников, чьё творчество так похоже на тихую работу мартовского солнца.

Всё это будет ещё впереди, всё это мерещится где-то в утренней туманной дымке. Ещё неизвестно как сложится твоя судьба, и какого мужества потребует случай. Как далеки детские игрушечные баталии в углу стола от того, что с жутким постоянством снова и снова вспыхивает в разных уголках планеты. Как непохожи мальчишеские драки до первой

крови на волчье озверение уличной шпаны, добывающей свою жертву толпой, ногами.

Всё это может случиться и с тобой, но так уж устроен человек, что ждёт от будущего только хорошее, а особенно когда тебе шестнадцать, и на улице май, и девочка в окне дома напротив так мила. И вот уже руки ищут аккорды на грифе, и пальцы, чувствуя упругую податливость струн, подбирают мелодию, ту единственную, способную передать и голос, и звонкий смех её, и всхлипы майского дождя, так похожего на девичьи слёзы, и грусть последнего школьного вальса.

А дальше... Дальше будет просто некогда. Любовь будет всё чаще выражаться в коротких поцелуях, когда она торопится на работу, а ребёнок в детский сад. Какие-то раз и навсегда выбранные дела и принятые на себя обязанности будут держать тебя в сетях их исполнения, а всё то, что тебя восхищало и тревожило, лишь иногда будет напоминать о себе, звать на улицу в майскую ночь, заставит звонить без причины старым друзьям, навещать старые ветшающие дворы детства, брать в руки игрушки сына, где всё тот же стойкий оловянный солдатик будет отдавать тебе честь.

В круговерти городов, судеб и ситуации просто не будет времени задумываться кто ты, и что это такое в тебе, что кричит птицей во снах, пахнет ванилью в весеннем воздухе, и зовёт гулять по улице до зари.

Но однажды ты проснёшься утром, услышав робкую птичью трель за окном, или это будет лишь осколком очередного сна, ярко-го, как всегда под утро, но мгновенно забывающегося. Ты подойдёшь к окну и откроешь его. Пасмурный мартовский день будет ещё прохладен и сыроват, но в воздухе уже пахнет чем-то неуловимым, чего не объяснить словами. Ясно одно, в мире что-то вдруг изменилось...

Может, крепкий снежный панцирь дал первую слабину, и земля в своём крепком многомесячном сне встрепенулась, то ли какая-то давняя не дававшая покоя мысль, ка-

кая-то проблема вдруг увиделась простой и понятной. Какое-то чувство полноты, неожиданной беспричинной радости жизни, шевельнется холодком под сердцем, встанет на секунду комком в горле, и тебе захочется вдруг поделиться этим.

Подсыпать семечек воробьям за окном, наклонится к лицу ещё спящей любимой женщины, и прошептать ей слова любви, такие, казалось бы, банальные, сказанные десятками раз десятками губ; или взять на руки сына, который уже проснулся и тихо лежит в колыбели, глядя на мир вокруг. Ты будешь убаюкивать его, шепотом напевая колыбельную, или попытаешься рассказать сказку, но память хитра и прихотлива, все слова и все сюжеты вдруг вылетят в нужный момент из головы. И вот, кое-как связывая концы старого и вечно нового сюжета, ты будешь рассказывать, как когда-то стойкий оловянный солдатик увидел юную красавицу в окне дома напротив.

А за окном будет наливаться новый день, и уже давно пора варить кофе, завтракать, и начинать приниматься за какие-то очередные дела. А солнце, и пахнущий ванилью ветер, и воробьи, расшумевшиеся за окном, будут продолжать свою тихую кропотливую работу, множа в мире тепло и любовь, славя наступающую весну, творя новую жизнь.

Спасибо вам, наши наставники!..

Спасибо пьяной акушерке в холодном и полутёмном роддоме. Спасибо матери, выставившей отца за дверь, когда мне было четыре. Спасибо за то, что другого отца у меня так и не появилось, так не бывает, ведь правда?..

Спасибо пацанам, с которыми мы пили пиво, раскуривали первую на троих сигарету, и дрались на заднем дворе, отстаивая свою, пока ещё наивную, правоту.

Спасибо школьным учителям, что прятали скучную слезу о детях-диабетиках, о мужьях-раздолбаях; крошили мелок в синих от холодной хлорированной воды руках, с набухшими как у грузчиков венами, и не жалевшими сил,

чтобы в лихие 90-е рассказать нам о гуманизме героев Чернышевского и Толстого, о годах сталинского террора, расстрелах и высылках, и о том, кому может быть выгодно последнее громкое убийство очередного олигарха, журналиста или общественного деятеля. Они пытались разрешить наши подростковые споры и неразрешимые вопросы, и вновь переходили к логарифмам, не забывая напоминать нам, что где-нибудь в Америке, каждый привык рассчитывать только на себя, поэтому учителя там молодые, красивые и с достатком, а бизнес люди начинают вести со школьной скамьи.

Спасибо вам, писатели, учёные, спортсмены, киношные и эстрадные звёзды. Немногие из нас узнали, каково это – стоять в кулисах в напряжённом ожидании, не каждый понял, как велика разница между феерическим образом с голубого экрана и живым человеком. На всю жизнь лишь останется в памяти тот день, когда бросив короткое “я скоро вернусь...”, ты рванул на вокзал, чтобы взять билет в один конец.

Спасибо армейским «дедам», бившим нас сапогами; соседям, подливавшим нам дешёвой водки; женщинам, что уходили, хлопая дверью, бросив обидное «дурак», сами того не ожидая, они были мудрее и сильнее нас, в наших судорожных попытках удержать; спасибо и тем, кто был откровенен с нами в соцсетях и вагонах полуночных поездов, говоря о разном и об одном, о том же больном ребёнке, беспутном муже, недостатке денег и ласки.

Кажется, за прошедшие десятки лет ничего не изменилось. Мы не стали ни умней, ни взрослей, как не стали и богаче. И всё же, спасибо вам, вот за это самое, что мы остались теми же...

И всё же странно. Как невероятно всё изменилось за эти годы! Те люди, которые потрясли наше воображение, были загадочными друзьями или лютыми недругами, вдруг оказались обычными, неплохими, в общем, людьми. Это менеджеры среднего звена,

КИРИЛЛ ДОЛИНСКИЙ. РОЖДЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА.

слесари, водители. Порой ты даже искренне рад их видеть. При случайной встрече вы обмениваетесь дежурными фразами, каждый своими новостями, телефонами, по которым не будет звонков, и договариваетесь о встрече, которая всё равно не состоится.

Да, было бы славно собраться вместе, но не надо себя обманывать. Ведь тоскуем-то мы по прошлому: прошлому счастью, которое не осознавали, прошлым обидам, которые не могли понять и простить, тоскуем по утраченному, которое всегда милей настоящего.

А те, которые казались серыми, невзрачными, смешными, эти люди также поменялись невероятно. Они прыгают с парашютом, занимаются бальными танцами, ходят в церковь... Вряд ли жизнь в мегаполисе, или за границей, сильно отличается от жизни того маленького городка, где всё начиналось. Изменились люди.

Как хотелось бы собраться вместе с этими, именно этими людьми... Но стоп! Я опять впадаю в смертный грех уныния по прошлому, да и вряд ли я узнаю их сейчас. Они похожи теперь на целые галактики, ещё совсем недавно скрытые туманной оболочкой неяркости, или наоборот пугавшие нас своим “беловороньим” видом. Да, было бы интересно открыть эти галактики заново, искупая грех подростковой “близорукости”. Может, когда-нибудь судьба сведёт...

Спасибо вам, наши наставники... Вы научили нас главному – жить, беря на себя ответственность, и нести ответственность.

Научили – и отпустили на свободу. Свободу выбирать и быть собой, свободу верить и отстаивать себя...

Вы подготовили нас ко всему и от этого только трудней, ибо теперь ты должен дать понять, а кто ты такой, и где твоё место. Трудно найти себя в этом огромном несовершенном мире, но кто обещал, что свобода бывает легка. Ты будешь срываться, метаться, глушить себя алкоголем и сигаретами, и ненавидеть за слабость, но ты всё равно должен двигаться, жить и решать.

Просыпаясь утром в холодной постели, ты ждёшь, что та, которая вчера хлопнула дверью, позвонит или напишет тебе, и понимаешь, что это утро, в точности похоже на вчерашнее, позавчерашнее и неделю назад. А в твоём телефоне уже пару часов томится непрочитанное послание от другого человека, которому ты не менее дорог, в любое время суток.

Позвонить, попросить прощения?... За что, казалась бы, ведь никакой обиды и не было. А молчание, разве не обида?

С любовью, ты появился на этот свет. Любовь, порой бывает жестока, действуя для твоего же блага. Любовь – то, что ты должен хранить и нести в себе, делаясь этим с теми, кто идёт за тобой.

Спасибо вам, наши наставники! Кажется, мы достойно усвоили ваши уроки. Остальное покажет время...

Конец романа

Ну, вот и всё, кажется. Осталось совсем немного... На часах начало пятого, впрочем, до рассвета добрых часа три, а значит, можно ещё с чистой совестью покемарить. Ручка начинает мазать, украшая текст кляксами, а строчки теряют свой чёткий солдатский строй, уходя куда-то вкривь и вниз, словно река, почувствовавшая водопад впереди. И всё же хорошо, радостно. И радость эта едва ли может с чем-то сравниться, хотя каждый из нас получал удовольствие от хорошо выполненной работы.

Вот, кажется, и всё... Прожита целая жизнь, со своими взлётами и падениями, тревогами и страхом, тихой радостью, буйным восторгом, унылой ленивой скукой.

В первые минуты, в пору сладкой юношеской влюблённости, ты горяч и жаден. Любой миг промедления кажется тебе губительным, малейшая разлука – вечностью. Снова, с тоской и ненавистью, ты бросаешь её ради каких-то очередных суетных дел, ради добывания хлеба насущного, ради людей тебя

окружающих, которым всё невдомёк. И, возвращаясь, ты снова боишься, как бы то лёгкое, радостное и капризное чувство не покинуло тебя. Пока свежо, пока это восхищает, пока разгорячённый мозг готов закипеть от избытка мыслей и образов, так и льнущих к тебе зверями Заратустры, а язык что-то невыразительно мямлит банальное. Но ведь и так всё понятно...

А потом паузы вдруг станут чаще, разлуки длиннее. Сначала днями, потом неделями, месяцами, а то и годами. То, что раньше виделось простым и понятным, вдруг увидится пустым и бессмысленным, лёгкая крылатая дорога наткнётся на стену глухого непонимания, а в тексте будет больше помарок и вычерков, чем живого повествования. Пытаясь что-то сказать, и путаясь в словах, срываясь и мучая, ты начнёшь люто ненавидеть её и себя, тем более, чем жарче был твой первый пыл. И покажется в один прекрасный момент, что всё, это конец. И не надо пытаться вернуться к прошлому, а может, и вовсе всё это было зря, («сколько бумаги потрачено, сколько времени – и ни о чём», сказал как-то один из критиков, листая мою рукопись).

Что ж, и такое возможно, даже у классиков судьбы их творений полны неоконченным, сожжённым, вымаранным.

Но потом, спустя какое-то время, ты вспомнишь о ней, как о добром и близком, давно не виденном друге, ты встретишься с ней, и расставаться больше не захочешь. И старая история вдруг предстанет в новом свете, и старый сюжет получит новое продолжение, и покажется тебе, что произошло чудо. Да и как ещё это можно назвать, когда слова и даже целые фразы вдруг выстраиваются и звучат как музыка, и, услышав первую ноту, ты насторожишься и, затаив дыхание, прослушаешь до конца. И будешь напевать её потом, себе под нос. А чуть позже, и вправду обратишь внимание, как ладно и складно там всё подобрано, ни слова лишнего, ни запятой, ни паузы...

А чуть заметная бугристая упругость бумажного листа, переплетённой кожи, кото-

рые чувствуешь кончиками пальцев. Мелкие, тиснённые золотом, росписи фамилии, и большие торжественные буквы заглавия. А красная строка (ведь когда-то она и вправду была окрашена в красный цвет)... Это тоже свято, в этом тоже заключён свой ритуал.

Конечно, в наш век компьютерных технологий, бумагой и чернилами уже вряд ли кто-то пользуется. Вот и я, уже не могу обходиться без ноутбука, без флешки и офисных программ. Но начинаю я всё же с листа...

Возможно, нынешние электронные рукописи так же не горят, как и тетрадки булгаковского Мастера, хотя для них даже и огня уже не нужно – всего пара касаний клавиш... Возможно – всего пара касаний клавиш... Возможно, и они способны восхищать и удивлять не менее...

Возможно... В конце концов, и то, и другое – дело рук человека, его души, ума. Вряд ли душевная энергия, если она и вправду была затрачена, не дойдёт до читателя, пусть даже с электронных носителей. Но я консервативен, и не читаю, как и не пишу, электронных книг. Мне приятней литая тяжесть хорошего тома, шелест и запах типографских страниц, пометки на полях, за которыми тоже, может быть скрыта целая жизнь.

Но что же дальше? Вот она лежит передо мной, эта большая, внешне ещё неказистая, но такая драгоценная рукопись. Для чего она? Что теперь делать с ней?

Прошло то время, когда в пылу юношеской влюблённости, тебе хотелось кричать на весь мир о своём счастье, о своих открытиях, как, наверное, кричал Архимед своё легендарное «эврика» (но ведь и он был один, в своей ванной). Прошло то время, когда казалось, что любой художник обязан нести и донести своё творчество людям, обязан говорить и быть услышанным, обязан жечь глаголом и просветлять, да мало ли чего ещё он обязан... Ты теперь более сдержан и менее доверчив.

Да... А ведь был такой поэт, мне рассказывали, который всю жизнь писал в «стол», никуда не ходил и не носил свои работы. Возможно, и он был по-своему прав («Вы совсем

КИРИЛЛ ДОЛИНСКИЙ. РОЖДЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА.

неплохо пишете – если в стол», – говорил мой первый редактор). И всё же рождённое тобой надо как-то пристроить.

Можно пристроить выгодно. Есть у меня пара знакомых редакторов, в толстых и солидных журналах, можно отдать рукопись им, ведь и сами они просили.

Когда-то давно, в самом начале, я ходил по редакциям этих журналов с небольшой тетрадкой в клеточку, и надеялся, если не на публикацию, то хоть на какой-то отзыв. Тогдашние редактора хмурили брови, что-то долго говорили, когда высокопарно, когда до тошноты правильно, о том, что можно и чего нельзя, и чувствовалось, что сказать-то им и нечего. А сейчас... Один раз назвавшись груздем, приняв схиму гордую и многотрудную, из кузова вылезать уже не могли. Вот и звонят порой из редакций, спрашивая, нет ли чего нового...

Можно раздать рукопись по друзьям и знакомым, по тем немногочисленным, но настоящим, чьё мнение тебе действительно важно, с кем ты действительно рад и готов делиться своей любовью и плодами её.

А можно и не носить никуда, пусть себе лежит, и будь что будет...

Сколько раз бывало такое, что дети, заботливо выращенные и воспитанные, вдруг бросали всё и шли наперекор родительской воле, искали свой путь, выросли непохожими, пугая и удивляя родителей. Или терпели гнёт родительского авторитета, и под конец ломались...

Бывало так, что читая мои произведения, друзья находили в них такое толкование и такие смыслы, о которых я и не думал вовсе, но и возразить не мог («да, могло быть и такое»), и это было здорово, ведь ценность произведения в том и состоит, что каждый находит в нём своё.

Пускай же она полежит пока, эта рукопись, пускай проживёт своей жизнью, нам не дано предугадать... Может, проснувшись завтра утром (впрочем уже сегодня), я перечту и не узнаю её, может, покажется мне, что не так

уж всё серьёзно, и язык пресноват, или лучше оставить эту рукопись в виде записей в дневнике, слишком она откровенна.

В современном мире, через новостные ленты, соцсети и мобильные приложения льётся столько разной информации, и по большому счёту шелуховой, а век сенсационных открытий ныне короток, как вздох, что трудно создать и донести что-то действительно грамотное и достойное, ещё труднее быть услышанным.

Слово – самый первый, самый простейший инструмент человеческой деятельности. Слово – самое хрупкое и опасное, самое капризное и ненадёжное, из того что создано человеком.

Вот и закончена, эта непонятная, но желанная, может, целой жизнью выношенная рукопись, но нет конца у этого романа, как нет его у любого произведения. Герои, перенесённые на страницы из жизни, продолжают жить, автор по прошествии времени будет что-то добавлять, менять и править, критики будут скрещивать копыя остроумия, провозглашая то осанну, то анафему, то зевая, со скучающим безразличием. Что будет дальше – неизвестно, но то, что было сделано по любви, вряд ли было сделано напрасно...

Я буду ещё долго лежать в постели, с закрытыми глазами, в ленивой дремотной истоме, счастливый и облегчённый, думая о ней, и том, как много у нас ещё впереди...

Варвара КОРЯКИНА,
ведущий библиотекарь
Нерюнгринской городской библиотеки,
член Союза писателей РС(Я)

ИСТОРИЯ ОДНОГО СТАРИННОГО ЗДАНИЯ В ЯКУТСКЕ

Это было давно. Бродила по притихшему осеннему Якутску. Свинцово-пасмурное небо, холодный пронизывающий ветер, морозящий грустный дождь навевали что-то необъяснимое - то ли печаль, то ли щемящее душу воспоминание.

Шла мимо бывшего Якутского драматического театра. Здание стояло заброшенным и опустевшим. Я знаю, что это здание – мистическое место, в нем живет утраченное, ускользнувшее в небытие Время. С темных окон театра глядело на меня Прошлое...

С этим архитектурным шедевром почти трехвековой давности связаны много важных и знаковых событий города Якутска и не только.

Красивое строгое и лаконичное здание имеет долгую историю. Самое старинное из первых каменных сооружений старого Якутска, когда-то это был Свято-Троицкий собор – первый Кафедральный собор Якутской епархии Русской православной церкви. Император Петр I сам лично

дал разрешение на строительство этого каменного храма. На строительство этого великолепного собора ушло 20 лет, строительство началось в 1708 году и завершилось в 1728 году, по завершению строительства храм был освящен 23 июля 1728 года. В этом году 23 июля исполняется 290 лет со дня окончания строительства Свято-Троицкого собора. Дата не совсем круглая, но все же знаменательная.

В изначальном варианте собор был отстроен в московском храмовом стиле XV века, который представлял собой высокий куб с одним куполом, устремленным ввысь к северным высоким небесам.

Когда Свято-Троицкий собор стал кафедральным, внешний вид церковного здания изменился, с четырех сторон были сделаны пристройки, появились новые купола, еще была построена отдельная колокольня.

19 июля 1859 года в Свято-Троицком кафедральном соборе города Якутска состоялась первая Божественная литургия на якутском языке. Евангелие на якутском языке читал сам святитель Иннокентий Вениаминов.

ВАРВАРА КОРЯКИНА. ИСТОРИЯ ОДНОГО СТАРИННОГО ЗДАНИЯ В ЯКУТСКЕ.

ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

Как гласят сохранившиеся документы, один из очевидцев записал:

«С раннего утра толпы народа спешили к соборной церкви, которая едва ли когда вмещала столько молящихся, как в тот день. Тут были и якуты, были и русские, большая часть которых знает якутский язык не хуже туземцев... Первые звуки якутского языка, на котором отправлялось решительно всё богослужение, казались удивительными для самих якутов...

Якутов до того тронуло это событие, что родоначальники их от лица всех своих собратий представили Владыке Иннокентию покорнейшую просьбу, чтобы 19 июля навсегда было днем праздничным, потому что в этот день они в первый раз услышали Божественное слово в храме на своём».

В следующем 2019 году будет 160 лет, как впервые святое писание прозвучало на якутском языке, благодаря многолетнему труду це-

лой плеяды известных своими богоугодными делами, высокой духовностью и нравственной чистотой священнослужителей-миссионеров, возложивших много сил для перевода священных текстов.

С течением времен в Якутске были построены другие храмы и соборы, отличающиеся изысканностью и богатством архитектурного великолепия, но, как вспоминают старожилы столицы, этот старинный храм всегда был полон прихожан, верующие любили это намоленное святое место.

После революции в конце двадцатых годов двадцатого века Собор был закрыт. С этого времени началась иная, но не менее интересная и загадочная, жизнь этого церковного сооружения. В 1929 году с храма сняли купола, а высокая красивая белокаменная колокольня была разрушена до основания. Собор стал Храмом Искусства. В здании был размещен Национальный те-

атр, где на сцене блистали первые талантливые и именитые якутские актеры.

Для нас, для современных людей, это здание всегда ассоциируется именно с театром и тесно связано с историей театрального искусства.

В начале 20-х годов прошлого века дореволюционный любительский национальный театр был реорганизован в Народный театр с русской и якутской труппами. 17 октября 1925 года якутская труппа, состоящая из активистов культурно-просветительского общества «Саха омук», Народного театра открыла театральный сезон постановкой комедийной пьесы «Злой дух» одного из основоположников якутской литературы

Николая Неустроева. Постановка была успешной, восторженно встречена зрителями и знаками театрального искусства. И эта премьера стала днем рождения нового театра – Государственного национального театра. В 1926 году решением Совнаркома Якутской АССР был создан Государственный национальный театр. Директором был назначен первый якутский талантливый драматург и поэт Анемподист Софронов – Алампа. В качестве режиссера был приглашен Дмитрий Большев из Вилюйска, который организовал в своем городе самодеятельный театр и успешно работал в 1919-1920-х годах в театральной секции культурно-просветительского общества

ВАРВАРА КОРЯКИНА. ИСТОРИЯ ОДНОГО СТАРИННОГО ЗДАНИЯ В ЯКУТСКЕ.

ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

«Саха Аймах». Репертуар только что созданного театра был широкий и разнообразный, очень интересный по своему содержанию.

Во времена перемен лучшие творческие люди всегда размышляют о прошлом своего народа, об истоках и корнях своих, ищут отгадки грядущего в прошлом.

Впервые 18 февраля 1928 года была представлена сценическая версия олонхо «Ньургун Боотур Стремительный» Платона Ойунского. В этом году исполнилось 90 лет первой постановки олонхо. Несмотря на тяжелые политические обстоятельства, когда остро стоял вопрос о националистических взглядах среди ведущей части якутской интеллигенции, Анемподист Софронов, как руководитель театра, смог действовать первой постановке олонхо на сцене якутского театра. Вышла в газете «Кыым» от 1 марта 1928 года статья Платона Ойунского о постановке Якутского национального театра по мотивам его олонхо «Ньургун Боотур Стремительный», был взят небольшой отрывок в виде драмы «Туйаарыма Куо». В своей статье Ойунский дал анализ постановки, подмечая слабые моменты, выразил надежду и на дальнейшую театрализацию эпоса и пожелал успехов артистам молодого якутского театра. Это было своего рода благославление известного поэта, писателя и политика, определившее путь якутского театрального искусства. Окончательный вариант трехактной драмы «Туналганнаах Ньуурдаах Туйаарыма Куо» был завершен П.А. Ойунским 29 июля 1930 года. Позже с 1934 года театр стал носить имя Платона Ойунского.

Якутское олонхо в репертуаре Якутского государственного национального театра вновь появляется только в 1937-38 годах. Пожелтевшие страницы газеты «Кыым» за 1937 год сообщают, что 4, 5, 6 апреля 1937 года состоится постановки на сцене Якутского государственного национального театра по мотивам якутского олонхо «Ньургун Боотур Стремительный» драмы П.А. Ойунского «Туйаарыма Куо». Режиссерами - постановщиками драмы указаны М.В. Жирков, Г.М. Туралысов и В.В. Местников. До конца театрального сезона драма не сходит с театральной

сцены и имеет огромный успех у зрителей. Шла постановка драмы П.А. Ойунского «Туйаарыма Куо» именно в здании бывшего Троицкого Собора. Это был первый триумф якутского театрального искусства.

Стены этого древнего в Якутии каменного храма слышали прекрасные чарующие голоса наших певиц, стоявших у истоков театра – первой исполнительницы роли Туйаарымы Куо неотразимой Александры Новгородовой, несравненной Екатерины Захаровой, преждевременно угасшего «певчего жаворонка» якутской сцены, бесподобной Анны Егоровой, очаровательной Анастасии Лыткиной. В этих стенах ожили драмы Шекспира, произведения русских классиков, пьесы и оперетты якутских писателей. Среди народа до сих пор ходят легенды о театре тех времен. Столько прекрасных премьер было, бурных оваций прогремело в этом удивительном месте.

Дипломный спектакль молодого режиссера Андрея Борисова «Желанный голубой берег мой...» по повести Чингиза Айтматова «Пегий пес, бегущий краем моря» состоялся в 1982 году в этом же здании бывшего Кафедрального Собора. Это событие стало вехой в новом, совершенно другом пути Якутского драматического театра. Спектакль стал крупным художественным открытием якутского, российского театрального искусства. Это была последняя триумфальная премьера в этих старинных стенах.

В 1982 году Театр переехал на новое здание. Бывший храм долго пустовал, стоял заброшенным, пока им не заинтересовался директор Театра Эстрады Василий Филиппов, ведь те дни труппа театра была без собственного помещения. Древние каменные стены самого старого Собора Якутска снова приютили людей искусства. Здесь еще появился ресторан «Чароит».

В 1994 году открылась одна из тайн этого древнего сооружения. Когда шли ремонтные работы канализационных коллекторов, были обнаружены три захоронения священнослужителей. О том, что вокруг Кафедрального Собора был старинный погост, никто не помнил и не знал, в старых планах города Якутска он не значился. Судя по обнаруженным останкам, здесь хорони-

ли священнослужителей. Скорее всего, погост, где нашли вечный покой одни из первых священнослужителей Якутска, был очень старинным и небольшим по площади. В наши дни это кладбище у Троицкого Собора не имеет никаких внешних признаков.

Среди старожилов Якутска бытует много мистических легенд, связанных с этим храмом. Гуляя по осеннему городу, долго стояла у заброшенного здания бывшего Собора и Театра. Вдруг ко мне подошла пожилая женщина, она не представилась, просто спросила:

- Вы тоже здесь работали?

- Нет. Просто я люблю старинные здания, мне всегда интересно ловить в них ускользнувшее Время, - ответила я ей.

- А я давно девчонкой работала в швейном цехе театра. Когда мимо прохожу, всегда задерживаюсь и вспоминаю один загадочный случай..., - начала беседу моя новая знакомая.

Я сразу заинтересовалась ее рассказом. Несмотря на холодную погоду, мы с ней пошли в сторону площади Дружбы и сели возле Театра Оперы и Балета. Пожилая женщина начала свой рассказ:

«В 50-х годах прошлого века я была совсем молоденькая, после окончания семилетки устроилась в швейный цех театра, через знакомых узнали, что я хорошо шью и вышиваю. Тогда в театре ночным сторожем работал Слепцов Михаил Васильевич – очень общительный человек в возрасте. Был одиноким, поэтому жил в здании театра в маленькой комнатке, был очень аккуратным, сам умел мастерить, даже шить, поэтому его жилая комнатка была очень уютной.

Однажды Михаил Васильевич уехал по каким-то делам на родину, родом он был из Таатты. Начальство театра попросило меня заменить его на несколько дней, посторожить ночью. Три ночи дежурства прошли нормально, тишина и покой. Я делала два раза обход помещения и легла спать где-то с 2 часов ночи до 6 утра.

Но на четвертый день, в ночь последнего дежурства, произошло нечто странное. Глубокой ночью я легла на старый деревянный топчан, с головой укрылась одеялом, вроде уснула. Вдруг

меня разбудило какое-то странное пение. Как церковное пение. Откуда-то издалека доносился красивый голос. Я вышла в коридор. Там при свете тусклых лампочек в проеме двери - стройный силуэт священника в рясе...

Как ни странно, мне не было страшно. Я зашла в свою каморку, мои уста сами начали произносить молитву: «Отче наш». Сама даже удивилась, откуда-то я полностью знаю слова этой молитвы. Я ни Библию, ни молитвослов в руках не держала, никогда в церковь даже не заходила, я же комсомолка была тогда. А тут молитву знаю, оказывается. Мистика какая-то. Помолилась и все утихло. Я легла спать с чувством какого-то облегчения, с тех пор начался мой долгий путь к Вере и Богу.

Утром пришла домой и рассказала бабушке, я и раньше знала, что театр – это бывшая церковь. Бабушка, прослушав мой сбивчивый рассказ, сказала:

- Зиночка, люди рассказывали, что возле храма был когда-то в старину погост, где хоронили священников и знатных людей города, совершивших богоугодное дело. Может, потревожили их вечный покой, поэтому всякие вот такие странные явления происходят.

С этого дня я стала как-то по-иному смотреть на мир и на людей, на жизнь, вообще. Мне показалось, что я прикоснулась к вечности. И долго во мне звучало то прекрасное церковное пение.

Когда вышла на работу, встретила Михаила Васильевича. Уличив момент, чуть стесняясь, спросила:

- Михаил Васильевич, ночью здесь странные явления не происходят?

Старик удивленно на меня посмотрел, как-то странно улыбнулся, молча пожал плечами. Я сразу поняла, что он не желает говорить о таких вещах. Я постеснялась дальше спрашивать. Тогда мы, девчата тех лет, очень скромные и стеснительные были. С мужчинами не заговаривали первыми, я только вот с Михаилом Васильевичем могла запросто разговаривать, ведь он был такой общительный и добрый, у него всегда были шутки-прибаутки, все в театре уважали и любили его.

ВАРВАРА КОРЯКИНА. ИСТОРИЯ ОДНОГО СТАРИННОГО ЗДАНИЯ В ЯКУТСКЕ.

ЭКСКУРС В ИСТОРИЮ

Вот такая странная история произошла со мной в те далекие 50-е. Я в театре всего полгода поработала, потом на учебу поступила, бухгалтером стала...

Но в театр этот старинный очень любила ходить, не пропускала ни одной премьеры, и сейчас хожу в театры», - закончила рассказ Зинаида. Мы попрощались и разошлись.

Я пошла опять же по улице Каландарашвили, снова мимо опустевшего старинного здания, которое хранило память о многих ярких моментах истории нашей столицы, жизни именитых людей республики.

22 января 2014 года епископ Ленский и Якутский Роман совершил молебен в помещении, где в былые времена находился иконостас. Стены старинного собора вновь, спустя почти три века, услышали церковное пение и слова священного писания. Храм вернулся к своим истокам. В конце мая 2014 года Министерство культуры Якутии передало здание Якутской и Ленской епархии.

В данное время после передачи Кафедрального собора Ленской и Якутской епархии, ведут-

ся восстановительные и реставрационные работы.

В планах – реконструкция колокольни, от которой остался только фундамент и восстановление воеводского дома.

16 марта 2016 года состоялась встреча архиепископа Романа с Виктором Дьяконовым – научным сотрудником Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН. По предложению архиепископа Романа Дьяконов В. М. и сотрудники института будут осуществлять археологический надзор территории Троицкого собора, и проводить археологические изыскания.

Скоро, возможно, мы узнаем, какую загадку и тайну хранит территория этого древнего сооружения...

Время просто так не уходит, где-то в закоулках пространства оно иногда остается, и как таинственный волшебный мираж выплывает из глубин веков, и оставляет некий след в душах.

Олег СИДОРОВ,
зав. кафедрой журналистики ФЛФ СВФУ,
академик Академии Духовности РС(Я)

ОТ 1990-Х ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ

О книге Владислава Доллонова
“Эрбэһин” (“Полынь”)

Публицистика, в том виде как ее определяет Энциклопедический словарь, то есть как «род произведений, посвященных актуальным проблемам и явлениям текущей жизни общества, играющий важную политическую и идеологическую роль как средство выражения плюрализма общественного мнения, в т.ч. формирующегося вокруг острых проблем жизни»¹, была востребована и оказалась на гребне общественного интереса в годы гласности и перестройки М.С. Горбачева. И мы с полным правом говорим, что современная

¹ [Электронный ресурс] / - Точка доступа: <http://tolkslovar.ru/p24655.html>

русская публицистика формировалась и окрепла в 1985 – 1990 годы. Появились новые имена, известные журналисты раскрыли по-новому свои таланты в новых условиях работы, в изменившейся общественно-политической ситуации в стране.

Обратимся к авторитетному мнению исследователя журналистики Ясена Засурского: «что касается открытого общества, то его развитие началось с политики М.С. Горбачева, направленной на демократизацию и либерализацию. ...»

Идея гласности похоронила законность авторитаризма, хотя некоторые из аналити-

ОЛЕГ СИДОРОВ. ОТ 1990-Х ДО НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

ков политической деятельности Горбачева выражают сомнения в том, что политика действительно поднимались до реальной демократизации коммуникаций и всей общественной сферы (Splichal). Гласность тем не менее дала новый толчок развитию политической прозрачности и открытости во всем мире, но особенно в России, и понятие гласности оказалась наиболее близким к концепции открытого общества и почти его синонимом²».

Но прелюдией к гласности стала активность граждан, что в свою очередь стала итогом открытости самого Генерального секретаря ЦК КПСС, готового услышать разные мнения и суждения. Это вызвало всплеск писем, прямых обращений на имя непосредственно первого руководителя страны. Как вспоминает Михаил Горбачев в своей книге воспоминаний «В ЦК шел поток писем (по 3,5-4 тысячи в день), и большая их часть с тревогой по поводу бездействия местных властей³». И это было зримым знаком того, что народ поверил в изменения в политике руководства страны, вернулась вера в их способность изменить окружающий мир к лучшему.

Как далее пишет М. Горбачев в мире и в стране люди поняли гласность, «как условия и функцию свободы. Для советского руководства она означала – начать говорить правду своему народу о состоянии страны и об окружающем ее мире⁴».

Владислав Доллонов, тогда еще студент Якутского государственного университета, пишет письмо генеральному секретарю ЦК товарищу М.С.Горбачеву. И это письмо было продиктовано общей атмосферой сложившейся в стране, верой, что твой голос услы-

шат. И услышали! Какова же была реакция? Все, кого так или иначе касалось письмо, написали подробные ответы. Кто-то соглашался, кто-то написал «как было принято» в те еще советские годы отвечать на письма, да и сейчас, иногда, «что все нормально, нечего беспокоиться». С высоты сегодняшнего дня не стоит критиковать или обвинять кого-то, надо понимать само то время, начало реформ в стране. Еще сильны были предрассудки, боязнь всего острого, боязнь советской коммунистической системы, несколько раз прошедшей идеологическим прессом-бульдозером репрессий по национальной интеллигенции.

Письмо студента и ответы на него — интереснейший документ эпохи гласности и перестройки. Словами студента говорило само время. Здесь в эмоциональном письме выражены настроения в обществе, прозвучали вопросы, которые невольно возникали среди молодежи и интеллигенции. Проблемы, можно сказать, выплеснулись из «кухонных диспутов и разговоров» на общественный суд. В этом была и есть ценность этого поступка автора письма. В письме также выражена вера в реальные изменения в стране. Жить значит верить — вот что проходит рефреном через весь небольшой текст письма. Письмо представляло свободомыслие якутского студенчества тех лет и войдет в историю как небольшой, но очень яркий срез общественной мысли конца 1980-1990-х годов.

То есть, в этом я вижу одно из проявлений гласности в якутской общественной жизни. Потому что через некоторое время В. Доллонов становится непосредственным участником общественно-политических движений в республике и публикует несколько важнейших публицистических материалов той эпохи. Это статьи “Равная ли среди равных?”, “День Республики” в «рупоре гласности», как воспринималась эта газета в те годы, в «Молодежи Якутии».

Эпоха 1990-х осталась для поколения кому

2 Засурский Я.Н. Открытое общество и доступ к информации: роль российских средств массовой информации // Засурский Я.Н. Испытание свободой. Российская журналистика: 1990-2007. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. — С.63.

3 Горбачев М.С. Наедине с собой / М.Горбачев. — М.: Грин Стрит, 2012. — С.434.

4 Там же // - С. 435.

ныне за сорок и под шестьдесят, временем свободы. И заголовок, выбранный автором для одной из своих последних статей — «Осухай Свободы» тому лучший постамент. И это слово «Свобода» и национальный танец осухай были рефреном и конкретным действием, участием молодых людей в общественной жизни той эпохи романтических надежд.

Публицистика — это всегда актуально, на потребу дня. В то же время публицистика требует вдумчивого, аргументированного и аналитического подхода к теме. Все эти признаки мы находим в творчестве Владислава Семеновича. Искренность и убежденность — вот что характеризует его публицистику.

В. Доллонов не изменяет своим принципам, выбранным однажды в студенческие годы: оставаться патриотом родины и быть всегда острым на слово, верить в свободу, мыслить, думать и излагать свое видение важнейших общественно-политических процессов и проблем.

Еще один важный момент в его творчестве и одна из особенностей или специфика якутской журналистики, это — двуязычие. В. Доллонов — один из редких примеров двуязычия в публицистике и литературе нашего времени.

Собранные в этой книге статьи берут читателя за душу своей непосредственностью и образностью. Литературный талант автора виден в каждой строке и как подтверждение мы знакомимся, надо сказать, впервые с его художественным опытом — подборкой стихотворений. Последней его крупной работой как переводчика стал «Великий столетний план» Платона Ойунского, опубликованный в журнале «Полярная звезда».

В.С. Доллонов как публицист, переводчик, писатель находится в самом зените своего творческого взлета. Пожелаем ему новых достижений и долгого пути в мире литературы и журналистики!

Анатолий ИВАНОВ – ЛЭЭГИ,
г. ТОММОТ

ОХОТНИЧЬИ рассказы

Ловушка

Этот случай случился у меня, охотника-промысловика с 41-летним стажем, проведённым на промысле в тайге. Осень стояла тёплая, снега долго не было, поэтому я выехал на дальний участок в канун праздника 7 ноября. На междуречье рек Алдана Амги был ключ Онье, снега там, в нагорье, уже хватало. Два дня выставлял капканы по ближним ключам. Ягоды в этом году было очень мало по всему району. Вечером по рации сосед по участку, Карамзин Петр Романович сообщил,

что в мою сторону пошел медведь – шатун, и сказал, чтоб я был осторожен.

Утром 9 ноября, я паяльной лампой разогрел буран. Сорокашестиградусный мороз днём поднимался на десяток градусов. Завел снегоход, нарубил наживы, положил капканы и поехал выставлять по ключу Онье. До обеда, проехав 15 км, по путику вдруг заметил след медведя-шатуна. Остановился и стал изучать следы зверя. Они были примерно двухдневной давности, шли вверх по ключу в

АНАТОЛИЙ ИВАНОВ. ОХОТНИЧЬИ РАССКАЗЫ.

сторону моей избушки, но свернули в сторону сопки. И я решил проверить по следам, откуда он пришел, проехав на буране по путику ещё с километр. Я понял, что медведь явно шел в сторону моего зимовья, следы постоянно шли по путику, временами сворачивая в сторону в поисках пищи, но ягоды нигде не было.

Подумав, я развернул снегоход обратно и поехал домой. Приехав на свой бивуак, пообедав, чтоб не терять времени, занялся заготовкой дров. К вечеру, закончив домашние дела, занёс кавалерийский карабин образца 1941 года, 7.62калибра, доставшегося мне от покойного деда, в избу. Дал оттаять, почистил, проверил, зарядил и поставил в изголовье, около нар к окошку. Весь вечер я был подавлен, нехорошее предчувствие со встречей с шатуном меня сильно беспокоило. Я знал, что со мной что-то должно случиться. Ночью я долго не мог уснуть, все время в страхе при-

слушивался к каждому шороху. Эх, что ж я не взял с собой собаку? Она осталась на базе у сторожа. Собака могла бы предупредить вовремя. Ночью всё время просыпался и долго не мог уснуть, под утро, уставший, заснул крепким сном.

Проснулся от шороха в изголовье избушки, шуршание снега и скрипа снега от чьих-то ног, как мне показалось, вдруг остановилось. Я зажёлг и надел налобный китайский фонарь и стал снова прислушиваться. Стояла зловещая тишина. Показалось, подумал я, но для страховки прикинул, кто там. И тут же оконная пленка порвалась от удара медвежьей лапы, в избу подул морозный воздух снаружи. В испуге схватив карабин, я отскочил от стола, в ужасе прижавшись к стене напротив окна. В дыру на пленке показался медвежий нос, из узкого окошка пахнула жарким звериным дыханием, он принюхивался, поведя носом в разные стороны. В испуге я прижался к

АНАТОЛИЙ ИВАНОВ. ОХОТНИЧЬИ РАССКАЗЫ.

стене и боялся пошевелиться, я понял, что попал в ловушку. Неужели он не отличает запах человека от запаха зверя или он настолько потерял врождённый страх перед человеком, и для него я просто добыча? Я вдруг почувствовал, как мое сердце стало дрожать, именно дрожать, а не биться, как положено сердцу. Оно дрожало так явно, что я испугался, вдруг медведь услышит эту странную дрожь, которая наполняла всё моё тело. Вдруг медвежий нос пропал, но в проёме появилась медвежья лапа с крючковатыми когтями, с грохотом на пол посыпалась посуда со стола. Пытаясь поймать меня, медвежья лапа, как мне казалось, неимоверно удлинялась, она была от меня на расстоянии вытянутой руки. От страха волосы на моей голове встали дыбом, я весь вспотел, пальцы на руках от перенесенного ужаса не слушались. Наконец я передёрнул затвор на карабине. Я не мог понять, почему он не боится человека. Запах человека явно бесит его, он с ещё большей яростью ревет, в темноте этот рёв страшен. Но это вывело меня из оцепенения, мигом исчезла лихорадка, которая только что трепала меня, я понимал, что сдают нервы. И всё же отодвигаюсь к углу, с опаской водил стволом карабина впереди себя, а потом корил себя за проявленное малодушие. Медвежья лапа, наконец, исчезла, но зверь, почуяв добычу, полез в окно. В проеме показалась огромная голова медведя, открыв пасть, он страшно заревел, слюни его обрызгивали моё лицо. Не целясь, я нажал на спусковой крючок в открытую пасть зверя. Грохот от выстрела был до того громким, что я, оглушённый, стоял с ружьем ничего не соображая. Голова зверя исчезла в проеме окна, сколько прошло времени не знаю. Я оглох на оба уха.

Наконец, очнувшись от выстрела, я пошёл к окну. «Вдруг медведь притаился?» – опасался я. До предела напрягая слух и всё равно ничего не слыша, я пытался хоть что-то уловить, но кругом всё затихло. Наконец, на-

бравшись храбрости, выглянул в разорванное окно и увидел, что медведь лежал, не подавая признаков жизни. Вдруг я сильно ощутил реальность – почувствовал, что сильно замёрз, особенно ноги. В сильном испуге я и не заметил, что хожу по мокрому полу. До меня дошло, что кальсоны на мне мокрые, изба сильно остыла от дыры в окне, оттуда сильно дуло. На улице опять было минус 46 градусов по Цельсию. Заткнув подушкой окно, я достал рюкзак, в котором лежало запасное теплое белье, быстро переоделся. Затопил печь и стал одеваться, чтоб выйти из избушки. Выйдя на улицу, я заметил, стремительно приближающийся рассвет. На глазах росла и ширилась багряная полоса на восточной окраине темно-синего неба. Уже приметно вырисовывались купы заречных елей, закрытых прозрачной легчайшей дымкой тумана. Подойдя к зверю, стал осматривать свою добычу. Это был крупный, шести-семилетний медведь. Пуля, разорвав язык, вышла навывлет у основания черепа, при этом раздробив шейный позвоночник. Медведь-шатун, решившийся забрать жизнь охотника, считается людоедом, которого обязательно надо добить. Никогда не знаешь, кто в итоге станет добычей. Но в этот раз он охотился на охотника, но стал его добычей.

Зайдя в избушку, позавтракал, разогрел буран, зацепил на капроновый фал и отбуксировал медведя до мелкого сухостоя. Нарубил дров, распалил костер и сжег добычу. Шкура была вся обледеневшая, поэтому забрал только желчь. Пока ехал, заметил, что поставленные мной капканы все разворочены, нажива съедена, домики развалены. Днём поехал восстанавливать разорённый путик, медведь прошел по моему следу все пятнадцать километров, при этом разбил всё на своём пути. Пришёл ко мне под самое утро, думаю, простят мои читатели мою откровенность в этом рассказе.

Благодаря запрету на отстрел этих живот-

ных, в последнее время Якутии стало очень много медведей. Установили сроки. За нарушение закона грозит штраф в размере 230 тысяч рублей. В связи с этим никто на медведей, конечно, не охотится, все боятся больших штрафов, отстрел строго по лицензиям. В былые времена медведя добывали круглогодично даже охотники-любители. Надо понимать, что в сбалансированной нормальной экосистеме медведи не нападают на людей. Они умные животные и в спокойной обстановке они лучше обойдут человека. Ведь у медведей очень сильно развит инстинкт самосохранения. Мои многочисленные встречи в течение нескольких десятков лет с хозяином тайги убедили меня в этом. Я, пожалуй, назвал бы сумасшедшим того, кто рассказал бы мне ночную историю нападения на человека в избушке. В местах, где его не беспокоят люди, он действительно владыка лесов. Что же тогда заставило этого медведя напасть на человека? У него ведь было совершенно откровенное намерение поужинать мной. За

что и поплатился своей жизнью. В последнее время у людей появилась плохая привычка прикармливать медведей. К примеру, у нас в Алданском районе дорожные работники на трассе оставляют отходы в помойных ямах, оттуда медведи кормятся. Самое худшее – это лесозаготовительные работы по укладке железной дороги, по прокладке высоковольтной ЛЭП, тревожащие медведей. Зверям не дают спокойно залечь в зимнюю спячку, они становятся шатунами. Поэтому они всё более непредсказуемые. Как ни крути, регулировать их численность всё же надо. Такая же ситуация с волками, у нас в республике с этими запретами их развелось очень много.

Аллын улар – мигрирующий глухарь

Эту историю я услышал от своего тестя Романа Карамзина. Роман Дмитриевич – охот-

АНАТОЛИЙ ИВАНОВ. ОХОТНИЧЬИ РАССКАЗЫ.

ник с большим стажем, девятикратный чемпион республики, кавалер ордена Трудового Красного знамени, ударник социалистического труда, депутат Беллетского кочевого совета в 1957г. Алданского района. Младший брат Карамзин Степан также удостоился высоких правительственных наград СССР. Награждён орденом Трудового Красного знамени, одним из первых в Алданском районе награждён орденом Дружбы народов, оба брата Карамзины Роман и Степан в 1957 году стали лауреатами ВДНХ в Москве. Уважаемый человек Роман Карамзин в Алданском районе, участник ВОВ, в советские времена его знала вся республика. В память о нем – великом охотнике, человеке с большой буквы – я повествую то, что он мне рассказал перед самой смертью.

Это было во время ВОВ, он был председателем колхоза имени Ленина, ему дали бронь. В колхозе остались также лучшие охотники – промысловики, которым Райком партии дал бронь, чтоб они добывали мягкое золото: всё для фронта – всё для Победы!

В колхозе остались в основном старики, женщины и дети, мужчин призвали в действующую армию. Многие из них не вернулись, остались на поле брани навсегда. В колхоз приходили с фронта похоронки, многие дети остались сиротами. Вдовы и их дети, старики работали с утра до вечера. Была карточная система и, чтобы заработать трудовни, всем колхозникам приходилось много работать.

В 1943 году начались пожары, в Алданском районе была сильная засуха. Всё лето стоял зной, было тяжело дышать от дыма. Колхозники изнывали от жары и мошки. К осени пожары стали утихать, но урожай в колхозе погиб от засухи. В лесу также не было ни грибов, ни ягод. Все высохло на корню. В Покров день выпал снег, охотники, получив наряд-задание выехали белковать. Мой тесть Роман Дмитриевич, сдав дела бригадиру, с младшим братом Степаном Карамзиным тоже выехал

на промысел. Белки в тот год было много. Тесть со своей супругой и младшим братом заехали на самый дальний участок Нюргучай. Примерно в 20-ых числах ноября они закончили промысел, добыли с младшим братом 3000 белок. Охота была удачной. К этому времени у них кончилась мука, продукты были на исходе, к тому же патронов осталось очень мало, только на обратный путь. В колхозе их ждали полуголодные люди, которым они везли мясо добытых лосей и тушки белок. Белки считались деликатесом. Дорога домой пролегла по речке Долкит, по которой они и кочевали на оленях. К вечеру они выехали на большую марь. Степан ехал впереди каравана. Вдруг он резко остановил свою упряжку и быстро привязал оленей к дереву. Стал отвязывать тозовку с легковой нарты. Приглядевшись, тесть заметил на мари большое скопление глухарей. Он тоже привязал своих оленей и тоже достал свою мелкокалиберную винтовку. Жене сказал, чтоб развязала нарту, где лежали остатки боеприпасов.

Глухари сидели на лиственничных деревьях – арбай – и кормились. Роман со Степаном с двух тозовок стали стрелять по кормящимся птицам, а супруга тестя тем временем достала остатки патронов, стала им подавать по очереди, счищая с них смазку тряпкой. Глухарей было очень много. Вся марь, насколько хватало глаз, была усеяна кормящимися птицами. Скрадывая глухарей по мари, они подходили от стаи до стаи, стреляли, пока не закончились патроны. Потом втроём стали собирать добытую дичь. Степан подстрелил шестьдесят восемь черных глухарей, а Роман штук пятьдесят. К вечеру они поставили палатку и затаборились. Ровно двое суток они теребили добытую дичь и сразу потрошили, чтоб было меньше груза. Пальцы на руках были взбиты до мозолей, но зато они знали, что полуголодные люди в колхозе будут сыты благодаря им. На утро, по рассказу моего тестя, они встали засветло. Роман вышел из

палатки посмотреть на тысячи мигрирующих глухарей. Такого множества птиц он больше никогда не видел в жизни, сколько не охотился. С рассветом глухари стали сниматься, стоя за стайей и улетать в одном направлении в сторону Буотамы, Олёкминского района. Видать, перелетали из-за отсутствия ягоды – голубицы, брусники. Так рассуждал мой тесть. А к весне он заметил, что стаи глухарей возвращались к себе на родину, в Алданский район.

Вот так бывает в природе, даже птицы возвращаются домой, на свои обжитые места. Летом 1944 года Роман поехал в Райком партии и написал заявление, попросился в действующую армию и добровольцем ушёл на фронт. Воевал и с Японией. Демобилизовался с армии в 1946 году, вернулся домой без единой царапины. У него родились четыре сына и одна дочь Галя – моя супруга.

Это был прекрасный человек, очень работящий, честный и память о нём останется в наших сердцах.

Лесная трагедия

Этот уникальный трагический случай был записан мною со слов охотника промысловика села Угоян Архипова Афанасия Петровича 1931 года рождения.

Совсем молодым я охотился с Карамзинным Петром Романовичем, кадровым охотником совхоза Алданский, по притокам реки Амга, у ключа Эрэхикян.

Вечером, мы, кочуя на оленях, догнали бригаду охотников, которые стояли табором. Собаки охотников залились громким лаем, увидев незнакомых людей. Остановившись, мы вошли в палатку, попив чаю, посовещавшись, решили переночевать, поставить свою палатку рядом с ними.

Быстро распрягли оленей, достали топоры и начали рубить ёлки и делать жерди для устройства нашего табора. Быстро поставив палатку, я принёс ключевой воды, поставил на огонь чайник, в котелок положил куски мёрзлой сохатины. Стали обустройства вну-

АНАТОЛИЙ ИВАНОВ. ОХОТНИЧЬИ РАССКАЗЫ.

три палатки, расстелили олени шкуры, занесли постельные принадлежности. Развели на улице костёр, поставили большой котёл, стали варить корм для собак. Сделали ченгай для оленей и отпустили их пастись. Уже начало темнеть, когда мы закончили работы по бивуаку. Зажгли в палатке свечку, собрались ужинать.

Снаружи послышались лёгкие шаги – к нам пришёл гость, сосед Афанасий Петрович Архипов. Зайдя к нам, он в первую очередь внимательно оглядел нашу работу, похвалив нас, достал пачку беломора, сел на шкуру и прикурил папиросу. Тем временем, мы накрыли стол, достали бутылку водки и пригласили нашего гостя к столу поужинать вместе с нами. За ужином мы познакомились. Он попросил называть его дедом Апанасом. После ужина мы собрали стол, и, как полагается у охотников, начались разговоры. Он расспросил меня о родителях, которых он, кстати, знал давно, со времен ВОВ. В детстве они иногда встречались на таёжных тропах во время охоты на белок в колхозе имени Кирова, Буягинского наслега. Дед Апанас делился с нами своим опытом как старый промысловик, рассказал очень многое о повадках соболя, как легче его добыть в непогоду и морозные дни. Разговорившись, он и не заметил, как начал рассказывать эпизод из своей жизни.

В далёкой молодости, когда он начал свою нелёгкую профессию оленевода и демобилизовался с армии. Это было вначале 60х годах в села Угоян, ранее этого он работал оленеводом в колхозе имени Кирова. В то время в каждом колхозе были охотники зверобои, которые добывали мясо диких копытных для лисиц, потому, что в колхозах были лисофермы. Охотники – зверобои были обеспеченными и уважаемыми людьми в колхозе. Они с подхода могли добыть любого зверя: лося или дикого оленя, к тому им выдавали лучшее оружие колхоза, охотничьи карабины, винтовки Мосина.

Молодой оленевод бредил мечтой стать зверобоем во что бы то ни стало. Он договорился с охотником Ивановым Димой, который взял его к себе в бригаду, это было примерно в начале февраля. Сходили к бригадиру, написали заявление. Охотовед колхоза выдал Афанасию охотничий карабин 8.2 калибра, которых в отделение пришло всего 5 штук. Получив новое нарезное оружие Афанасий очень довольный пошёл домой собираться на промысел. Февраль месяц считается самым лучшим месяцем в году для охоты на диких копытных. Дуют сильные ветра, опадает кухта с деревьев. Снежные комья падая, замерзают под деревьями, образуют наст, это время не упускают эвенки – зверобои. Самое время скрадывать зверя на камусных лыжах, наст хорошо держит охотника. Вскоре бригада выехала на промысел недалеко от села Угоян.

Наставник Афанасия предупредил, что недалеко от палатки на мари зимовал большой лось, которого он не смог добыть зимой, были сильные морозы, зверь был очень осторожен и хитрый. Наутро дул сильный ветер со снегопадом, хорошая погода радовала охотников. Быстро позавтракав, охотники стали одеваться, напарник надел пыжиковую шапку из шкуры молодого рыжего лосёнка, старую кухлянку – арбагас. Афанасий надел шапку из белки и старую кухлянку. Наставник сказал, что это маскировка очень подходит для охоты. Он торопил Афанасия, пока зверь кормится, его надо успеть добыть утром, во время снегопада. Они одели камусные лыжи и быстро заскользили в сторону, где находился зверь. Действительно, вскоре они нашли утренные наброды кормящегося зверя. Погода стояла очень тёплая, было жарко тропить зверя, наставник вывернул шапку ушами вверх. И потихоньку вдоль опушки леса стал скрадывать зверя. Афанасий шёл следом, держа карабин наизготовку.

Лось кормился прямо на мари вдоль клю-

ча, собирая молодые побеги тальника. Видимость была плохая, постоянно шёл снег. У Афанасия, к сожалению, было слабое зрение. Напарник сказал, что лось после кормёжки должен залечь около кромки леса, поэтому он часто подрезал след лося, высматривая зверя. Но старый зверь оказался хитрее охотников, он залёг прямо на мари, среди густого ёрника в кочкарнике. Лось много раз так спасался от преследования, он издали заметил погоню и рысью убежал с мари в лес, охотники об этом не догадывались. Они потихоньку шли по следу зверя. Наконец напарник остановился, пальцами пощупал утренний помет лося, оставленный на снегу, он был мёрзлый. Он, подумав, оценив обстановку, шёпотом сказал, чтоб он шёл на противоположную сторону ключа. И потихоньку шёл вдоль кромки леса, не теряя его из виду. Когда напарник перешёл ключ и чистый прогал мари, он махнул ему рукавицей, и они осторожно двинулись дальше по следу, только с двух сторон. Но высокий ёрник местами был очень густой, и он терял из виду своего напарника. Наконец Дмитрий дошёл до лёжки, вспугнутого ими зверя, который убежал в лес из-за густого ёрника. Они его не заметили. Крикнув своему напарнику, чтоб тот возвращался к нему, но сильный порыв ветра унёс его голос в другую сторону.

Наставник, стряхнув рукавичкой снег с кочки положив на неё рукавичку, сел отдохнуть. Расстегнул куртку, достал кисет и трубку. Стал высматривать своего напарника, нагнувшись от ветра, стал раскуривать свою трубку. Пока закурил трубку, которая плохо раскуривалась, он не заметил, как к нему подошёл на выстрел его напарник.

Приподняв голову, он заметил его, но было уже поздно. Напарник шёл наизготовку, вскинув карабин к плечу, на долю секунды ёкнуло у него сердце, а потом снова забилося ровно, но во рту стало горько и сухо. Молодой охотник поймал в прицеле винтовки голову зверя,

плавно нажал на спусковой крючок. Резкий, сухой щелчок выстрела, погашенный ветром со снегопадом, раздался по мари. Передёрнув затвор карабина, он довольный пошёл к добытому зверю, который так и не поднялся. Когда он подошёл к тому месту, он не понял, что случилось, наставник лежал на спине, далеко откинув правую руку, в которой была трубка, она ещё дымилась, сведённые судорогой пальцы, крепко держали её. Застывшие, но ещё не потерявшие живого блеска глаза его в изумлении были широко раскрыты. Вздёрнутая верхняя губа, немного приподнялась, обнажив влажные зубы, и лёгкая тень удивлённой улыбки запряталась на треснутых от мороза губах. Снег хлопьями падал на его лицо, но пронзительный ветер сдувал его, развивая чёрную прядь волос. Ничего не соображая, он стал поднимать за голову своего напарника. Руки покрылись густой красной кровью, пальцы нащупали, что-то скользкое, затылок был пустой. Пуля попала в левую бровь и вышла на вылет, весь ёрник рядом был в крови, на кустах везде были останки с головы, кровь с человеческими мозгами.

Афанасий понял, что случилось непоправимое – лесная трагедия. Повернувшись, он заметил на снегу виновницу несчастного случая. Шапка лежала рядом с покойником, уши шапки, были подняты кверху, которые он и принял за уши лося.

На место происшествия выезжала оперативно-следственная группа в составе участкового, оперуполномоченного уголовного розыска, следователя прокуратуры, эксперта криминалиста и председателя колхоза Угоян Марфусаловым Петром Алексеевичем. В результате следствия было установлено, что выстрел был произведён с охотничьего карабина 8.2 калибра. С расстояния 153 метров при плохой видимости. Факт неосторожного лишения жизни своего наставника, гражданина Иванова Дмитрия Ивановича во время совместной охоты на лося. Экспансивная

АНАТОЛИЙ ИВАНОВ. ОХОТНИЧЬИ РАССКАЗЫ.

пуля 8.2 калибра попала Иванову Дмитрию в левую бровь и вышла на вылет.

Гражданин Архипов А.П. был осуждён по статье 109, часть 1. Условная мера наказания 2 года. А шапка покойного была в суде как вещдок.

Я очень уважал старого эвенка, деда Апанаса и поэтому написал этот рассказ, который назвал лесная трагедия. Этот роковой случай был большой ошибкой молодого охотника. В азарте стрельнувшего по неясно видимой цели, которое привело к печальному исходу.

После этого случая он ушёл работать на старое место оленеводом. Так и не став зверобоем он прожил до глубокой старости, работая оленеводом в общине. Умер в 2012 году в возрасте 81 года.

Осечка

В 1952 году в Алданском районе началась реорганизация колхозов.

Колхоз имени Буга объединили с колхозом имени Кирова. Эта политика началась по всей Якутии, она сильно отразилась на местном населении. Разорялись целые колхозы, миллионеры перегоняли скот, оленей на дальние расстояния. Дорогой животные не выдерживали, гибли от истощения, олени разбегались, лисы умирали от болезней и нехватки корма в дороге. У местного населения была сильная депрессия, старые люди сильно переживали, покидая нажитые места, ломался уклад жизни местного населения.

Люди брали с собой в дорогу только спальные принадлежности и посуду. На колхозных оленях в упряжки оленеводы грузили маленьких детей и женщин. Мужчины перегоняли скот, оленей. На нарты грузили клетки с лисами, бросая на произвол судьбы нажитое годами добро, дома. Женщины от горя

плакали, навсегда покидая обжитые родные места.

Та же участь настигла и оленевода колхоза имени Кирова Исакова Тимофея. Перегнав колхозных оленей на речку Янты, Буягинского наслега, оленевод Исаков перевёз свою семью на новое место жительства. Все лето они с рабочими и оленеводами делали загон – карал для пригнанных оленей с колхоза имени Кирова. Часть оленей за лето разбежались, часть погибла от зубов хищников. От стада оленей в 700 голов к осени осталось половина поголовья. Лисы, также дорогой простыли, передохли, не выдержав трудной дороги. Молодые телята тоже не выдержали трудностей дороги, пали... Колхоз-миллионер имени Кирова в одночасье разорился. Людей согнали в один большой совхоз, люди начали спиваться, молодёжь не хотела работать.

Наступила осень, сентябрь месяц. Колхозных оленей загнали в большой карал – загон.

Семья оленевода Исакова Тимофея осталась на стойбище сторожить оленей в загоне. Примерно в двадцатых числах сентября глава семьи Тимофей Андреевич пошёл обходить загон, посмотреть оленей. Вооружившись берданкой и пальмой, он сказал жене, что вечером обязательно вернётся домой. К вечеру он так и не вернулся. На следующее утро супруга отправила сына Николая в колхоз к председателю сообщить о пропаже мужа. Председатель дал людей на поиски пропавшего оленевода.

На третьи сутки труп старика обнаружили. Он скончался от множества ран, полученных от зубов медведя. В придачу у него была сломана челюсть. Оленевод скончался от потери крови. По кровавым следам, оставленных на тропе, сын Николай и охотники – помощники дошли до места схватки человека со зверем. На месте схватки лежало сломанное ружье и разбитая в щепки пальма, ножа они не нашли. Когда открыли затвор берданки, то вынули оттуда патрон, который был целый, он

дал осечку. Капсюль на нем был пробит, но патрон не выстрелил, видать был отсыревшим. Это и решило исход схватки со зверем, которое привело к гибели человека. Оленевод, видимо пытался отбиться пальмой, которая была у него в руках, но схватка оказалась неравной, медведь перекусил рукоять пальмы и сломал её. Оленевод достал охотничий нож и стал отбиваться им, которого так и не нашли на месте схватки.

После неравной схватки человек прополз 2 километра по тропе в сторону стойбища и скончался от потери крови. По следам охотники определили, что медведь был очень крупным.

Погибшего оленевода Исакова Тимофея Андреевича похоронили на устье речки Модут Буягинского наслега.

Этот рассказ я записал со слов его племянника Яковлева Родиона Терентьевича.

Фотографии
Варвары Кулаковской

Осипова Анна Афанасьевна

Живописец Анна Осипова родилась 2 июля 1976 году в г. Якутске. В 1995 г. окончила Якутское художественное училище им. П.П. Романова (мастерская Н.Н. Иннокентьева), в 2001 г. - Дальневосточную государственную академию искусств (мастерская К.И. Шебеко), затем стажировалась в отделении «Урал, Сибирь, дальний Восток» Творческих мастерских живописи Российской академии художеств в Красноярске (2009-2013). С 2001 по 2009 год преподаватель рисунка и живописи в Арктическом государственном институте культуры и искусств, г. Якутск, с 2007 – член Союза художников России. Произведения находятся в ГБУ ГМХК «Национальный художественный музей РС(Я)», г. Якутск, в КГБУК «Красноярский художественный музей имени В.И. Сурикова», г. Красноярск, частных коллекциях Франции, США, России.

Творчество Анны Осиповой изобилует сюжетными сценами, жанровыми мотивами философского свойства. Особую ценность представляет лавина воспоминаний. Она позволяет сохранить случайность и закономерность, осуществить соразмерность и согласованность композиции, систему и порядок чередования форм, характеристики персонажей и окружения. Прекрасное

воодушевление персонажей именуется искусством объединить «душевное действие». Поэтому радужное течение жизненных обстоятельств, фиксируемая в картинные плоскости, является знаком равенства жизни и элементов игры. В ее холстах красочные сочетания гармоничны, декоративные возможности цвета обоснованы: цвета создают экспрессивное прерывистое пространство, стабилизируют эмоциональное состояние, помогают ощущать размеренное течение времени. В них столько энергии, силы, волнения, движения духа творчества и свободы, а также выдумки и фантазии, большой игры воображения, которая базируется на тонком наблюдении реальной жизни.

Современного мастера отличает свой, не похожий ни на что, пластический язык, из года в год совершенствующийся и развивающийся.

Как правило, произведения Анны Осиповой посвящены Крайнему Северу, его людям, природе. В картинах молодой живописец сосредотачивается на национальной пространственно-временной модели и характере мировосприятия. Пластически трансформируя и стилизуя этнографический материал, автор наполняет его новым современным эстетическим духовным содержанием. Ее холсты экспрессивны и декоративны, обращение к изображению реальных форм обогащает и углубляет композиционное содержание красочных полотен.

«Когда я писала родную Якутию и наши национальные традиции – я писала то, что видела» - делится воспоминаниями Анна. И действительно, в белоснежной россыпи холста появляются лики кочующих оленеводов: триптих «Путь жизни» (2010), «Полярная ночь» (2008), «Путь» (2008), нежная красота северянок: триптих «Дьол» (2009), триптих «Весна» (2008), удивительный и красочный мир детства: «Кай и Герда» (2008), «Малыш» (2008), «Детство» (2013).

Искусство Анны Осиповой актуализирует связь современного изобразительного искусства республики с творчеством художников предшествующего периода, ведь она дочь якутских живописцев Афанасия Осипова и Зинаиды Курчатовой.

Курчатова Зинаида Капитоновна

Живописец, член Союза художников СССР (1977), член Союза художников России (2007). Родилась 22 июля 1948 г. в с. Большой Патом Бодайбинского района Иркутской области. В 1968 г. окончила Якутское художественное училище им. П.П. Романова (мастерская П.А. Ласс), в 1974 г. – Дальневосточный институт искусств в мастерской К.И. Шебеко. После окончания института работала преподавателем рисунка и живописи в Якутском художественном училище им. П.П. Романова. Начало ее творческой деятельности связано с поездкой в Тикси в составе всесоюзной молодежной группы «Художники – флоту» в 1975 г. и в последующие годы она часто ездит на Север Якутии, в результате чего приходит к созданию пейзажа лирико-эпического характера.

Участница выставок: респ. худ. ЯАССР, «Молодость России» (Москва, 1976), регион «Советский Дальний Восток» (Чита, 1980; Владивосток, 1985), «Советская Россия» (1985), произв. художников авт. респ., обл. и нац. округов РСФСР (1989). Работы Зинаиды Курчатовой хранятся в Национальном художественном музее РС(Я), в Дирекции выставок Худ. Фонда РФ.

Произведения находятся в ГБУ ГМХК «Национальный художественный музей РС(Я), г. Якутск, в

ГБУК «Сахалинский областной художественный музей», частных коллекциях России.

Скончалась 27 августа 1983 г. в Якутске.

Якутская художница Зинаида Курчатова вошла в искусство Якутии во второй половине 1970-х годов со своим собственным, светлым и поэтичным взглядом на мир. Мягкая женская деликатность, утонченная красота композиций выгодно выделяет ее произведения в панораме якутской живописи тех лет. Творческая биография Курчатовой началась с портретного жанра. В ранних работах выявляется главное качество ее дарования – чувство цвета. Об определенных колористических задачах свидетельствуют сами названия полотен «Девушка в красном» (1977), «Девушка в голубом» (1977). В этом плане очень удачно решен портрет «Саши Павлова» (1976) – изящный в рисунке, декоративный в цвете.

Значительное место в творчестве Курчатовой занимает пейзаж. В 1970-80 годы Зинаида много путешествует по Якутии, Монголии. Полотна можно объединить в определенные циклы, созданные под впечатлением от этих поездок. В северных пейзажах художница идет от непосредственного чувства величавого необъятного простора и романтической приподнятости: «Осенняя тундра» (1975), «Закат над Момой» (1977), «Озерки в Момской тундре» (1979), «Горы Байына» (1982), «Вечер в горах» (1983). Цветовая гамма холстов звучная, напряженная.

Зинаиду Курчатovu в искусстве отличала страстная творческая увлеченность и смелость. Кажется, ей все было подвластно – цвет, ритм, форма, образ. Она умела прислушиваться к себе и миру. Внутренние движения чувств, вызванные общением с природой, людьми, с произведениями классического искусства, становились тем материалом, который питал ее творчество.

Всего лишь одно десятилетие творчества художница успела отдать любимому делу – искусству. В работах Курчатовой отразилась ее необыкновенная душевная энергия, оптимизм и жизнелюбие. Композициям, решенным в лирико-романтическом ключе, свойственны ощущения радости жизни, красоты и гармоничности бытия.